

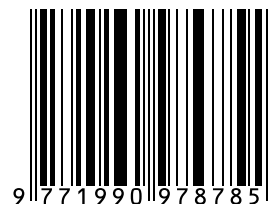
Подписные индексы
ОАО Агентство «Роспечать»: 46811

«Сила власти государственной всегда измеряется
народным благосостоянием»

Андрей Карлович Шторх (1766–1835),
первый российский академик
в области политической экономии и статистики,
вице-президент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук

ISSN 1990-9780
Экономическое возрождение России
№ 2 (60) 2019

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ №2 (60) 2019

TM

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Материалы Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека» * Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики * Цифровизация экономики: драйверы и результаты * Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов * Цифровизация российской экономики – от тактических задач к стратегической повестке * Технологический детерминизм и экономическое развитие: что дальше? *

№2 (60)

2019

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Научные статьи должны включать следующие элементы: постановку проблемы в общем виде, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами; анализ последних исследований и публикаций (в том числе иностранных), в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор; выделение не решенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; формулирование целей статьи (постановку задания); изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Обязательны ссылки на источники статистических данных, а также на использованную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Кроме текста статьи необходимо представить название, аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках, а также УДК.

Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на представленное произведение (статью).

Просьба направлять статьи на электронный адрес: evr@inir.ru и в виде распечатки на бумаге по адресу: 197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16. Каждая статья должна быть представлена отдельным файлом в формате MS Word, иллюстрации – в черно-белом варианте в формате tiff или jpg.

Для представления авторов просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, название учреждения, в котором автор работает, должность, ученую степень и звание, а для общения с редакцией – адрес электронной почты и телефон. Редакция оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации. Статьи, соответствующие тематике журнала, отсылаются на рецензирование специалистам.

С аспирантов плата за публикацию не взимается.

Редакция доводит до сведения авторов, **что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «РУНЭБ» неисключительных прав на использование как журнала «Экономическое возрождение России» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).**

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство «Роспечать»».

Сведения о подписке через редакцию можно получить по телефону: (812) 313-82-68 или e-mail: evr@inir.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 2 (60) 2019

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетель-
ство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г.
ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

**Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опу-
бликованы основные научные результаты диссертаци-
онных исследований на соискание ученых степеней доктора и канди-
дата наук (Решение Президиума Высшей аттестаци-
онной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля
2012 года № 8/13).**

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.

Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного раз-
решения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. В. Фёдорова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 20.05.2019 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 2000 экз. Заказ 19413.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2019

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of
Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific edi-
torial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences

CONTENTS

St. Petersburg International Economic Congress «Foresight «Russia»: Technological, Economic and Human Prospects»

<i>Bodrunov S. D.</i> Technological revolution necessitates a profound reform of the economy	5
<i>Glazev S. Y.</i> Priorities of the Russian economy's accelerated development during the transition to a new technological mode	12
<i>Aganbegyan A. G.</i> On overcoming stagnation, recession and achieving 5% growth	17
<i>Porfiryev B. N.</i> Climate factor in medium-term development prospects of the Russian economy: adjustment imperatives and efficiency	24
<i>Kalashnikov S. V.</i> New social challenges	29
<i>Lenchuk E. B.</i> Digitization of the economy: drivers and outcomes	32
<i>Kleiner G. B.</i> Problems of domestic enterprises reforming	38
<i>Belousov D. R.</i> Digitization of the Russian economy – from operational goals to strategic objectives	47
<i>Porokhovskiy A. A.</i> Private and public interests as development factors under digitization	55
<i>Ryazanov V. T.</i> Technological determinism and economic development: what is next?	62
<i>Eliseeva I. I.</i> What is happening with the Russian government statistics?	69
<i>Mirkin Y. M.</i> Collective behavior model and the future of the Russian economy	81
<i>Tretyakov V. T.</i> What economic and social breakthrough does the Russian public expect?	89
<i>Toshchenko Zh. T., Anisimov R. I.</i> Precarious work in Russia: status and trends	93
<i>Voeikov M. I.</i> The state, the technological revolution and the new economy	104
<i>Gorodetsky A. E.</i> State strategic planning: regional experience	115

Reviews

<i>Zotova E. S.</i> Classical political economy: essential knowledge	132
--	-----

Article excerpts (in English)

<i>Bodrunov S. D.</i> Technological revolution necessitates a profound reform of the economy	138
<i>Glazev S. Y.</i> Priorities of the Russian economy's accelerated development during the transition to a new technological mode	141
<i>Aganbegyan A. G.</i> On overcoming stagnation, recession and achieving 5% growth	143

СОДЕРЖАНИЕ

Санкт-Петербургский международный экономический конгресс «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики.....	5
<i>Глазьев С. Ю.</i> Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов	12
<i>Аганбегян А. Г.</i> О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста	17
<i>Порфирьев Б. Н.</i> Климатический фактор развития российской экономики в среднесрочной перспективе: императивы и эффективность адаптации	24
<i>Калашиников С. В.</i> Новые социальные вызовы	29
<i>Ленчук Е. Б.</i> Цифровизация экономики: драйверы и результаты	32
<i>Клейнер Г. Б.</i> Проблемы реформирования отечественных предприятий	38
<i>Белоусов Д. Р.</i> Цифровизация российской экономики – от тактических задач к стратегической повестке	47
<i>Пороховский А. А.</i> Частные и общественные интересы как факторы развития в условиях цифровизации	55
<i>Рязанов В. Т.</i> Технологический детерминизм и экономическое развитие: что дальше?	62
<i>Елисеева И. И.</i> Что происходит с российской государственной статистикой?	69
<i>Миркин Я. М.</i> Коллективная модель поведения и будущее национальной экономики	81
<i>Третьяков В. Т.</i> Какого экономического и социального прорыва ждет российское общество?	89
<i>Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И.</i> Прекарный труд в России: состояние и тенденции	93
<i>Воейков М. И.</i> Государство, технологическая революция и новая экономика	104
<i>Городецкий А. Е.</i> Государственное стратегическое планирование: региональный опыт	115

Рецензии

<i>Зотова Е. С.</i> Классическая политическая экономия: знание, которое нельзя потерять	132
---	-----

Извлечения из статей (на английском языке)

<i>Бодрунов С. Д.</i> Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики	138
<i>Глазьев С. Ю.</i> Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов	141
<i>Аганбегян А. Г.</i> О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста	143

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

3 апреля 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялся V Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека».

Организатором СПЭК является Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России.

В работе конгресса приняли участие более 700 представителей ведущих научно-исследовательских институтов РАН, крупнейших университетов и других научно-образовательных центров России, а также депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России и зарубежные коллеги.

В рамках пленарной сессии конгресса состоялось заседание Секции экономики Отделения общественных наук РАН и научного форума Вольного экономического общества России «Абалкинские чтения».

Модераторами пленарной части конгресса выступили академик В. В. Ивантер и член-корреспондент РАН Д. Е. Сорокин.

С основным докладом на конгрессе выступил директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России С. Д. Бодрунов.

В данном номере публикуется подборка статей, подготовленных на основе докладов участников пленарных сессий конгресса.

*Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»*

С. Д. Бодрунов¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРЕБУЕТ ГЛУБОКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Принципиальная особенность текущего периода развития мировой экономики – качественная трансформация ее технологического базиса. Показано, что в основе всех изменений лежит рост знаниеемкости материального производства. Рассматриваются особенности знаниеинтенсивной экономики. Подчеркивается неоднозначность экономической ситуации в России (с примерами позитивных сдвигов и негативных явлений). Выполнен анализ проблем, требующих решения, отмечается важная роль экономической науки, теории и экономического образования в их решении, особенно в формировании человеческих ресурсов. Показано, что рост знаниеинтенсивности производства ведет к формированию новой реальности – к ноономике.

Ключевые слова: технологическая революция, реформирование экономики, материальное производство, рост знаниеинтенсивности, человеческие ресурсы, роль экономической науки, ноономика.

УДК 330.352

Принципиальная особенность текущего периода развития мировой экономики – качественная трансформация ее технологического базиса. Приходит понимание того, что эти изменения – не просто текущие «усовершенствования», происходящие каждодневно. Мы стоим в начале *качественных трансформаций*, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития. От монотонно-успокаивающих разговоров о постиндустриальном обществе, миражи которого заслоняли полисимейкерам и даже ученым пустыню деиндустриализации, началось движение к новой парадигме – *реиндустриализации*, восстановлению промышленности на качественно обновленной технологической основе.

У нас этот переход, несмотря на призывы верхнего эшелона власти, остается областью слов, а не дел. Областью разговоров, преимущественно о необходимости восстановления промышленности и техническом прогрессе; и все больше разрозненных упоминаний о тех или иных аспектах этих изменений. Но наши проблемы имеют совершенно другой масштаб, что только сейчас начинает осознаваться.

Между тем, ИНИР им. С. Ю. Витте в диалоге с рядом ученых РАН и мира работает над этими вопросами уже более 20 лет; в последние годы – совместно с огромным количеством участников-единомышленников на наших конгрессах (СПЭК и ПНО). В отличие от господствующих не слишком концептуализированных (а часто и не сис-

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор.

тематизированных) перечней новых технологий, мы предлагаем теоретическое осмысление этих трендов и считаем, что в основе всех изменений лежит *рост знаниеемкости материального производства*.

Отсюда вытекает все остальное: генерируемые этим знанием новые *НБИКС-технологии*; необходимая для знаниеинтенсивного прогресса *интеграция* производства, науки и образования; курс на основанную на высоких технологиях *реиндустриализацию*; возможность *опережающей* (в случае получения и освоения надлежащих знаний), а не догоняющей траектории развития российской экономики – перечень легко продолжить.

Все остальные компоненты (роботы, компьютеры, интернет, новые источники энергии, цифровые и нанотехнологии) – все это следствия, блоки, элементы происходящего на наших глазах, но не до конца осмысленного (и обществом, и научным сообществом) сдвига. Суть этого сдвига (намеренно повторяю) в том, что знания, а не вещи стали решающим фактором прогресса: 1) индустриального, 2) материального и 3) производства, а не некоего постиндустриального мира.

Качественное изменение материального производства приводит к рождению нового качества экономики и общества – нового индустриального общества второго поколения, которое становится прологом для последующего рождения качественно иного способа хозяйственной деятельности человека – ноономики.

Подчеркнем: вывод о переходе к знаниеемкому типу материального производства как основе всех остальных изменений, ведущих к новому индустриальному обществу второго поколения, 5 лет назад впервые озвученный на нашем конгрессе, находит все большие подтверждения и получает все большее признание.

Жизнь убеждает нас в его правоте.

Первое. Индустриальный по своим базисным характеристикам тип производства – это не прошлое. Это – и настоящее, и будущее. И XXI в. – это век рождения и все более быстрого прогресса новой, *знаниеемкой, индустрии*.

Второе. Это индустриальное производство является по своему содержанию *материальным*, ибо знания служат *средством прогресса материальной жизни общества* и человеческих качеств. На этой – материальной – основе могут и должны расцвести и культура, и образование, и наука, которые в процессе обратного влияния становятся важнейшими факторами и прогресса самого материального производства, и его *ноосоставляющей*.

Третье. Мы говорим о качественно новом индустриальном материальном *производстве*. Акцент на производстве в данном случае принципиально важен, ибо он обуславливает ряд важнейших и актуальнейших следствий.

Производство – это *прежде всего труд и человек труда*. Эти темы звучат у нас все реже, будучи задавлены вопросами финансов, денег, кредитов, торговли, маркетинга, и т. д. Между тем одна из важнейших основ перехода к НИО.2 – это развитие *нового содержания труда и нового работника*.

Акцент на производстве важен и для осуществления *реформ* в управлении экономикой, где у нас уже не первое десятилетие господствуют финансовый капитал и финансовые ведомства.

Наконец, приоритет производства должна учитывать и *экономическая теория*, где не худо бы вспомнить о новых разработках представителей и классической политической экономии, и мир-системного анализа, и ряда других научных школ.

В чем же суть знаниеинтенсивной экономики, каковы ее основные черты? Ответам на эти вопросы посвящены доклады на санкт-петербургских экономических конг-

рессах (2016–2017 гг.), наш доклад и его обсуждение на Секции экономики Российской академии наук в марте 2015 г., а также книги, которые предлагаются вниманию участников конгресса. А сейчас ограничимся несколькими репликами:

1. Наиболее ярко происходящие технологические сдвиги характеризует прямо *противоположная динамика* двух параметров: *роли и места* в создаваемых вновь продуктах *вещественных* факторов (1) и *знания*, возрастающего знания, формирующего знаниеемкий продукт (2).

2. Изменяется *процесс технологических инноваций* – для него характерны: а) «ускорение ускорения», своего рода вторая производная технологических обновлений; б) *непрерывность* инновационного процесса.

3. Формируются *возможности* и одновременно *необходимость интеграции производства, науки и образования* на микро- и макроуровнях.

4. Следствием этой трансформации становится изменение *места человека в общественном производстве* – он все более активно занимает положение «контролера и регулятора», что еще 150 лет назад предвидел Карл Маркс.

5. Возникают условия для постепенного снижения давления и *вытеснения симулятивных потребностей* мира пресыщения, и складываются материальные предпосылки для развития *человека знающего*, культурного; именно такой человек становится востребованным *знаниеминтенсивным производством*.

Все эти выводы, как уже говорилось, были представлены в виде научных гипотез на наших конгрессах и в дальнейшем получили некоторое подтверждение и определенное признание. Более того, мы уже далеко продвинулись вперед, уйдя от проблематики нового индустриального общества второго поколения и занимаясь в последние два года тематикой более отдаленной перспективы.

Проблема в том, что в данном случае теория, к сожалению, забегает вперед по отношению к практике, особенно в нашей стране. И хотя теория здесь – это пояснение целей, к которым надо идти в реальной экономической практике, но, как сказал классик: «... суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет».

Итак, ситуация в российской экономике, мягко говоря, неоднозначна. Справедливости ради отмечу – за 5 лет многое в нашей стране (как в экономике в целом, так и в продвижении идей восстановления индустриальных мощностей) удалось изменить к лучшему.

Многое, но далеко не все. Да и внешний контекст непрост. И дело не только в санкциях и контрсанкциях. На наших глазах меняется конфигурация мирового политико-экономического пространства. Россия оказывается перед жестким выбором: или стать одним из авторитетных игроков на этом поле, или оказаться в положении страны, зависимой от новых фаворитов и экономически, и политически.

В конце прошлого века угроза второго пути была более чем реальна. В последние годы ситуация меняется, и высокий уровень суверенитета России стал геополитической реальностью. Однако геоэкономический суверенитет нашей страны пока под большим сомнением. Нам удалось осуществить прорывы в сфере оборонного производства, наметились (пусть весьма неоднозначные, но все же позитивные) сдвиги в аэрокосмической сфере, в строительстве транспортных (в том числе – трубопроводных) сетей. Мы смогли реализовать проекты мирового уровня в спорте (Олимпийские игры 2014 г. и недавний чемпионат мира по футболу), которые невозможно осуществить без приличной экономики.

Но у этой медали есть и другая сторона (см. рисунок). Президент поставил задачу повышения темпов роста и вхождения в пятерку мировых лидеров. Однако у нас в экономике вот уже 10 лет наблюдается тенденция к стагнации, медленный рост перемежается спадами. Хотя за последние 10 лет мы имеем средний рост в 1 % в год, и это вопреки предыдущей деиндустриализации, санкциям, негативной конъюнктуре и т. п., что неплохо, но сегодня этого мало. Относительно оптимистичные цифры Росстата о результатах 2018 г. (рост ВВП на 2,3 %) нас не особенно вдохновляют, ибо, чтобы начать догонять (хотя бы по экстенсивным показателям) наших основных геополитэкономических конкурентов, по оценкам многих макроэкономистов, нам нужны цифры, как минимум в два раза большие. Только в этом случае мы можем опередить по темпам роста мировую экономику.

Но это – часть проблемы и не самая важная. России нужен не столько экстенсивный рост, сколько интенсивное развитие. Рост ВВП сам по себе не отражает реальных *качественных* сдвигов в экономике, я говорил и писал об этом лет 10 тому назад, как и многие коллеги. Именно здесь у России есть немалые проблемы.

За годы обострения внешнеполитических проблем мы не смогли в полной мере решить задачу *импортозамещения в сфере высокотехнологичного индустриального материального производства*. У нас все еще нет соответствующих мировому уровню массовых производств *знаниеемкого оборудования*, налицо дефицит современных кадров. У нас все еще большие проблемы с развитием как академической, так и прикладной науки.

О чем говорят наши успехи и наши проблемы? О том, что в стране есть и потенциал, и стремление решить проблемы, и это очень важно. Но четко выраженной стратегии, которая позволит использовать этот потенциал, пока нет. Более того, складывается ощущение, что и в обществе, и у властных структур нет понимания всей остроты необходимости глубокого реформирования системы экономических отношений и институтов, четкого осознания вытекающих из этого целей и методов экономической политики. И в первую очередь, нет, на мой взгляд, очень важного акцента – на необходимости отказа от ряда догм монетаристски-ориентированной экономической теории и экономического образования. А *последнее* играет отнюдь не *последнюю* роль в формирова-

Россия	Глобальная экономика
Средний рост ВВП в 2008–2018 гг. $\approx 1\%$	
Прогноз роста ВВП: S & P Global Rating (2018–2021 гг.) $\approx 1,7...1,8\%$; Правительство РФ – $2...3\%$ (к 2021 г.)	Прогноз роста ВВП на 2019–2020 гг. (Fitch): $\approx 2,8...3,1\%$

Необходимо существенное повышение темпов
и качества экономического развития

нии кадров, определяющих экономический курс страны, ее будущее. И здесь большая ответственность лежит на экономической науке.

Мы должны помочь теоретически правильно сформулировать, *во-первых*, цели нашего развития. Об этом мы обычно мало задумываемся, ограничиваясь постановкой количественных задач: удвоение ВВП, вхождение (опять же по общему объему ВВП) в пятерку крупнейших стран мира и т. п. Между тем правильное определение цели – это главное. Обоснование выбора стратегически выверенных целей и дает наука, теория, которые позволяют не просто предугадать – *обосновать* направления будущего развития. Наши совместные исследования (в том числе наработки ИНИРа и коллег по нашему конгрессу, ведущиеся в непрерывном диалоге с учеными Российской академии наук, с экономистами, объединенными в Вольное экономическое общество) показывают: такая *цель* – это *ускоренный технологический прогресс*, ведущий к прогрессу человека, общества и экономики. Этот вывод, казавшийся едва ли не очевидным уже в середине XX в., долгие годы у нас *на практике* подвергался не просто сомнению или переносу «во второй ряд», но забвению. Ставились по преимуществу тактические цели, причем приоритетно не связанные с технологическим развитием.

В последнее время, еще раз отмечу, произошли некоторые позитивные подвижки: сформированы Национальные проекты, предложена Национальная технологическая инициатива. О необходимости технологического развития неоднократно заявлял Президент страны, в том числе в недавнем Послании Федеральному Собранию. Это – весьма правильные шаги в направлении подъема национальной технологической базы. Но до целостного стратегического плана социально-экономического развития, в основу которого будет положен научно-технический прогресс, пока далеко.

Во-вторых, мы должны определиться с ресурсами. Для экономистов-практиков кажется едва ли не очевидным, что в данном случае речь должна идти в первую очередь о деньгах. Но это – не так. Самое парадоксальное, что деньги-то в России есть. Это убедительно доказал академик А. Г. Аганбегян. И я говорю не только о наших ЗВР, о профиците государственного бюджета. И даже не только о том, что около триллиона рублей бюджетных ассигнований прошлого года не было использовано. Речь идет и о других резервах, например: у нас до 30 трлн рублей – накопления предприятий, свыше 40 трлн – у населения, до 20 трлн рублей (а это, считай, годовой бюджет РФ!) составляет теневая экономика; все еще большие объемы капиталов вывозятся из страны и т. п. Как видим, дело не в финансовых источниках технологической интенсификации.

В знаниеинтенсивной экономике речь должна идти главным образом о человеческих ресурсах. И они в России тоже есть (РФ занимает одно из первых мест в мире по доле креативного класса, если считать по методике известного американского социолога-«креативиста» Ричарда Флориды), но эти ресурсы нашей экономикой «сегодняшнего лица», нынешнего типа – пока еще не востребованы в той мере, которая необходима для прорыва.

А чтобы имеющиеся деньги и человеческий потенциал интенсивно и стратегически точно использовать, необходимы, *в-третьих*, глубокие изменения в социально-экономических отношениях и институтах. И начинаться они должны уже сейчас. Речь идет о системе мер, уже не раз предлагавшихся и представителями Секции экономики РАН, и экспертами ВЭО, и нами:

1) *уход от рыночного фундаментализма*, с чем солидарно большинство интеллектуалов, не говоря уже о гражданах, но за что держится (по экономическим причинам) меньшинство;

- 2) промышленная политика и стратегическое планирование;
- 3) активизация инвестиционной деятельности и концентрация главных ресурсов в базовых сферах технологического прорыва;
- 4) совершенствование государственного управления: «умной экономике» нового этапа развития общества нужно «умное государство»; повышение уровня доверия общества и бизнеса к государству.

Кроме среднесрочных *практических* решений, однако, необходимы и *теоретические* разработки, ориентирующие нас на долгосрочные перспективные подвижки. А они будут носить *качественный* характер. Рост знаниеинтенсивности производства ведет к формированию новой реальности, перспективы генезиса которой открываются уже сегодня. Эта перспектива – переход к *ноономике*.

Презентации нашей книги «Ноономика», вышедшей в 2018 г. на русском и английском языках, в Питере, Москве, Кембридже и т. д. показали, что общие закономерности, выделенные в нашей работе, большинством рецензентов поддерживаются, о чем говорили в Кембридже профессора Дэвид Котц, Дэвид Лайбман и Радика Дессаи. Весьма позитивный отзыв дал С. Амин, один из гуру мир-системного анализа. В Москве с позитивной в целом оценкой работы выступили академик С. Ю. Глазьев, профессора С. Н. Бобылев, М. И. Воейков, С. А. Толкачев, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг и другие крупные специалисты.

Но, как показала практика научной дискуссии, присутствует и некоторое непонимание. Ноономику большинство пытается представить как некую «умную экономику» или «экономику эпохи ноосферы». Однако речь идет о *качественно новом* явлении. Ноономика – это неэкономический способ хозяйствования, удовлетворения несимулятивных потребностей общества и его членов. Это переход к реальности, которую в определенном смысле можно назвать постэкономической, о способе хозяйствования, где традиционные параметры – деньги, собственность, утилитарные и тем более симулятивные потребности – не будут иметь определяющего значения. И где потребности людей в получении доступа к благам будут определяться не симулятивными контекстами экономической стороны бытия, а критериальной базой *ноообщественных отношений*. И причиной этого будут вовсе не романтические намерения, а сугубо материальные факторы: технологическое развитие, приводящее к формированию умного материального производства, позволяющего создавать утилитарные блага без прямой помощи человека и оставляющее на его долю самые главные – содержательно-творческие, собственно человеческие функции.

Но это – будущее. Пока же наши задачи скромнее, но вместе с тем – и труднее: сделать первые, подчас мучительные, но абсолютно необходимые шаги в этом направлении, именно в этом, иначе – возможна реализация самых чудовищных антиутопий.

S. D. Bodrunov. Technological revolution necessitates a profound reform of the economy. Technological revolution necessitates a profound reform of the economy. The current stage in global economic development has an essential characteristic – qualitative transformation of its technological foundation. Sergey Bodrunov shows that ongoing changes result from an increase in the knowledge intensity of material production and analyzes the peculiarities of knowledge intensive economy. He emphasizes the ambiguity of Russia's economic situation and provides examples of positive shifts and negative phenomena. Bodrunov examines critical problems, points out the important role of economic research, theory and education in the resolution of pressing issues (esp. HR development),

and shows that an increase in the knowledge intensity of production leads to the formation of a new economic reality – the noonomy.

Keywords: technological revolution, reform of the economy, material production, increase in knowledge intensity, human resources, role of economic research, noonomy.

С. Ю. Глазьев¹

ПРИОРИТЕТЫ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Показано, что для успешной реализации целей социально-экономического развития методология форсайта должна сочетаться с методологией экономической политики. В России между ними нет заметной связи. В мировой экономике сформировалось ядро нового технологического уклада, технологическая революция обеспечивает скачок в экономическом развитии. Для внедрения технологических достижений необходимо полномасштабное финансирование производств нового ТУ. Во всех развитых странах в этом плане важную роль играют инструменты денежно-кредитной политики. А в России ЦБ вместо целевого кредитования экономического роста тормозит экономическое развитие; бюджетные деньги по-прежнему выводятся через стабфонды: большая часть денег за экспорт энергоносителей ушла в офшоры. Для рывка необходима смешанная стратегия опережающего развития. Для развития новых технологий нужна высокая концентрация инвестиций в начальной фазе. Показано, что сегодня просматривается новая модель управления – «интегральный строй», сочетающий планирование с рыночной самоорганизацией. Мы должны восстановить стратегическое планирование и внедрить механизм сквозной ответственности за выполнение задач развития. Банковская система должна стать инструментом экономического развития.

Ключевые слова: российская экономика, приоритеты опережающего развития, смена технологических укладов, методология форсайта.

УДК 330.332

Как известно, форсайт – это предвидение будущего – технологического, институционального и социального. Предвидение необходимо для успешной реализации целей социально-экономического развития. Для этого методология форсайта должна сочетаться с методологией экономической политики. У нас много достижений в области форсайта, а в сфере экономической политики пока нет заметной связи между тем, что делается в рамках прогнозирования, и тем, что реализуется на практике. Попробую пояснить. Для начала напомним некоторые закономерности, начиная с технологического форсайта. Это то развитие, которое современной экономической политике неизвестно. Если бы мы встречались сегодня в Министерстве экономики или в аппарате правительства (не говоря уже о Центральном банке), на нас смотрели бы, раскрыв рот, не понимая, о чем речь.

Наиболее развитая часть форсайта – это технологическое прогнозирование, где проведено моделирование десятков тысяч научно-производственных циклов, создан

¹ Сергей Юрьевич Глазьев, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, д-р экон. наук, профессор.

очень простой формальный аппарат; каждый научно-производственный цикл, любой цикл технологии моделируется с помощью логистической кривой, очень удобной в аналитическом описании. Она иллюстрирует пределы совершенствования каждой технологии, а также нелинейный характер технико-экономического развития. То, что происходит на микроуровне, повторяется на макроуровне – через сочетания технологически-сопряженных производств. Мы наблюдаем такую же нелинейную длинноволновую динамику смены технологических укладов. Важно подчеркнуть неравномерность экономического развития, которая создает систему координат для политики экономического развития и позволяет сформировать приоритеты. Сейчас мы находимся в такой «заштрихованной» зоне, которую мы называем «родами нового технологического уклада».

Передовые страны сегодня входят в фазу роста нового технологического уклада, который будет генерировать новую длинную волну экономического развития. Эту фазу «родов» сложно пройти – хорошо известна закономерность, согласно которой подавляющая часть новых технологических идей гибнет в процессе перемещения знаний от фундаментальных исследований к этапу коммерциализации. Именно этот провал – «долину смерти» – наша система управления никак не заполняет. Есть примеры коммерциализации, в основном импортных технологий, немножко и своих, но наши технологии не могут пройти сквозь долину смерти из-за отсутствия механизмов государственной поддержки. Соответственно, мы воспроизводим то, что уже создали, а совершить технологический скачок между технологическими укладами, создать мощный иницирующий импульс для формирования нового ядра экономического роста в отсутствие инструментов экономической политики у нас не хватает сил.

С точки зрения приоритетов экономического развития в мировой экономике сформировалось ядро нового технологического уклада, которое растет в среднем на 30...40 % в год. Нано-, био-, инженерные, информационные, коммуникационные, когнитивные и цифровые технологии в сочетании дают технологическую революцию, которая преобразует практически все отрасли экономики. Если в ядре темпы роста достигают 35 %, а иногда и 70...80 % в год, то на периферии внедрение этих технологий тоже дает опережающий рост – 10...15 % в несущих отраслях и 3...4 % – в традиционных. Технологическая революция обеспечивает скачок в экономическом развитии. Казалось бы, ясно: чтобы внедрить все эти достижения, необходимо обеспечить *полномасштабное финансирование* производств нового технологического уклада. Сюда нужно вкладывать столько, сколько возможно с точки зрения имеющегося научно-технического потенциала. Где взять деньги? Если мы говорим о внутренних исследованиях и инвестициях, то это прежде всего целевой кредит, т. е. специальные инструменты рефинансирования, через которые можно давать деньги не под ключевую ставку, а под 2...3 %. Во всех странах, демонстрирующих экономические успехи, важную роль играют инструменты денежно-кредитной политики. Например, в Китае при реализации приоритетного проекта вам дадут кредит под 0,2 и 0,5 % на 10, 15, 20 лет. Госпредприятие, работающее на «ниве научно-технического прогресса», получит кредит под 2 %; частный сектор, который действует на свой страх и риск, – под 4 %.

У нас же ЦБ практически перестал выдавать кредиты в экономику. Если до 2014 г. было выделено примерно 10 триллионов рублей кредита, то сегодня рефинансирование экономики полностью свернуто. Специальные инструменты, через которые осуществлялись проектное финансирование, поддержка малого бизнеса и т. д., прекращены, и ЦБ изымает деньги из экономики, вместо того чтобы их туда вкладывать. Всего было

изъято 10 триллионов рублей, еще 4 триллиона изъяты за последние полтора года через депозиты и выпуск облигаций. То есть, российские денежные власти вместо того, чтобы создавать целевое кредитование экономического роста, тормозят экономическое развитие.

Бюджетная политика могла бы стать источником роста, но, к сожалению, национальные программы, на которые идут ассигнования, представляют собой не более чем рекомендации, в то время как раньше соответствующие траты были жестко закреплены в бюджете. Бюджетные деньги по-прежнему не вкладываются в развитие, а вывозятся из страны через стабилизационные фонды.

Наконец, внешняя торговля. Казалось бы, уникальное явление – смена технологических укладов сопровождается резкими скачками цен на энергоносители. Переход на новый технологический уклад опосредован резким повышением цен – это источник валюты для финансирования импорта новых технологий, стимулирования совместного инновационного развития с другими странами ядра нового технологического уклада. Однако большая часть этих денег ушла в офшоры: Россия стала крупнейшим донором мировой экономики, потеряв более триллиона долларов за последние два десятилетия. Контроль за промышленностью тоже переместился в офшоры.

Как видим, между рекомендациями, вытекающими из технологического форсайта, и экономической политикой нет ничего общего. Проводимая политика прямо противоположна той, которая должна осуществляться исходя из стратегии рывка в экономическом развитии, о котором сказал президент нашей страны. Если говорить о рывке, то из технологического форсайта вытекает смешанная стратегия опережающего развития. Во-первых, это опережающий рост нового технологического уклада, максимальная концентрация ресурсов в целях полного освоения научно-технического потенциала. Во-вторых – динамичное наверстывание там, где наши предприятия близки к фронту научно-технического прогресса. Отличный пример – авиационная промышленность. Не прошло и 30 лет, как заговорили о том, что самолеты ИЛ-96, ТУ-204 и ИЛ-112 могут создать основу нашего парка, который мы потеряли. На протяжении 20 лет в отсутствие финансирования лизинга самолетов весь «потенциал» простаивал. Если сейчас удастся организовать целевое кредитование для лизинга наших самолетов через государственные банки, темпы роста только в этой очень перспективной области экономики могут составить десятки раз.

Приходится констатировать, что мы прозевали период сверхвысоких цен на нефть и продолжаем делать ошибки. Теория долгосрочного технико-экономического развития говорит о том, что мир перейдет на новые энергоносители, мы же продолжаем наращивать экспорт нефти и газа. С точки зрения долгосрочных закономерностей – это тупиковое направление, которое нас замыкает в ловушке предыдущего технологического уклада. Нам необходимо развивать новые технологии, а для этого нужны иницирующие импульсы, высокая концентрация инвестиций в начальной фазе технологической траектории.

В заключение несколько соображений о неравномерности экономического развития. Если мы проспим фазу родов технологического уклада, тогда мы обречены на догоняющее развитие, где капиталоемкость будет нарастать нелинейно.

Через мировые потрясения, мировую гибридную войну просматривается новая модель управления, которую мы называли *интегральным строем*. Он сочетает планирование с рыночной самоорганизацией, использование фиатных денег с приоритетами

экономического развития с опорой на государственную банковскую систему и использование долгосрочного кредита как инструмента регулирования экономического развития. Сравнение нового мирохозяйственного уклада (Интегрального) с предыдущим (Имперским) показывает, что мы по-прежнему имеем инструментарий, типичный для периферийной страны уходящего мирохозяйственного уклада. Мы никак не можем восстановить стратегическое планирование и внедрить механизм сквозной ответственности за выполнение задач развития.

Доминирующее сегодня сочетание экономических интересов не позволяет превратить государственную банковскую систему в инструмент экономического развития. Рассуждая об экономическом планировании, мы в основном имеем в виду правительство. Однако у государственной банковской системы сегодня денег раза в три больше, чем у правительства, но она не занимается инвестициями. Доля инвестиционных кредитов в банковской системе не превышает 7 %. Государственные банки ведут себя, как кошки, гуляющие сами по себе. Сверхвысокие процентные ставки сопровождаются залоговым рейдерством. В экономике нарастает хаос, в то время как огромные денежные ресурсы сконцентрированы и в профиците бюджета, и в государственной банковской системе. Они работают не на экономическое развитие, а на обогащение людей, которых эта политика полностью устраивает.

Пока у нас в парадигме экономического управления будет доминировать примитивное представление об экономическом равновесии, абсолютно несовместимое с закономерностями экономического развития, которое нелинейно, неравновесно, неопределенно и требует концентрации инвестиций на прорывных участках формирования технологических траекторий, мы будем обслуживать интересы части властвующей элиты. Эта элита считает, что ничего менять не надо, потому что у нее все хорошо.

На самом деле наше положение – это типичное периферийное положение на обочине, очень опасное для страны. Если мы не успеем встроиться в ядро нового технологического уклада и сформировать институты нового мирохозяйственного уклада, то на этой периферии, между двумя центрами развития глобальной экономики, наша экономическая целостность будет окончательно разорвана и возможности для самостоятельного развития – упущены. А возможности есть, с темпом не менее 8 % в год, если мы реализуем смешанную стратегию развития, о которой часто дискутируем в Вольном экономическом обществе.

S. Y. Glazev. Priorities of the Russian economy's accelerated development during the transition to a new technological mode. Sergey Glazev shows that successful pursuit of socioeconomic development objectives calls for a combination of foresight and economic policy methodologies. In Russia, the link between the two is lacking. The global economy has already established the core of a new technological mode. The technological revolution ensures a breakthrough in economic development. Implementation of technological achievements is impossible without comprehensive funding of production facilities which operate under the new technological mode. In all developed countries, monetary and loan instruments play an important part in the provision of such financial support, while the Bank of Russia neglects target funding of economic growth and thus hampers economic development. Budget monies are still flowing out of the country through stabilization funds. The majority of revenue for energy exports has been accumulated in offshore accounts. The market needs a hybrid strategy of accelerated development. The development of new technologies requires

high concentration of investment at the startup phase. Glazev perceives the emergence of a new integrated model of governance which incorporates planning and market self-regulation. We must revive strategic planning and implement comprehensive responsibility for the fulfillment of development goals. The banking system should serve to promote economic development.

Keywords: Russian economy, accelerated development priorities, system of technological modes, foresight methodology.

А. Г. Аганбегян¹

О ПРЕОДОЛЕНИИ СТАГНАЦИИ, РЕЦЕССИИ И ДОСТИЖЕНИИ ПЯТИПРОЦЕНТНОГО РОСТА

Обозначены основные негативные тенденции в социально-экономической сфере за последние 7 лет (стагнация, рецессия) и их последствия. Показано, что без принятия кардинальных мер и серьезных структурных реформ ситуация будет ухудшаться. С учетом предложений экспертов сформулированы меры по преодолению стагнации и переходу, как минимум, к 5 %-ному социально-экономическому росту по 7 главным направлениям. Прежде всего необходимы инвестиции в основной и человеческий капитал. Рассматриваются источники возможного финансирования. Подчеркивается необходимость крупных структурных преобразований, в первую очередь в банковской и бюджетной сферах.

Ключевые слова: преодоление стагнации, источники финансирования, рецессия, пятипроцентный рост, социально-экономическая сфера, структурные реформы, инвестиции в основной капитал, человеческий капитал.

УДК 330.352

Наша доля в мировой экономике падает, мы опускаемся в международных рейтингах по экономическим и социальным вопросам. Наша страна седьмой год стагнирует, при этом на протяжении двух лет она находилась в состоянии рецессии.

В период стагнации 6 из 12 главных социально-экономических показателей демонстрируют небольшую положительную динамику, а 6 – отрицательную (табл. 1). Среднегодовой темп валового внутреннего продукта в 2013–2018 гг. составил 0,4 %, в промышленности – 0,6 %. Инвестиции и строительство сокращаются, экспорт-импорт снизился на 20–25 %.

До минимума упало обновление основных фондов, особенно машин и оборудования, 23 % которых работают сверх сроков амортизации. Наше отставание в научно-технической сфере стало угрожающим для независимости страны.

Пятый год идет снижение реальных доходов населения; третий год сокращается жилищное строительство; уменьшился объем розничного товарооборота и конечного потребления домашних хозяйств.

Число бедных увеличилось на 5 млн человек. С 2017 г. возобновилась депопуляция населения; с 2018 г. это впервые за последнее десятилетие привело к сокращению населения России. Более чем вдвое девальвировал рубль. К тому же стагнация продлится еще по крайней мере два или даже три года.

¹ *Абел Гезевич Аганбегян*, зав. кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН, д-р экон. наук, профессор.

Таблица 1

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Всего за 2013–2018 гг.
Валовой внутренний продукт	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	2,3	2,6
Промышленность	0,4	1,7	-3,4	1,1	1,0	2,9	3,6
Строительство	0,1	-2,3	-4,8	-4,3	-1,4	5,3	-7,2
Транспорт (грузооборот)	0,6	-0,1	0,3	1,8	5,4	2,9	11,2
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	-0,6	19,8
Инвестиции	0,8	-1,5	-10,1	-0,9	4,4	4,3	-3,4
Экспорт	-2,1	-4,8	-31,3	-17,5	24,8	25,8	-17,1
Импорт	1,6	-9,8	-37,3	-0,8	25,3	4,7	-25,3
Розничный товарооборот	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2	2,6	-4,9
Платные услуги	2,0	1,0	-1,1	-0,3	0,2	2,5	4,0
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	-6,0	-2,1	-4,9	12,5
Реальные доходы на душу населения	4,8	-0,5	-4,1	-5,5	-1,2	-0,2	-6,9
Инфляция (рост потребительских цен)	6,5	9,1	15,0	5,8	2,5	3,8	50,3

Восстановить социально-экономический рост крайне трудно, потому что в отличие от кризиса, который несет в себе заряд послекризисного развития, стагнация не имеет внутренних пружин для будущего экономического роста. В рамках стагнации набирают силу негативные тренды, тянущие развитие социально-экономической системы России вниз – к рецессии. В частности, отток капитала с 2008 г. суммарно составил 743 млрд долларов (это половина годового ВВП по рыночному курсу); прогрессирует отставание материально-технической базы; сокращается количество трудоспособного населения; из-за падения нефтегазовых цен (главного источника налогов и таможенных сборов) снижается объем консолидированного бюджета в постоянных ценах. Финансирование НИОКР, образования, социальной помощи снижается в связи с усилением фискальной позиции и линией ЦБ на удорожание денег и сокращение ликвидности.

В сложившейся ситуации неотложными жизненно важными задачами являются преодоление стагнации, переход к значимому экономическому росту, восстановлению и повышению жизненного уровня населения.

Чтобы вывести экономику из тяжелейшего положения, нужны кардинальные меры. Вспомним опыт двенадцатилетней стагнации и рецессии в США, которая началась в 1970-х гг. Президент Г. Форд пытался, но не смог ее преодолеть, и его не переизбрали на второй срок. Дж. Картер выдвинул конкретную и очень серьезную программу выхода из стагнации – вплоть до замораживания зарплат, цен, активного вмешательства государства в экономику. Однако положение только ухудшилось, и он тоже не был переизбран на второй срок. И только Р. Рейган на двенадцатый год с начала стагнации провел коренные изменения, вошедшие в историю под названием рейгономики, которые вывели страну из стагнации.

Был значительно сокращен главный налог США – подоходный, одновременно был резко снижен капитальный налог, что позволило высвобожденные деньги от налогов направить в инвестиции. Вдвое сократились сроки амортизации, была введена ускоренная модернизация. Устаревшее, экономически невыгодное оборудование на сотни миллиардов долларов следовало выбросить и заменить новым, в связи с этим началось бурное инновационное развитие. Через 25 лет после этого Америка впервые в своей истории прожила без значительных потрясений, кризисов и годов рецессий вплоть до 2007 г.

Без принятия кардинальных мер, проведения серьезных структурных реформ, перехода к сильным стимулам ситуация будет ухудшаться. Это ясно показывает начало 2019 г. В лучшем случае ВВП увеличится на 1–1,5 %.

Опираясь на предложения экспертов, сформулируем меры по преодолению стагнации и переходу к необходимому для нас, как минимум, 5%-ному социально-экономическому росту по семи главным направлениям.

1. Переход к форсированному росту инвестиций в основной капитал и росту вложений в человеческий капитал – в сферу «экономики знаний», его главную составляющую – НИОКР, образование, информационно-коммуникационные и биотехнологии, здравоохранение. Под словом форсированный я понимаю 10 %-ный ежегодный рост. При таком росте доля инвестиций в ВВП повысится с 20,6 до 25 % к 2024 г., и доля вложений в «экономику знаний» в ВВП возрастет с 14 до 22 %. Научкой установлена сильная корреляция между долей инвестиций и долей сферы «экономики знаний» в ВВП и темпом экономического роста. В России эти показатели минимальны и не могут обеспечить прирост ВВП. Они даже по инвестициям немного меньше, чем в развитых странах, а по «экономике знаний» – в 2–3 раза ниже (14 % против 30 % в Западной Европе и 40 % – в США). При таких показателях рост развитых стран составляет 1,5–2 % в год при более эффективном использовании инвестиций и вложений, чем у нас.

Для нас 1,5–2 % роста – это стагнация. Мы должны ориентироваться на развивающиеся страны, у которых доля инвестиций – 30–35 % в валовом продукте, доля «экономики знаний» – около 20 %, а в Китае – 22 %, что в 1,5 раза выше, чем у нас. Рост этих стран – 4–6 % в год.

Если мы будем увеличивать инвестиции и вложения в сферу «экономики знаний» ежегодно на 10 %, то через 3 года сможем выйти на 3 %-ный рост, к 2024 г. – на 4–5 %, а к 2030 г., когда удельный вес инвестиций в ВВП повысится до 33 %, а доля вложений – до 30 %, устойчиво будем расти на 5–6 % ежегодно.

Специально выделим «экономику знаний» – главную составляющую человеческого капитала. Россия – одна из самых отсталых стран по финансированию здравооох-

ранения, образования и науки. Трудно найти другую страну, где на науку тратится 1 % ВВП; на образование – 4 %, а не 6 % (как почти везде), а на здравоохранение – меньше 5 %. Расходы на здравоохранение в ВВП в Европе – 10,2 %, в США – 17 %. По финансированию науки, образования, информационных и биотехнологий, здравоохранения Россия среди 200 стран занимает 100–150 место (хуже всего со здравоохранением).

2. Инвестиции в основной капитал следует прежде всего направить на технологическое обновление производства, чтобы за 10–15 лет перевести народное хозяйство страны на современную материально-техническую базу. Другое важное направление – создание новых производственных мощностей в высокотехнологичных отраслях: электронике, фармацевтике, приборостроении, авиационной промышленности, атомном машиностроении, синтетической химии и др.

Затем следует сформировать современную транспортно-логистическую инфраструктуру, в первую очередь перейти к массовому строительству двухсторонних автострад, скоростных железных дорог, локальных аэродромов, современных портов и др.

Последнее, нужно до 2024 г. удвоить и до 2030 г. утроить ввод жилья и сопутствующих коммунально-бытовых, торговых и социально-культурных объектов. Жилищная обеспеченность населения России – около 25 м² на душу, но 21 % жилья не имеет водопровода, 23 % – канализации, 38 % – ни душа, ни ванны, 40 % – горячей воды. Так что комфортного жилья на душу приходится 17 м², а в худшей стране Европы – 30 м². Надо поставить задачу – к 2025 г. достичь нормы комфортного жилья на душу – 25 м², а к 2030 г. – 30 м².

3. Мобилизация необходимых финансовых средств. У нас почти 104 трлн рублей составляет ВВП, около 18 триллионов инвестиций в основной капитал по статистике и около 22 трлн рублей накоплений в основной капитал по системе национальных счетов (с учетом «теневых» средств). Нам нужно 2 трлн рублей в год, чтобы на 10 % поднять инвестиции; для финансирования «экономики знаний» – около 1,5 трлн рублей, чтобы на 10 % повысить вложения в эту сферу.

В ближайшее время нам необходимо минимум 2 триллиона в год, чтобы компенсировать снижение реальных доходов, которое идет с 2014 г., потому что без платежеспособного спроса невозможен значимый экономический рост.

Один из главных вопросов – где взять деньги? Прежде всего нужно отказаться от мифов, перейти на какой-то срок к дефицитному бюджету, чтобы возобновить экономический рост. Безопасный дефицит, определенный Европейским союзом, – 3 % ВВП, для России это 3 трлн рублей. А что мы делаем? В стагнирующем 2018 г. получили 2,5 трлн рублей профицита. И это в стране, где 20 млн человек имеют нищенский прожиточный минимум. Все развитые страны (и США, и Европа) развиваются с дефицитом бюджета, это выгодно. Конечно, нужны заемные средства.

К тому же у нас фантастически много золотовалютных резервов – 480 млрд долларов (это больше, чем у всех крупных стран Европы вместе взятых), и мы постоянно их покупаем (табл. 2). Они обесцениваются, не работают, десятилетие лежат мертвым грузом.

Больше всего в стране финансовых средств у банков – банковских активов, из которых на инвестиции в основные фонды направляется в год 1,3 триллиона, из них больше половины дают иностранные банки, расположенные в России. Похоже, отечественные банки (по примеру ЦБ) социально-экономическим ростом не озабочены. Инвестиционные кредиты в основные фонды в России составляют 8 % всех инвестиций, в развитых странах – 30–50 %, а в развивающихся – около 20 % (при норме инвестиций в ВВП вдвое выше, чем в России).

Таблица 2

Показатели	Объем заимствования в виде инвестиционного кредита в год		Примечание
	В основной капитал	В экономику знаний	
Активы банков: в 2018–2020 гг. в 2020–2025 гг.	1,5–2 трлн р. 2,5–3 трлн р.	1,5–2,5 трлн р. 3–3,5 трлн р.	В 2018 г. активы банков превысили ВВП и составили 91 трлн р.
Международные золотовалютные резервы – заимообразно при окупаемости 5–10 лет	15–20 млрд долл. в год	Из них до 5 млрд долл.	Объем этих резервов – около 480 млрд долл., из которых будет заимствовано 180 млрд долл., и средства начнут возвращаться
Доходы от приватизации		До 1 трлн р.	Сокращение доли госпредприятий и организаций, включая подконтрольные государству, с 71 % (данные Всемирного банка) до 40–45 %
Облигационные займы населения для строительства жилья и приобретения автомобиля	1,5–2 трлн р.		Население сберегает до 40 трлн. р. в России и до 700 млрд долл. – за рубежом
Прибыль и амортизационный фонд предприятий	1,5–2 трлн р.	В том числе 0,5 трлн р.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции и вложения, и перехода на ускоренную амортизацию
Займы государства за рубежом	По 30–50 млрд долл. в год	В том числе 3–5 млрд долл.	Внешний долг государства РФ – 3 % ВВП, а с внутренним – менее 15 %. Его можно довести до 30–40 %

Можно взять займы 180 млрд долларов из золотовалютных резервов, используя в год по 20–30 млрд долларов (1,5–2 трлн рублей) для инвестирования в технологическое обновление действующего производства с окупаемостью 5–7 лет.

Дополнительно до 2 трлн рублей можно взять у предприятий, если освободить прибыль от налога, идущего на инвестиции и вложения. Целесообразно также снизить амортизационные сроки и за счет возросшего фонда амортизации увеличить инвестиции.

Можно мобилизовать займы населения для финансирования жилья и производства легковых автомобилей, делая скидки в цене людям, купившим достаточное количество этих облигаций.

Наконец, наше государство – единственное, где вместе с внутренними долгами всего 15 % долг в ВВП. Китай имеет 257 % в валовом продукте; Япония – 250 %; в США только внешние долги – 110 %; в Западной Европе – 86 %, а у нас внешних долгов – аж 3 %.

Что лучше? Иметь нормальные долги в 40...50 % ВВП, как все другие страны, или экономить на расходах, не иметь денег на развитие, снижать доходы, увеличивать бедность?!

4. Необходимо снизить ключевую ставку ЦБ за 3 года хотя бы до 4–5 %. Пока она не снижена, нужно за счет бюджета финансировать низкую ставку: 5 % – для инвестиционного кредита в технологическое обновление действующего производства с окупаемостью 5–7 лет; 4 % – для новых мощностей высокотехнологичных отраслей с окупаемостью 10–12 лет; 3 % – для создания новой транспортной структуры с окупаемостью 20–25 лет. Это ежегодно потребует от бюджета 100–150 млрд рублей для объема инвестиционного кредита в размере 2 трлн рублей.

5. Надо перейти к серьезному стимулированию инвестиций и экономического роста, введя налоговую паузу, когда проводится техническое обновление, строятся новые мощности для высокотехнологичных отраслей; выдавая дешевые кредиты под проектное финансирование без залога, и др. Чтобы «слезть с нефтяной иглы», нужны сильные стимулы для развития экспортных отраслей по производству готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе и по информационной технологии (как в Индии или Китае).

6. Нужны крупные структурные преобразования, чтобы устранить препятствия для экономического роста и стимулировать регионы, компании, частные компании к экономическому росту. Для этого необходимы структурные реформы в области собственности, новые законы о собственности, увеличение доли частной собственности в создании ВВП с 29 % (по данным Всемирного банка) до 55–60 %; нужно воссоздать конкурентную среду, реформировать естественные монополии (Газпром, РЖД, Роснефть и др.).

Необходимо провести коренные реформы в банковской и бюджетной сферах, нацелив их на развитие экономики и социальной сферы, создав внебанковские фонды «длинных денег» (страхование, пенсионные, совместные, ипотечные и др.). Крайне важны и социальные реформы. Речь идет о пенсионном деле, реформировании здравоохранения, о переходе на рыночные отношения в жилищно-коммунальной сфере, введении нормального налога на жилье и участки (1–2 % стоимости недвижимости и жилья).

В нашей социальной сфере, с одной стороны, налицо пережитки социализма – попытка построить пенсионную систему без взносов работающих, что обрекает людей на нищенские пенсии (Россия занимает 89-е место в мире по уровню жизни пенсионеров), или тот же ОМС в здравоохранении. С другой стороны, в России – чудовищный разрыв между уровнем жизни бедных и богатых, в полтора раза превышающий среднюю разницу в Западной Европе (15,5 против 10 раз по доходам 10 % групп населения), и в 2–3 раза выше, чем в странах социал-демократической ориентации Европы и Японии (5–7 раз).

Это порождает иждивенчество, низкую зарплату из-за отсутствия взносов на пенсию, на страховку по здоровью и т. д. Низкая зарплата плохо стимулирует произ-

водительность, у подавляющей части населения зарплаты не хватает на улучшение жилищных условий и т. д. Эти реформы нужно провести с индексацией зарплаты, без снижения реальных доходов граждан. Следует освободить малообеспеченных от подоходного налога, вдвое поднять минимум зарплаты и размер пенсий, ввести прогрессивную шкалу подоходного налога при снижении налогов на производство дешевой продукции и услуг и повышении их на продукцию и услуги, недоступные бедным семьям и среднему классу. К 2024 г. разница между богатыми и бедными могла бы снизиться до 8–10 раз.

7. Социально-экономический рост захлебнется без ежегодного возрастания платежеспособного спроса населения, зависящего от увеличения доходов. До 2021–2022 гг., когда, по нашим расчетам, может начаться значимый экономический рост, доходы населения целесообразно увеличивать в 2019–2021 гг. за счет дефицита бюджета, установив их в размере 2–3 трлн рублей в год.

Если в 2012–2022 гг. начнется 3 %-ный рост экономики, это даст около 4 трлн рублей дополнительных доходов; рост в 4–5 % к 2024–2025 гг. даст 4–6 трлн рублей, а ускорение темпов до 5–6 % к 2030 г. позволит получить ежегодный прирост ВВП по 9–11 трлн рублей.

Подавляющую часть этих дополнительных средств, по нашему мнению, надо вкладывать в благосостояние людей, прежде всего в увеличение их доходов, особенно мало- и среднеобеспеченных семей.

Россия не раз и не два в своей истории оказывалась в трудном, казалось бы, безвыходном положении. И каждый раз народ находил силы двинуться вперед, преодолеть трудности и достичь новых высот. Так будет и на этот раз!

A. G. Aganbegyan. On overcoming stagnation, recession and achieving 5 % growth. Abel Aganbegyan identifies basic negative trends observed in the socioeconomic segment over the past 7 years (stagnation, recession) and their consequences. He shows that the situation will further deteriorate unless we take drastic measures and implement major structural reforms. Based on expert proposals, Aganbegyan suggests measures for overcoming stagnation and transitioning to an at least 5 % socioeconomic growth in 7 key areas, the most critical being investment in core assets and human capital. The author considers possible sources of funding and emphasizes the urgency of large-scale structural changes, particularly in the banking and public segments.

Keywords: overcoming stagnation, sources of funding, recession, 5 % growth, socioeconomic segment, structural reforms, investment in core assets, human capital.

Б. Н. Порфирьев¹

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ИМПЕРАТИВЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДАПТАЦИИ

О влиянии изменения климата, возможных последствиях и предлагаемых мерах по снижению ущерба от негативных явлений. Показано, что вреда от этих мер может быть больше, чем пользы. Переход к низкоуглеродной экономике проблему стабилизации климата и обеспечения устойчивого развития не решит. Необходимо не только снижать текущие эмиссии парниковых газов, но и поглощать их выбросы за предыдущие десятилетия, а также активно заниматься адаптацией. По результатам модельных расчетов, наиболее эффективным путем снижения климатических рисков является комбинирование мер адаптации и сокращения выбросов.

Ключевые слова: климатический фактор, экономическая политика, стабилизация климата, устойчивое развитие, снижение выбросов, парниковые газы, адаптационные меры.

УДК 330.352

Об изменении климата и его последствиях в последние годы много говорится на самых разных уровнях. И это справедливо: если климатическому фактору не уделять должного внимания, он может превратиться в фактор торможения экономического роста. Причем не столько из-за собственно изменений климата, сколько из-за того, как они трактуются: 1) так называемыми партнерами России по мировому хозяйству; 2) лицами, принимающими решения в области экономической политики внутри страны, прежде всего представителями экономического блока федерального правительства, региональных администраций и руководством ведущих корпораций.

В связи с этим обратимся к пункту преамбулы Парижского соглашения 2015 г. (дублирующему, кстати, аналогичный тезис Рамочной конвенции ООН по изменению климата, принятой более чем за 20 лет до этого), на который мало кто обращает внимание. Согласно этому пункту, стороны соглашения могут страдать не только от изменения климата, но и от воздействия мер, принимаемых для смягчения его последствий. Иными словами, лекарство может быть хуже болезни.

Что же предлагают специалисты Межправительственной группы экспертов по изменению климата (ИРСС) и поддерживающие их рекомендации политики и экономисты – так называемый климатический мейнстрим – в качестве лекарства от климатических изменений и их последствий? (Этим лекарством уже начинают активно пользоваться некоторые влиятельные круги в российской экономической власти.) Это так называемая низкоуглеродная или «новая климатическая» экономика, цель которой – максимальное снижение выбросов парниковых газов (прежде всего углекислого газа) как бесспорный приоритет политики «стабилизации климата», критерием которой (стаби-

¹ Борис Николаевич Порфирьев, член Президиума РАН, директор Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д-р экон. наук, профессор.

лизации) является непревышение роста глобальной температуры приземного воздуха 1,5 °С до конца текущего столетия. В качестве главного экономического инструмента достижения указанной цели предлагается введение углеродного налога, который в проекте ФЗ о регулировании выбросов парниковых газов, анонсированном недавно Минэкономразвития, именуется углеродным сбором.

Принципиальный вопрос: решает ли переход к низкоуглеродной экономике проблемы *стабилизации климата и обеспечения устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности*? Ответ на этот вопрос отрицательный. Расчеты самих экспертов ИРСС доказывают, что для решения проблемы стабилизации климата необходимо не только сокращать текущие эмиссии парниковых газов, но и поглощать их выбросы, накопленные в предыдущие десятилетия, и активно заниматься адаптацией.

Адаптация на сегодняшний день является существенно недооцененным направлением (или составляющей) политики в отношении климатических изменений и их последствий для населения и экономики. Климатическая доктрина РФ, принятая в 2009 г., предвосхитила то, что сформулировано мировым сообществом в Парижском соглашении от 2015 г. Речь идет о равной значимости адаптации и снижения выбросов парниковых газов. Действительно, независимо от принимаемых мер естественная изменчивость климата остается всегда; кроме того, сохраняется остаточный (после сокращения выбросов) риск изменений климата и их последствий, обусловленный накопленными за многие десятилетия парниковыми газами.

Еще один императив адаптации связан с тем, что последствия изменения климата во всем мире (включая Россию) сильнее всего сказываются на социальных группах с низкими доходами. Никакое уменьшение или поглощение выбросов парниковых газов в обозримой перспективе не облегчит положение указанных групп населения, а вот эффективные меры адаптации к изменениям климата и их последствиям вполне могут помочь.

Кроме того, в ряде регионов мира и России адаптация является главным инструментом снижения климатических рисков. В нашей стране наиболее яркий пример – Арктика, вклад которой в общенациональные (не говоря уже о мировых) техногенные выбросы парниковых газов минимален и, соответственно, вопрос об их сокращении в этом макрорегионе далек от остроты. В то же время российская Арктика является основным «реципиентом» последствий глобального потепления: этот процесс идет там в два раза быстрее, чем в целом по России, и почти вчетверо – чем во всем мире. Арктика, как известно, является мировой кухней погоды, это влияет на ситуацию уже глобально.

Наконец, еще одно обстоятельство. Результаты расчетов по двум наиболее известным моделям – DICE и ее разновидность RICE (разработана лауреатом Нобелевской премии по экономике У. Нордхаусом) и WITCH (создана и используется экспертами ОЭСР) – отчетливо показывают, что в долгосрочном плане наиболее эффективным путем снижения климатических рисков является комбинирование мер адаптации и снижения выбросов. Далее по критерию эффективности следуют, по отдельности, меры адаптации и только за ними – меры по снижению эмиссий парниковых газов.

Сочетание мер адаптации и снижения (а также поглощения) выбросов парниковых газов призвано обеспечить встраивание (интеграцию) политики по снижению рисков климатических изменений в общенациональную политику социально-экономического развития. Формально это декларируется и адептами климатического мейнстрима, но в действительности предлагаемые ими целевые установки и стратегические реше-

ния по переходу к низкоуглеродной экономике означают прямо противоположное: подгонку мер по обеспечению динамики экономического роста в России на средне- и долгосрочную перспективу (ближайшие 15...20 лет) под программные решения климатических проблем, которые они полагают приоритетными в ряду 17 известных глобальных целей устойчивого развития.

Такой диспаритет находит отражение и в соотношении затрат на адаптацию и на снижение выбросов парниковых газов. На уровне ведущих государств мира, включая Россию (G 20), эта пропорция составляет примерно 1/10. При этом затраты на адаптацию рассматриваются лишь как бухгалтерские расходы, хотя на самом деле это инвестиции в безопасность. К ним относятся, например, затраты на меры превентивной адаптации, включающие разработку и реализацию институциональных мер по снижению рисков. Это планы готовности действий в условиях бедствия, системы страхования от бедствий, создание медицинских, продовольственных, финансовых, материально-технических резервов на случай бедствия. К мерам превентивной адаптации относятся также: СНиП на сооружение зданий, устойчивых к последствиям изменений климата (в частности, к протаиванию и деградации вечной мерзлоты в регионах российской Арктики); НИОКР и полученные в их результате средства и меры противодействия эпидемиям, эпизоотиям, эпифитотиям, которые продвигаются на Север в связи с потеплением; строительство регулирующих сооружений (ГЭС и плотин), защитных дамб и лесополос; систем капельного орошения. Таким образом, речь идет об инвестициях в превентивную адаптацию.

Значимы инвестиции и текущие затраты в меры оперативной адаптации: мероприятия, направленные на смягчение последствий уже случившихся бедствий, предотвращение негативных мультипликативных эффектов в виде вторичного ущерба и потерь. Примером могут служить затраты на проведение аварийно-спасательных работ; возведение полевых медсанчастей, эвакуационных пунктов и временного жилья для пострадавших; инвестиции в сооружение нового жилья и инфраструктуры в более безопасных зонах и т. д.

Отдача от этих капитальных и текущих затрат совершенно очевидна. Прежде всего это предотвращенные экономический ущерб и потери, которые, к сожалению, редко учитываются статистически. В первую очередь речь идет о людских потерях, о корректной оценке ценности человеческой жизни. В России этот важнейший индикатор национальной безопасности лишь с недавних пор используется (причем ограниченно) за пределами системы страхования, а принятые величины этого показателя далеки от его реальной значимости и аналогов в ведущих зарубежных странах. Это, помимо прочего, ограничивает возможность корректного обоснования эффективности инвестиций в снижение риска климатических и иных бедствий так, как это делается за рубежом.

Подчеркнем еще два важных эколого-экономических эффекта адаптации. Один из них обусловлен тем, что вложения в адаптацию особенно выгодны местным и региональным инвесторам, так как конечный эффект от реализуемых ими мер (в отличие от мер по снижению выбросов парниковых газов) достигается без существенного временного лага и охватывает прежде всего локальный уровень. Таким образом, первичными и главными бенефициарами адаптации являются местное население и предприятия. Другой эффект связан с мультипликатором инвестиций в адаптацию.

Пример – вложения в защиту земель от эрозии в связи с засухами, частота и масштабы которых имеют тенденцию к возрастанию в связи с изменением климата.

Наши аграрии прекрасно это знают и активно этим занимаются. Эффект упомянутых инвестиций реализуется и в укреплении продовольственной безопасности, и в росте производства ВВП, и в создании новых рабочих мест, и в улучшении качества жизни на селе.

Другой пример – вложения в техническое перевооружение и развитие системы Росгидромета, обеспечивающей так называемое климатическое обслуживание (услуги по прогнозу погоды и рисков климатических бедствий) населения и субъектов экономики. Несколько лет назад я выполнял НИР по оценке экономической эффективности соответствующей госпрограммы. Расчеты показали, что с учетом снижения людских потерь соотношение затрат и выгод составляет примерно 1/8.

Из сказанного следует важнейший вывод: адаптация хозяйственной системы и населения к изменениям климата является органической частью устойчивого экономического роста. Нет эффективной адаптации – нет устойчивого социально-экономического развития. И наоборот, торможение экономического роста – это снижение адаптационного потенциала. И разработка, и реализация любой программы по снижению климатических рисков требуют ресурсного обеспечения – затрат, источником которых могут быть только получаемые доходы. Последние же возникают только при наличии экономического роста, ведь пресловутый ВВП – это совокупность новых доходов.

В связи с этим любопытно отметить, что один из лидеров современного движения за низкоуглеродную экономику, бывший главный экономист Всемирного банка Н. Стерн, в своем фундаментальном (одном из наиболее часто цитируемых) труде по экономике климатических изменений, опубликованном в 2006 г., прямо писал о том, что снижение уязвимости населения и хозяйственных объектов к климатическим изменениям, являющееся целью и содержанием адаптации, обеспечивается прежде всего «... благодаря диверсификации экономики и стимулированию экономического роста, инвестициям в здравоохранение и образование, повышению устойчивости к природным бедствиям и совершенствованию управления в кризисных ситуациях, развитию сетей социальной защиты»² Лучше не скажешь, хотя между этими строками 13-летней давности и словами, нынешней позицией и делами их автора – «дистанция огромного размера».

Не вызывает сомнений, что модернизация экономики, прежде всего использование наилучших доступных технологий, – важнейшая составляющая комплекса адаптационных мер. В 2010 г. экспертами Всемирного банка были выполнены расчеты по оценке последствий климатических изменений для инфраструктуры и затрат на их смягчение. Согласно полученным результатам, обновление инфраструктуры в соответствии с нормами и сроками амортизации и обеспечение ее качественного обслуживания (включая своевременный ремонт) означает практически полное (на 99 %) решение проблемы адаптации.

Таким образом, экономический рост и решение климатических проблем – не антагонисты, надо лишь грамотно расставить приоритеты. Чтобы климатическая «телега» не тащилась со скрипом, а уверенно катилась вперед, ее нужно переместить в тыл «лошади» – социально-экономической политики, выдвинув в авангард приоритетные цели устойчивого развития.

² Stern Review on the Economics of Climate Change. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2006. P. 430.

B. N. Porfiryev. Climate factor in medium-term development prospects of the Russian economy: adjustment imperatives and efficiency. Boris Porfiryev discusses climate change, its possible consequences and measures for combating emergent negative phenomena. He shows that these measures do more harm than good. The transition to low-carbon economy cannot resolve the issue of climate stabilization or ensure sustainable development. In addition to reducing current emissions, we need to absorb greenhouse gases accumulated over the past decades and actively engage in adaptation. Porfiryev uses model analysis to substantiate the proposed approach.

Keywords: climate factor, economic policy, climate stabilization, sustainable development, emissions reduction, greenhouse gases, adaptation options.

С. В. Калашиников¹

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Проводится инвентаризация новых социальных вызовов, являющихся следствием нового технологического уклада. Снижение эффективности существующих механизмов социальной защиты повышает роль государства и требует новых подходов.

Ключевые слова: будущее, новый технологический уклад, новая экономика, социальные вызовы, новое содержание труда, социальные услуги, стратификация общества, новые механизмы социальной защиты.

УДК 330.352

Новые достижения науки порождают новый технологический уклад, который влечет за собой новую экономику. Линейная последовательная причинно-следственная связь в определенной степени разрушается. Мы уже сейчас прекрасно видим, что никакой линейности нет, есть одновременное возникновение самых разных явлений в самых разных сферах. В качестве наиболее яркого примера отмечу следующее: в этой парадигме нового технологического уклада сегодня практически отсутствует категория труда, хотя любому экономисту понятно, что труд, трудовые отношения и все, что с этим связано, – это основа основ и экономики, и трансформаций (в том числе в науке и образовании).

Уже сейчас существуют элементы, которые вырастут в сложные системы. По ним мы можем судить о *контурах будущего*, к сожалению, только о контурах. Но уже сегодня можно сказать, какие проблемы нам придется решать. Позволю себе краткую инвентаризацию этих проблем.

Во-первых, изменился характер труда. От обработки материала мы переходим к обработке информации, что тянет за собой полное изменение и места, и роли, и сути человеческого труда. Самое простое, что лежит на поверхности, – это появление новых форм занятости: фриланс, дистанционная занятость, аутсорсинг и пр. В любом случае труд становится сетевым, личностно окрашенным и творческим. Творческая деятельность требует новой мотивации, новой системы управления трудом, новой организации труда. Рабочее место больше не является пунктом привязки человека к трудовой деятельности. Появляются и парадоксальные вещи, например, творческий подход, индивидуализация труда порождают то, что раньше называлось ремесленничеством.

Сегодняшний человек как творец интеллектуального товара становится индивидуально занятым – весь цикл производства может осуществлять от начала и до конца

¹ Сергей Вячеславович Калашиников, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, председатель временной комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по мониторингу экономического развития, д-р экон. наук, профессор.

одна личность или кооперация ряда личностей. На смену машинному, конвейерному труду приходит индивидуализация. Появляются новые системы оценки трудовой активности. Например, международная организация труда ввела понятие «достойный труд», и это не абстракция. Ведь мы привлекаем неквалифицированных рабочих из ближнего зарубежья не потому, что этот труд игнорируют наши сограждане, просто он не подпадает под понятие достойного труда с соответствующей системой мотивации.

Во-вторых, изменяется человек. Мы мало об этом говорим, хотя это затрагивает всю систему нашего мышления. Меняются условия жизни – у творческого человека они иные, чем у занятых физическим трудом.

Меняется характер экономики, широкое распространение получает сфера услуг, в том числе их особого класса – социальных услуг. Когда мы приходим к врачу, мы не имеем заданных параметров качества той услуги, которую нам окажут, врач тоже не имеет этих параметров. Когда нет заданного качества, вся система ценообразования услуги нарушается.

И, наконец, новый труд, новые социальные условия требуют новой организации общества. То, что лежит на поверхности – это старение населения, а второе, более страшное – это массовая безработица. Уже в ближайшем будущем в связи с роботизацией, информатизацией и другими факторами миллионы людей окажутся не у дел. Самый яркий пример – профессия водителя, где у нас наибольшая занятость. Мы уже видим, что это профессия вчерашнего дня.

Следствие всего перечисленного – расслоение общества. Хотим мы или нет, но произойдет новая стратификация общества. Насколько мы с нашими установками XX в. готовы к жесткой стратификации общества? Нужно ли говорить в связи с этим о политических рисках?

Еще один пример – неэффективность старых механизмов социальной защиты. Замена горизонтального распределения вертикальным, массовые неиндивидуализированные страховые случаи, невозможность разделить субъективные и объективные риски делают социальное страхование во всех сферах неэффективным. Можно привести и другие примеры: дефицит основных социальных механизмов, недостатки пенсионных систем, здравоохранения, образования. Один пример: XXI в. ознаменовался бедностью работающих. Мы жили под лозунгом: если у человека есть работа, он не может быть бедным. Сегодня бедность работающего – цивилизационное явление, существующее во всем мире. В нашей стране она проявляется наиболее ярко.

Не забудем и новые социальные угрозы, прежде всего техногенные катастрофы, сопровождающие развитие научно-технического прогресса. В этих условиях совершенно по-другому должна (и будет) трактоваться роль государства – оно становится «большим братом», над которым мы потешались в конце XX в. От усиления роли государства не только в экономике, но и прежде всего в социальной сфере, мы никуда не денемся – потому что в новой неопределенной социальной ситуации необходим субъект управления.

Не знаю, что нужно делать, известны только векторы. Так, в этих условиях минимальные социальные стандарты как способ противостояния бедности не работают, нам нужно переходить на средние социальные стандарты – за ними завтрашний день. Необходимо новое образование. Есть алгоритмическое образование Яна Амоса Коменского, апофеозом которого является ЕГЭ, и есть классическое образование, которое учит творческому принятию решений в неопределенной ситуации. И то, и другое нужно, но как их сочетать, где оптимум?

И в заключение – об основных понятиях *справедливости и равенства*. Мы жили по аристотелевским понятиям, а сегодня понятие равенства, соответствующее равенству условий или возможностей, требует серьезного пересмотра.

S. V. Kalashnikov. New social challenges. An inventory of new social challenges, caused by patterns. Reducing of the effectiveness of existing social protection mechanisms, that strengthens the role of Government and requires new approaches.

Keywords: future, new technological structure, new economy, social challenges, new content of labor, social services, stratification of society, new social protection mechanisms.

Е. Б. Ленчук¹

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ДРАЙВЕРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализируются ключевые процессы цифровой трансформации, происходящие под воздействием четвертой промышленной революции. Оценивается степень готовности нашей страны к решению этой задачи и превращению цифровизации в драйвер экономического роста. Отмечается, что технологическая отсталость страны серьезно тормозит цифровизацию экономики и увеличивает риски нарастания технологической зависимости. Показано, что реализация национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» ни по охвату и содержанию задач, ни по объему финансирования не решает в полной мере проблемы цифровизации экономики. Обеспечить ускоренное и эффективное развитие цифровой экономики можно лишь при формировании инновационной модели развития и акцентированном внимании к цифровизации реального сектора экономики и формированию соответствующего качества человеческого капитала.

Ключевые слова: цифровая экономика, четвертая промышленная революция, сквозные технологии, технологическая модернизация, инновационная модель развития.

УДК 330.352

Тема формирования цифровой экономики является сегодня одной из наиболее обсуждаемых. Еще недавно мы акцентировали внимание на формировании инновационной экономики, связывая с ней перспективы динамичного роста, при этом термин *инновации* был одним наиболее часто употребляемых. Потом мы активно обсуждали проблемы технологической модернизации, затем перешли к теме *новой индустриализации*. Что же изменилось? Действительно ли цифровая экономика это какое-то новое явление, открывающее путь к процветанию.

Прежде всего, отметим, что несмотря на широкое использование термина цифровая экономика в научной литературе, в программах и документах, разрабатываемых как государством, так и бизнесом, общепринятого определения этого понятия пока нет. Сама цифровая экономика как объект управления и тем более как объект стратегического управления в достаточной мере пока не определена [1, с. 31].

В зарубежной практике «Digital economy» связывают с широкомасштабным внедрением во все сферы экономической жизни интегрированных технологий, формирующихся на стыке цифровых, биотехнологий, когнитивных и физических технологий, которые относят к новому, шестому, технологическому укладу или технологиям «промышленной революции 4.0» (большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, промышленный интернет, робототехника, новые производственные технологии, технологии беспровод-

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук.

ной связи и т. п). Такие технологии в силу их масштабов и глубины влияния на экономические процессы называют *сквозными*. По оценкам Всемирного экономического форума, их внедрение позволит повысить производительность труда в компаниях на 40 %.

Эти технологии кардинально изменяют порядок функционирования экономических систем, совершая революцию в управлении, функционировании финансовой системы, промышленном производстве; формируя новые бизнес-модели, которые на базе цифровых платформ изменяют взаимодействие пользователей и поставщиков продукции и услуг. Их использование в различных сферах дает возможность всему обществу получать так называемые цифровые дивиденды, под которыми понимаются рост национального благосостояния и материальная прибыль, а также прозрачность процессов государственного управления [2, с. 11].

По оценкам BCG, совокупный глобальный размер цифрового сектора сегодня оценивается примерно в 5 % мирового ВВП. Несмотря на то, что в ближайшие 10...15 лет цифровая экономика будет сильно зависеть от традиционной, к 2035 г. она по объему превзойдет производственный сектор и будет составлять 16 трлн долларов [3]. Есть и более оптимистичные оценки. В совместном докладе компаний Huawei и Oxford Economics совокупная стоимость цифровой экономики по всему миру в 2016 г. оценивается в 11,5 трлн долларов (15,5 % мирового ВВП). Согласно их прогнозу, объем цифровой экономики будет увеличиваться в основном за счет распространения промышленного интернета, а различные отрасли во всем мире будут демонстрировать высокий уровень цифровизации и интеллектуальной обработки данных. Ожидается, что к 2025 г. цифровая экономика составит до 24,3 % мирового ВВП [4].

Данная сфера быстро монополизирована: уже более 90 % всей цифровой экономики контролируют 9 крупных компаний, которые получают 90 % всей прибыли (Apple, Google, Facebook, Amazon, Microsoft и 4 китайские компании). К не менее популярным компаниям глобального масштаба относятся Yahoo, Twitter, eBay, Snapchat, Pinterest, Uber и др. Уже сегодня капитализация компаний из сферы цифровой экономики превышает капитализацию энергетических и телекоммуникационных гигантов.

Россия пока отстает от лидеров развития цифровой экономики по многим показателям: уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, уровню капитализации цифровых компаний, темпам роста производительности труда и освоения передовых производственных технологий, применяемых в странах-лидерах (табл.1). Такое отставание, по оценкам аналитиков BCG, составляет около 5...8 лет, однако, если не предпринимать необходимых усилий, то разрыв будет нарастать.

В рейтинге цифровой конкурентоспособности экономики Россия занимает 42-е место в мире, уступая Казахстану (табл. 2). В целом траектория роста цифровой экономики РФ остается волатильной. Обратим внимание на невысокие позиции России по показателю «готовности к будущему» (51-е место). Это характеризует нашу перспективу, и здесь есть над чем задуматься.

Нет сомнений в том, что цифровизация, как процесс использования самых передовых технологий и новых бизнес-моделей во всех сферах деятельности, способствует ускорению экономического роста и создает предпосылки для повышения конкурентоспособности национальной экономики. Интересно, что крупные зарубежные консалтинговые фирмы довольно оптимистично оценивают потенциальный эффект для ВВП от цифровой экономики. В частности, Digital McKinsey оценивает возможный эффект в 4,1...8,9 трлн рублей к 2025 г., что составляет 19...34 % общего объема увеличения ВВП [7, с. 7].

Таблица 1

**Вклад цифровой экономики в ВВП России и его составляющие
(в сравнении с другими странами) [5]**

Показатель	США	Китай	Страны Западной Европы	Чехия, Польша	Бразилия	Индия	Россия
Размер цифровой экономики (всего)	10,9	10,0	8,2	6,3	6,2	5,5	3,9
Расходы домохозяйств в цифровой сфере	5,3	4,8	3,7	3,2	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифровизацию	5,0	1,8	3,9	2,7	3,6	2,0	2,2
Государственные расходы на цифровизацию	1,3	0,4	1,0	0,6	0,8	0,5	0,5
Экспорт ИКТ	1,4	5,8	2,5	5,9	0,1	2,9	0,5
Импорт ИКТ	-2,1	-2,7	-2,9	-6,1	-1,0	-2,1	-1,8

Таблица 2

**Позиции стран-лидеров, а также России, Китая и Казахстана
в глобальном рейтинге цифровой конкурентоспособности в 2018 г. [6]**

Итоговые ранги рейтинга 2018 г., (в скобках – 2017 г.)	Страна	Значение индекса, %	Ранги стран по основным составляющим рейтинга		
			Знания	Технологии	Готовность к будущему
1 (3)	США	100	4	3	2
2 (1)	Сингапур	99,422	1	1	15
3 (2)	Швеция	97,453	7	5	5
4 (5)	Дания	96,764	8	10	1
5 (8)	Швейцария	95,851	6	9	10
6 (10)	Норвегия	95,724	16	2	6
7 (4)	Финляндия	95,248	9	4	8
8 (9)	Канада	95,201	3	12	9
9 (6)	Нидерланды	93,886	12	8	4
10 (10)	Великобритания	93,239	10	13	3
30 (31)	Китай	74,796	47	34	28
38 (38)	Казахстан	65,504	35	39	40
...	...	...	...	...	...
40 (42)	Россия	65,207	24	43	51

Источниками прироста ВВП за счет цифровизации называют:

- оптимизацию производственных и логистических операций (суммарный эффект – 1,4...4,0 трлн рублей);
- повышение эффективности рынка труда (суммарный эффект – 2,1...2,9 трлн рублей);
- повышение производительности оборудования (суммарный эффект – 0,4...1,4 трлн рублей);
- повышение эффективности НИОКР и разработки продукции (суммарный эффект – 0,2...0,5 трлн рублей);
- снижение расходов ресурсов и производственных потерь (суммарный эффект – до 0,1 трлн рублей).

Может быть, оценки излишне оптимистичны, но без запуска этого процесса невозможно выполнить целевые установки Указа Президента РФ №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», предусматривающие пятикратный рост производительности труда, наращивание несырьевого экспорта, рост инновационно-активных предприятий и т. д. [8].

Отметим, что в последние годы необходимость развития и широкомасштабного освоения новых цифровых технологий в российском обществе находится в зоне внимания высшего руководства, что нашло отражение в разработке и принятии ряда программных документов. В частности, в соответствии с Указом Президента РФ разработан нацпроект «Цифровая экономика», включающий 6 федеральных проектов, на который выделено 1,6 трлн рублей (табл. 3).

Однако сегодня очевидна недостаточность этих мер для превращения цифровизации в драйвер экономического роста. В этой связи обратим внимание на ряд важных проблем и ключевых вопросов, без решения которых, на наш взгляд, процесс формирования цифровой экономики останется очередной декларацией.

Во-первых, Россия включается в процесс ускоренной цифровизации экономики в условиях технологического отставания и высокой степени технологической зависимости от развитых стран. Сегодня наша страна является в основном импортером новых технологий, 70 % используемого программного обеспечения – иностранное, катастрофическое отставание наблюдается в микроэлектронике.

Формирование цифровой экономики требует общей технологической модернизации всех сфер экономики и возможно лишь при построении инновационной модели развития, внедрении (освоении) передовых технологий нового технологического уклада.

Таблица 3

Структура финансирования нацпроекта «Цифровая экономика»

Названия федеральных проектов	Расходы на реализацию, млрд р.
Нормативное регулирование цифровой сферы	1,7
Кадры для цифровой экономики	143,1
Информационная инфраструктура	772,4
Информационная безопасность	30,2
Цифровые технологии	451,8
Цифровое государственное управление	235,7
Объем финансирования, всего	1634,9

Последовательное решение задачи цифровизации экономики предполагает четкое целеполагание и увязку целевой установки на цифровизацию экономики и основных мероприятий по ее достижению, закрепленных в национальном проекте «Цифровая экономика», с такими документами стратегического планирования, как базовая Стратегия социально-экономического развития, Стратегия научно-технологического развития, отраслевые стратегии развития, государственные программы в сфере цифровой экономики и нацпроекты.

Во-вторых, пристальное внимание должно быть обращено на цифровизацию реального сектора экономики, поскольку именно здесь формируются предпосылки экономического роста, обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции.

У нас отсутствуют четко сформулированные структурные приоритеты промышленного развития. Их разработка постоянно затягивается и не понятно, какие отрасли будет затрагивать цифровая экономика, кто, что и для кого будет производить. Необходимо определить, готовы ли наша электроника и компьютерная база к решению этой задачи и что для этого необходимо сделать. Есть ли заделы в разработке и создании передовых производственных технологий? Есть ли на эти технологии спрос? В каких отраслях промышленности они могут использоваться? И, наконец, каковы источники финансирования процессов цифровизации реального сектора экономики [2, с. 17]?

В-третьих, необходимо учитывать, что цифровизация экономики порождает риски изменения рынка труда, структуры занятости. Сегодня в связи с этим широко обсуждается проблема высвобождения работников из разных сфер экономической деятельности. Так, по оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, развитие цифровизации способно высвободить к 2030 г. до 12,5 млн занятых [9].

По нашим оценкам, нет достаточных оснований полагать, что на российском рынке труда освоение передовых технологий приведет к массовой безработице. В то же время на отдельных временных горизонтах бурное освоение новых цифровых технологий в различных сферах может вызвать разрыв между структурой спроса и предложения на рынке труда, и необходимо быть готовым к решению этого вопроса.

Ускоренное развитие цифровых технологий обостряет проблему качества человеческого капитала, требуя увеличения квалифицированных кадров, способных формировать, продвигать новые технологии и работать в цифровой экономике. Прежде всего речь идет об увеличении численности исследователей, программистов, инженерно-технических кадров, работающих в сфере цифровых технологий, квалифицированных государственных и муниципальных служащих, руководителей госучреждений с соответствующими компетенциями. В этой связи нужны новые подходы в образовании, направленные на подготовку креативных специалистов, мотивированных на развитие и инновационную деятельность.

Список литературы

1. Якутин, Ю. В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика РФ») / Ю. В. Якутин // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2017. – № 4. – С. 27–52.
2. Ленчук, Е. Б. Формирование цифровой экономики: проблемы, риски, перспективы / Е. Б. Ленчук, Г. А. Власкин // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – №5. – С. 9–21.
3. В авангарде цифровой экономики: годовой отчет государственной корпорации «Ростех» за 2016 год. Режим доступа: URL: <http://ar2016.rostec.ru/vanguard/>

4. Сопутствующий эффект цифровизации: доклад Huawei и Oxford Economics. 2017, Режим доступа: https://www.huawei.com/minisite/russia/digital-spillover/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=general_poisk&utm_content=gid_35338_55390_aid_6485514155_14721535390_&utm_term=%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0&yclid=2142441188655660858

5. Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике / The Boston Consulting Group, 2017. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf

6. Future Readiness and Productivity relationship in the IDM World Digital Competitiveness Ranking. Switzerland. Режим доступа: URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2018/IMD,Lausanne>

7. Доклад «Цифровая Россия: Новая реальность» / Экспертная группа Digital McKinsey. – 2017. <http://www.mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital>.

8. Указ Президента РФ №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 г.). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

9. Башкатова, А. Цифровизация ставит РФ на грань социального кризиса / А. Башкатова // Независимая газета. – 06.04.2018. http://www.ng.ru/economics/2018-04-06/4_7206_digital.html

E. B. Lenchuk. Digitization of the economy: drivers and outcomes. The paper analyzes the key processes of digital transformation under the influence of the fourth industrial revolution, occurring both in the world and in Russia, evaluates the readiness of our country's to solve this tasks and turn digitalization into a driver of economic growth. It is noted the overall technological backwardness of our country creates serious obstacles to the digitization of the economy and increases the risks of growth of Russia's technological dependence. It is also shown that the implementation of the national project «Digital Economy of the Russian Federation», both in terms of the scope and content of the tasks, and on the volume of financing does not fully solve the problem of the digitalization of the economy. It underlines that for the accelerated and efficient development of the digital economy is possible only under transition to the innovative model of development, with focusing attention on the digitization of the real economy sector and the creation the high quality of human capital.

Keywords: digital economy, fourth industrial revolution, advanced production technologies, technological modernization, innovative development model.

Г. Б. Клейнер¹

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ²

Исследуются основные системные проблемы предприятия, предлагается программа реформирования процессов создания, функционирования и трансформации предприятий с учетом условий и перспектив отечественной экономики. Основная цель реформирования – создание механизмов обеспечения сбалансированности внутренних подсистем предприятия и его макро- и мезоэкономического окружения. В результате реализации масштабной программы реформирования должна быть развита сеть эффективных предприятий, не только осуществляющих выпуск конкурентоспособной продукции, но и обеспечивающих благоприятную среду для развития функциональных навыков и творческих проявлений трудоспособного населения страны.

Ключевые слова: предприятия, реформирование, программа реформирования, сбалансированность, теория фирмы, «душа» предприятия.

УДК 330.352

Основная волна институциональных реформ в России пришлась на последнее десятилетие XX в. Изменилась система управления страной, сменились исторические ориентиры, произошли существенные технологические сдвиги. Макроэкономические условия, а также условия регулирования мезоэкономических систем (регионов, отраслей, вертикально-интегрированных комплексов) приобрели новый облик. Согласно господствовавшей в то время точке зрения, микроэкономические объекты – предприятия, организации, домохозяйства, оказавшиеся в рыночных условиях, должны были автоматически подстроиться к ситуации и адаптировать свою структуру, объемы, функции к новым условиям. Однако этот расчет не оправдался. Финансово-экономическое, структурное и технологическое состояние отечественных предприятий не соответствует задачам сегодняшнего и ориентирам завтрашнего дня. Так, согласно данным Росстата, доля убыточных организаций (без субъектов малого предпринимательства, банков, страховых организаций и государственных (муниципальных) учреждений) в общем числе организаций в 2018 г. составила 27,4 % [1]. По данным опроса промышленных предприятий, проведенного Российским экономическим барометром [2], в январе 2019 г. 90 % предприятий не меняли или сократили численность работников; 45 % предприятий не закупали оборудование в течение двух и более месяцев подряд; 48 % предприятий сократили портфель заказов. При этом только 32 % руководителей промышленных пред-

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-02-00513-ОГН).

приятий понимали экономическую политику правительства последних 3–4 месяцев и лишь 13 % – соглашались с ней. Примерно такие же данные характеризуют состояние отечественных предприятий в целом в течение 2000–2010-х гг. Это свидетельствует о наличии системных проблем как внутри предприятий, так и во взаимоотношениях предприятий с рыночной и административной средой. По нашему мнению, рассчитывать на успех эволюционного улучшения состояния предприятий в обозримом будущем нет оснований. Необходима объемная программа глубокого реформирования отечественных предприятий, направленная на создание и развитие масштабной сети эффективных предприятий, не только производящих конкурентоспособную продукцию, но и обеспечивающих благоприятную среду для развития функциональных навыков и творческих проявлений трудоспособного населения.

Анализ перспектив социально-экономического развития России предполагает ответ на вопрос о ключевых группах факторов, оказывающих влияние на рост/торможение экономики. В зависимости от характера собственных исследований и предпочтений большинство экономистов отмечают в этой связи следующие группы факторов:

- мегаэкономические – здесь основная роль отводится внешнеэкономическим санкциям и внутриэкономическим контрсанкциям;
- макроэкономические – неэффективное госуправление, неудовлетворительная структура экономики в целом;
- мезоэкономические – в их числе в последнее время чаще всего отмечаются неэффективность губернаторского корпуса и социальная безответственность отраслевых и межотраслевых олигархов;
- микроэкономические – определяются устаревшими технико-технологическими характеристиками предприятий, низкой производительностью и интенсивностью труда работников, низким качеством менеджмента и маркетинга на предприятиях;
- наноэкономические – связанные с низкой мотивацией, недостаточным уровнем производственной дисциплины, отсутствием справедливости при определении заработной платы и должностной позиции работников предприятий.

Мы исходим из предположения об особой роли института предприятия в российской экономике. Предприятие является уникальным синтезатором технологических, экономических и человеческих ресурсов, общественных устремлений и индивидуальных интересов. Непосредственное взаимодействие этих ресурсов осуществляется только на предприятии. Соответственно, будущее технологий, экономики и человека связано с будущим предприятий, где эти составляющие являются неотъемлемыми факторами производственно-хозяйственного процесса. В перечне факторов, оказывающих существенное влияние на развитие экономики, центральное место занимают микроэкономические, поскольку непосредственно примыкающие к ним мезоэкономические факторы являются, по сути, производными от результатов деятельности предприятий, а наноэкономические, отражающие качество человеческого капитала на предприятиях, формируются в процессе социализации и адаптации новых сотрудников предприятия к условиям трудовой жизни. Предприятие вносит предметное разнообразие в окружающую среду, наполняя ее производимыми на предприятии продуктами. Вместе с тем предприятие осуществляет процесс потребления исходных материалов, сырья, оборудования, исключая их тем самым из внешней среды. Таким образом, предприятия служат связующим звеном между процессами спроса и потребления благ. Одновременно предприятия являются своеобразным «островком стабильности» в нестабильной социально-экономической среде, поскольку используют свои производственные возможно-

сти для воспроизводства факторов и условий деятельности: доходы от реализации произведенной продукции, продажи или сдачи в аренду ресурсов позволяют предприятию после каждого витка производственно-хозяйственного цикла осуществлять в следующем периоде новый виток. Устойчивость предприятия во времени является залогом устойчивости экономики в целом. Поскольку участники деятельности предприятия связаны отношениями принадлежности к организации, их интересы находятся в корреляционной зависимости друг от друга и в нормальных условиях агрегируются в единый целевой комплекс. Одновременно консолидируются их экономическое мировоззрение и экономическая идеология. Таким образом, предприятие выступает как агрегатор в социальном пространстве стейкхолдеров, адаптирует и сближает ментальные модели участников производственно-хозяйственной деятельности. Подобным образом предприятие служит своеобразным банком технологий, проектов, идей.

Развитие цифровой экономики существенно расширяет интеграционные возможности предприятия и обладает важным потенциалом для совершенствования его структуры и функций. В настоящее время среди отечественных предприятий можно выделить четыре группы в зависимости от степени координации различных аспектов внутренней и внешней деятельности предприятия в экономическом пространстве и во времени. Чтобы отразить эту степень, воспользуемся понятием, заимствованным из сферы описания духовного мира человека – понятием души. В зависимости от особенностей предприятия оно демонстрирует более или менее целенаправленное поведение на рынке, большую или меньшую согласованность намерений и действий, испытывает более или менее обоснованные ожидания относительно реакции рынка на свои действия и т. п. Признавая наличие у предприятия «души», мы тем самым признаем, с одной стороны, его идентичность, тождество с самим собой во времени; с другой – уникальность в пространстве: в мире «одушевленных» предприятий (как и в мире физических лиц) каждые два субъекта различны. По сути, идентичность предприятия как хозяйствующего субъекта также опирается на признание существования «души» предприятия. Эта точка зрения на сущность и поведение предприятия может быть названа *анимализмом*. Совершенное предприятие – не просто целостная и цельная, но «одушевленная» система, в высокой степени обладающая внутренним неповторимым духовным началом, придающим функционированию предприятия активность, целенаправленность и стремление к гармоничному развитию [3–8].

По степени активизации «души» выделяют следующие типы предприятий:

- «механистическое», ориентирующееся исключительно на рациональные критерии принятия решений и их реализации; пользуясь термином, введенным С. Минаевым в романе «Duxless. Повесть о ненастоящем человеке», такое предприятие можно назвать «duxless enterprise»;
- «электронное» (цифровое), где значимое количество решений принимается на основе алгоритмов анализа данных и искусственного интеллекта (smart enterprise);
- «холистское» (balanced enterprise) – целостное, внутренне сбалансированное в основных аспектах;
- «анималистское» (inspired enterprise), характеризующееся наивысшей степенью сбалансированности всех основных структур в пространстве и во времени.

В определенном смысле «душа» предприятия – часть души экономики, находящаяся с ней в непосредственном взаимодействии. Высокоразвитая экономика в России невозможна без значимого микроэкономического «одушевленного ядра». Поэтому одной из стратегических целей реформирования предприятий является создание сети

анималистских предприятий, образующих такое ядро [9, 10]. Непосредственной целью реформирования предприятия должно стать обеспечение сбалансированности интересов, действий и целей внутренних и внешних сил, оказывающих на него влияние.

Рассмотрим вначале внутрифирменную функционально-управленческую конфигурацию таких сил, среди которых выделяются:

- топ-менеджеры;
- работники (персонал предприятия);
- специалисты (участники, обладающие знаниями и возможностями регулирования отдельных функциональных подсистем предприятия);
- собственники (владельцы акций, долей, облигаций, других ценных бумаг) (рис. 1).

Указанные группы участников представляют четыре сектора внутрифирменной экономики: объектный (топ-менеджеры), средовой (работники), процессный (специалисты) и проектный (собственники). Собственники рассматриваются как представители проектного сектора, поскольку приобретение и владение акциями или долями предприятия для собственника является определенного рода проектом, который может быть завершен продажей акций или долей на рынке. В отличие от собственников, топ-менеджеры видят в предприятии объект реализации своего управленческого потенциала в течение длительного периода, что и определяет их отнесение к объектному сектору предприятия. Ассоциация специалистов с процессным сектором обусловлена наличием у них знаний и навыков по организации и поддержанию функциональных производственно-хозяйственных процессов. Наконец, работники наполняют внутреннюю среду предприятия, являются носителями внутрипроизводственного климата и, следовательно, ассоциируются со средовым сектором предприятия. Приведенная структуризация внутренних сил, определяющих деятельность предприятия, является в некотором смысле исчерпывающей, поскольку отражает его системную структуру [11].

Рассмотрим обобщенную конфигурацию внешних сил макроуровня, воздействующих на предприятие. Согласно [12], страновое общество может быть представлено

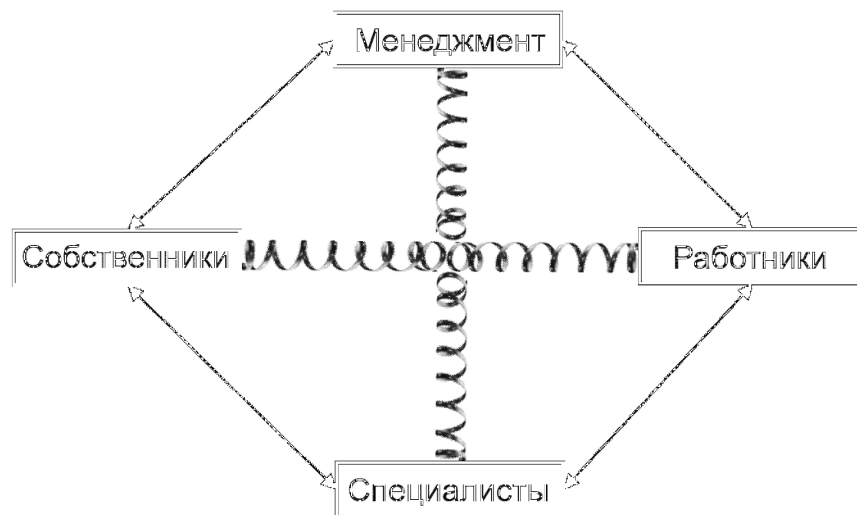

Рис. 1. Основные группы непосредственных участников деятельности предприятия

в виде объединения четырех сегментов (секторов): государство, социум, экономика, бизнес. Каждое предприятие испытывает внешнее влияние со стороны административных (государство), социальных (население), производственно-хозяйственных (экономика) и инвестиционно-коммерческих (бизнес) сил (рис. 2).

Как видим, и внутренние, и внешние силы образуют тетраду – устойчивую конфигурацию из четырех систем разных типов. В статье [13] показано, что наиболее характерными для любой тетрады являются взаимодействия между соседними членами цепочки «объект – среда – процесс – проект – объект». Такие связи автоматически возникают в тетраде при ее относительно длительном функционировании и в значительной степени обеспечивают взаимную сбалансированность членов пар «объект – среда», «среда – процесс», «процесс – проект», «проект – объект». Что касается диагональных взаимосвязей «объект – процесс», «среда – проект», то их обеспечение требует специальных усилий, направленных на поддержание сбалансированности всей тетрады в целом. В случае внутренней тетрады это приводит к необходимости регулирования деятельности участников двух «осей баланса»: «менеджмент – специалисты», «собственники – работники». Представляется целесообразным в ходе реформирования предприятия уделить особое внимание взаимоотношениям между топ-менеджментом и функциональными специалистами, а также между собственниками и коллективом предприятия. Эти взаимосвязи изображены спиральными линиями (см. рис. 1). Отметим, что в теоретическом плане такой подход приводит к интеграции понятий «корпоративное управление» (рассматривает взаимоотношения между собственниками и менеджментом) и «корпоративный менеджмент» (акцентирует внимание на взаимоотношениях между менеджментом и работниками).

На макроуровне подобные проблемы возникают в тетраде «государство – социум – экономика – бизнес». Здесь особого внимания требуют взаимоотношения между государством и экономикой, а также между бизнесом и социумом (на рис. 2 – спиральные линии). Проблемы сбалансированности деятельности участников данных «осей баланса» не могут быть полностью решены на макроэкономическом уровне, поскольку

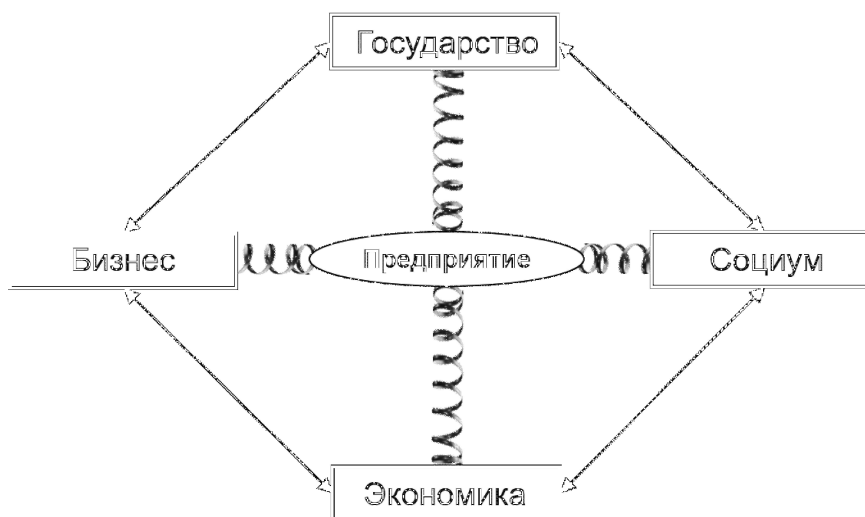

Рис. 2. Внешние силы макроуровня, влияющие на деятельность предприятия

соответствующие взаимоотношения реализуются в значительной степени через предприятия как организации, одновременно концентрирующие «процессные» интересы экономики и «проектные» интересы бизнеса. Мы видим, что повышение уровня сбалансированности и координации четырех групп участников деятельности предприятий (менеджмента, работников, специалистов и собственников) будет способствовать сбалансированности функционирования четырех макросубъектов общественного развития: государства, социума, экономики и бизнеса.

Процессы реформирования предприятий в новой России имеют давнюю историю. Основные вехи этой истории расположились в периоде с 1987 г. по 2001 г. Приведем наиболее значимые федеральные нормативные акты, повлекшие за собой существенные перемены в структуре и функциях управления предприятиями:

1. Закон о государственном предприятии (объединении) от 30.06.1987 № 7284-XI.
2. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР».
3. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-I «О предприятиях и предпринимательской деятельности».
4. Закон РСФСР от 03.07.91 № 1531-I «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 1. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
6. Постановление Правительства РФ от 30.10.1997 № 1373 «О реформе предприятий и иных коммерческих организаций».
7. Приказ Министерства экономики РФ от 01.10.1997 г. № 118 «Об утверждении Методических рекомендаций по реформе предприятий (организаций)».
8. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)».
9. «Налоговый кодекс Российской Федерации: Ч. 1» от 31.07.1998 № 146-ФЗ; «Налоговый кодекс Российской Федерации: Ч. 2» от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
10. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ.
11. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ.

Процесс реформирования предприятий в России практически окончательно затормозился к середине 2000-х гг. [14, 15]. В настоящее время необходимо возобновить этот процесс, чтобы не утратить конкурентоспособность и эффективность российской экономики в целом. Инициатором должно стать государство как основной регулятор на макроэкономическом уровне. Основные направления стратегии реформирования сформулированы ниже, а их обоснование и детализацию можно найти в работах автора [9, 10, 14, 16–21]:

1. Разработка федеральной целевой программы системного организационно-технологического реформирования предприятий.
2. Расширение спектра организационно-правовых форм производственных предприятий за счет промежуточных форм (между акционерным обществом и командитным товариществом).
3. Внедрение стратегического планирования в деятельность предприятий, создание многоуровневой народнохозяйственной системы обмена и согласования плановой стратегической информации.
4. Восстановление системы НИОКР на предприятиях.
5. Изменение системы регистрации и ликвидации предприятий в сторону стабилизации сети узловых промышленных предприятий.

6. Восстановление отраслевой структуры экономики.

7. Интегрирование корпоративного управления, корпоративного менеджмента и корпоративного контроля.

8. Реструктуризация управления предприятием, создание четырех офисов для управления четырьмя секторами предприятия: объектно-организационный офис, проектно-инновационный, процессно-логистический и инфраструктурно-институциональный.

9. Развитие самоуправляемых организаций, в частности бизнес-ассоциаций, в отраслях промышленности.

10. Усиление роли госсектора как источника гармонизации функционирования (жизнедеятельности) государства, бизнеса, экономики и социума.

11. Предоставление предприятиям права участвовать в разработке важнейших нормативно-правовых актов на всех уровнях управления, касающихся условий производственно-хозяйственной деятельности.

12. Обеспечение пропорционального развития предприятий различных форм собственности: государственных (госсектор), частных (бизнес-сектор), частно-государственных (смешанный сектор), коллективных (социальный сектор).

13. Развитие сети акционерных обществ работников (народных предприятий) и кооперативов.

Общим трендом реформирования должно стать усиление гуманистического начала деятельности предприятия и ослабление чисто коммерческих целей или поиск оптимального сочетания конкуренции и кооперации экономических агентов [22].

В заключение сформулируем кратко мировоззренческие основания, определяющие видение предприятия как фундаментального экономического института на микроуровне.

1. Экономика должна рассматриваться как амальгама четырех самостоятельно развивающихся и взаимосвязанных систем: экономической теории, экономической политики, управления экономикой и хозяйственной практики. Только их совместное рассмотрение может дать обоснованный ответ на возникающие в любой из этих сфер вопросы.

2. Экономика представляет собой единый организм, в котором предприятие играет роль клетки, а непосредственное окружение (экосистема) предприятия – роль органа.

3. При таком взгляде на экономику основные риски, связанные с проблемами микроуровня, заключаются, с одной стороны, в нарушении естественного процесса апоптоза, отмирании необходимых клеток и, как следствие, дисфункции самостоятельных органов экономического организма (цепная реакция банкротств предприятий); с другой – в неконтролируемом разрастании клеток и соответствующих органов (экспансия олигархического капитала).

4. В сложившихся условиях эволюция предприятий под влиянием рыночных сил недостаточна для их оздоровления. Необходима федеральная программа целенаправленного и скоординированного реформирования отечественных предприятий. Статус этой программы должен быть сопоставим со статусом национальных проектов.

5. Научной основой стратегии реформирования предприятий должна стать новая междисциплинарная теория фирмы, отражающая деятельность предприятия как многослойного полиструктурного комплекса. Для теоретического описания и моделирования такого комплекса должны использоваться достижения экономики, социоло-

гии, политологии, психологии, антропологии, биологии, философии. Известные на сегодняшний день неоклассические, институциональные и эволюционные теории фирмы должны быть интегрированы в единую системную междисциплинарную теорию [23–24].

Список литературы

1. Информация о социально-экономическом положении России. Январь 2019 г. / Росстат. – М., 2019. Таблица 6.2.1. Финансовые результаты деятельности организаций. С. 179. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/info/oper-01-2019.pdf (дата обращения: 26.04.2019).
2. Российский экономический барометр: Месячный бюллетень. – 2019. – Март. С. 2. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/REB_month/content/2019/2019_03_reb_month_ru.pdf (дата обращения: 26.04.2019).
3. Перотто, П. Дарвинизм и менеджмент / П. Перотто. – Милан: Il Sole «24 Ore», 1990.
4. Бир, С. Мозг фирмы / С. Бир. – М.: Радио и связь, 1993. – 416 с.
5. Гиус, де А. Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде / А. де Гиус. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 228 с.
6. Berry, L. Discovering the Soul of Service: The Nine Drivers of Sustainable Business Success / L. Berry. – Detroit: Free Press, 1999. – 288 p.
7. Клейнер, Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста / Г. Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 1. – С. 5–20.
8. Гэлэгер, Р. Душа организации / Р. Гэлэгер. – М.: Изд-во «Добрая книга», 2006. – 352 с.
9. Клейнер, Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России: ч. 1 / Г. Б. Клейнер // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 50–58.
10. Клейнер, Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России: ч. 2 / Г. Б. Клейнер // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 9–17.
11. Клейнер, Г. Б. Системная сбалансированность экономики / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук. – М.: ИД «Научная библиотека», 2017. – 320 с.
12. Клейнер, Г. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 4–27.
13. Клейнер, Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики / Г. Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 3–28.
14. Клейнер, Г. Эволюция и реформирование промышленных предприятий: 10 лет спустя / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2000. – № 5. – С. 62–74.
15. Реструктуризация экономики: теория и инструментарий / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – 664 с.
16. Клейнер, Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 1996. – № 4. – С. 28–34.
17. Клейнер, Г. Б. Реформирование предприятий: возможности и перспективы / Г. Б. Клейнер // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 15–26.
18. Клейнер, Г. Б. Теория фирмы – стратегия предприятия – микроэкономическая политика государства / Г. Б. Клейнер // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2013. – № 4 (73). – С. 52–69.
19. Клейнер, Г. Б. Стратегия системной модернизации отечественных предприятий / Г. Б. Клейнер // Управленческие науки. – 2015. – № 1. – С. 18–29.

20. Клейнер, Г. Б. Системная модернизация отечественных предприятий: теоретическое обоснование, мотивы, принципы / Г. Б. Клейнер // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 13–24.

21. Коллективные формы хозяйствования в современной экономике / В. Е. Дементьев [и др.]. – М.: ИД «Научная библиотека», 2017. – 355 с.

22. Клейнер, Г. Б. Парадигма декоммерциализации: глобальные императивы и национальные интересы / Г. Б. Клейнер // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 14–15 мая 2015 г.) / РАН, Конгресс петербургск. интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов [и др.]; науч. ред.: А. С. Запесоцкий, А. П. Марков, Е. А. Кайсаров [и др.]. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 103–106.

23. Клейнер, Г. Б. Поведение предприятия в моделях теории фирмы: ч. 1 / Г. Б. Клейнер, В. Ф. Пресняков, В. А. Карпинская // Экономическая наука современной России. – № 2 (81). – С. 7–23.

24. Клейнер, Г. Б. Поведение предприятия в моделях теории фирмы: ч. 2 / Г. Б. Клейнер, В. Ф. Пресняков, В. А. Карпинская // Экономическая наука современной России. – № 3 (82). – С. 7–21.

G. B. Kleiner. Problems of domestic enterprises reforming. This article investigates the main system problems of an enterprise and proposes a program for reforming the processes of creating, functioning and transforming enterprises, taking into account the conditions and prospects of the domestic economy. The main goal of the reforming is the creation of mechanisms to ensure the balance of the internal subsystems of an enterprise and its macro- and meso-economic environment. As a result of the implementation of a wide-scale reforming program, a network of efficient enterprises should be developed, not only producing competitive products, but also providing a favorable environment for the development of functional skills and creative expressions of the county's working population.

Keywords: enterprises; reforming; reforming program, balance, theory of the firm, «soul» of the enterprise.

Д. Р. Белоусов¹

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ – ОТ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

Рассматриваются возможности использования потенциала цифровизации как основы экономического роста в обозримой перспективе, а также возможные социальные риски (рост структурной безработицы). Показана целесообразность комплексного подхода к ускорению развития, сочетающего развитие технологического потенциала, обеспечение максимальной диффузии технологий, компенсацию негативных социальных последствий повышения экономической эффективности. Охарактеризована долгосрочная повестка дня, связанная со структурными и гуманитарными последствиями развития ИКТ и сопряженных технологий. Показана необходимость выработки адекватного ответа на вызовы, связанные с «антропологической революцией».

Ключевые слова: цифровизация, ИКТ, экономический рост, долгосрочное развитие, безработица, диффузия технологий, CRISPR, стратегия.

УДК 330.352

Ситуация с цифровизацией, как предметом стратегического анализа, имеет несколько аспектов, различающихся своей глубиной и значимостью.

Наиболее простой, оперативный уровень проблемы состоит в том, что мир стоит перед новым технологическим рывком. Наиболее очевидные направления: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), интенсивное развитие которых идет прямо сейчас, биотехнологии (на горизонте 2020–2030 гг.), робототехника (2020–2030 гг.), новое материаловедение (нанотехнологии и др.), новая энергетика, когнитивные технологии. Для всех этих направлений ИКТ являются базовыми, определяя саму возможность возникновения соответствующих технологических направлений. В мире возникают все новые секторы цифровой экономики.

Реализация наших цифровых потенциалов (в том числе на базе реализации нацпроекта «Цифровая экономика») дает нам возможность примерно утроить размер нашего небольшого (по мировым меркам) сектора ИКТ (рис. 1) и заметно увеличить экспорт нашей IT-продукции. Но это не главное. Проблема в том, что IT-продукция быстро поглощается традиционными секторами и оказывает на них сильнейшее воздействие.

Вот главный эффект цифровизации: с одной стороны, цифровизация продуктов, оптимизация положения на рынках, это новые свойства, позволяющие доводить про-

¹ Дмитрий Рэмович Белоусов, зав. лабораторией анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, канд. экон. наук.

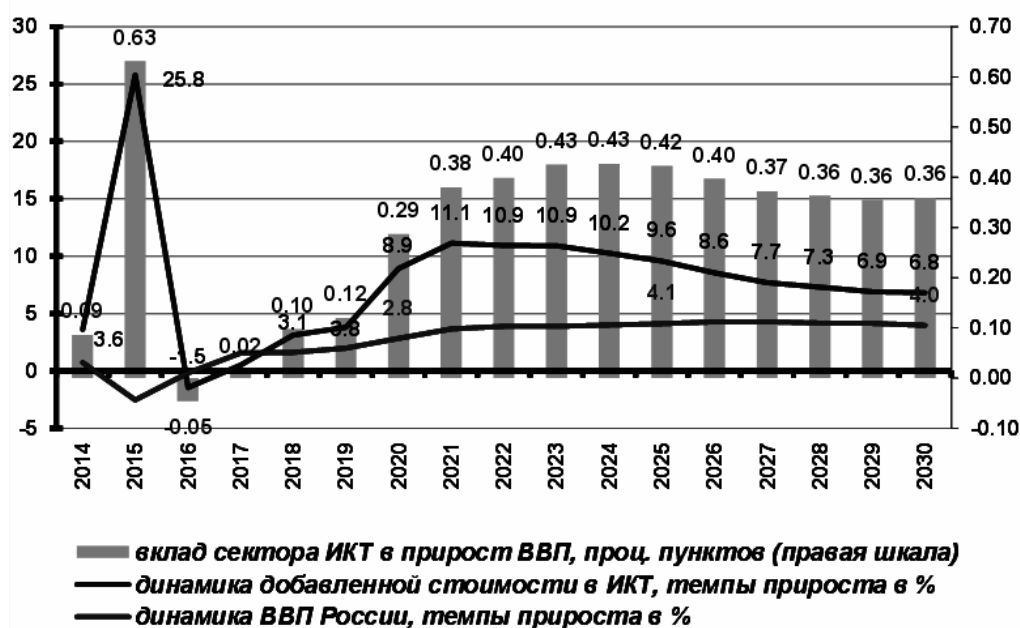

Рис. 1. Динамика добавленной стоимости в ИКТ и ВВП России (темпы прироста, %), вклад ИКТ в прирост ВВП (правая шкала, проц. пункты)

дукцию до конкретной аудитории; с другой – новые возможности работать с мировой кооперацией и, интегрируя в свою продукцию решения мировых поставщиков, выходить на новые рынки.

Основные эффекты ИКТ-революции для не-ИКТ отраслей:

1. Минимизация транзакционных издержек. Цифровизация создает новые условия для всех основных факторов. С одной стороны, вы можете снять «проклятие» привязки к традиционным поставщикам, с другой – можете работать непосредственно на мировой рынок, включаться непосредственно в глобальную сеть обмена товаров, в том числе и традиционных, выстроенных поверх привычных договоров. Именно так работает китайская экономика.

2. Расширение возможностей выхода на рынки (в том числе глобальные) даже для малых и средних компаний.

3. Возможность преодоления «проклятия» привязки к традиционному поставщику узлов и агрегатов.

4. Оптимизация технологических процессов, экономия материальных, энергетических и трудовых ресурсов.

5. Возможность быстрой кастомизации продукции, в том числе в рамках массового автоматизированного производства.

6. ИКТ являются базовыми для создания качественно новых рынков, например беспилотного транспорта.

7. Создание новых веществ и материалов, потребительских свойств продукции.

8. Изменение экологических характеристик производственных процессов и свойств конечной продукции.

Можно ожидать изменения формата управления корпорациями: самоорганизация (социальные сети, временные глобальные консорциумы, блокчейн-технологии) меняет формат управления инициативами и проектами. Это означает формирование изначально глобальных производственно-сбытовых сетей «лучших ресурсов». Победитель в цифровой гонке «получит все», поменяв структуру экономики и общества. Проигравший проиграет все, при этом сохранить устойчивость общества и его институтов не удастся. Поэтому к цифровизации нельзя относиться как к частному начинанию (пусть и масштабному) – речь идет о системном процессе.

Еще 10...15 лет назад трудно было даже подумать о цифровизации сельского хозяйства, а сейчас – это ключевой тренд в отрасли (который, кстати, слабо принят нами). Формируется новая модель отрасли строительства – «точное строительство». Российские компании, например «Геоскан», активно работают в Японии в этой сфере, но не в самой России.

Другой пример – наш авиапром. После начала конфликта с Украиной в 2014–2015 гг. и мы, и они за считанные годы смогли избавиться от зависимости от внешних поставщиков. Это стало возможным только благодаря цифровому проектированию, обеспечивающему относительно быстрый учет в итоговой документации вносимых изменений по всей цепочке – от конкретного замещаемого узла до итогового изделия. Раньше это была бы история лет на 10...15.

Прямое влияние ИКТ на экономический рост в перспективный период невелико (всего 9 % от прироста экономики) в силу масштабов сектора (рис. 2). В целом у нас вклад в развитие сектора ИТ в ВВП может достигнуть примерно 0,4 проц. пунктов прироста ВВП.

При этом косвенный эффект – через прирост эффективности экономики – вчетверо выше; суммарно цифровизация способна обеспечить условия для почти половины прироста ВВП в целевом сценарии. (В основном за счет модернизации основных секторов экономики.)

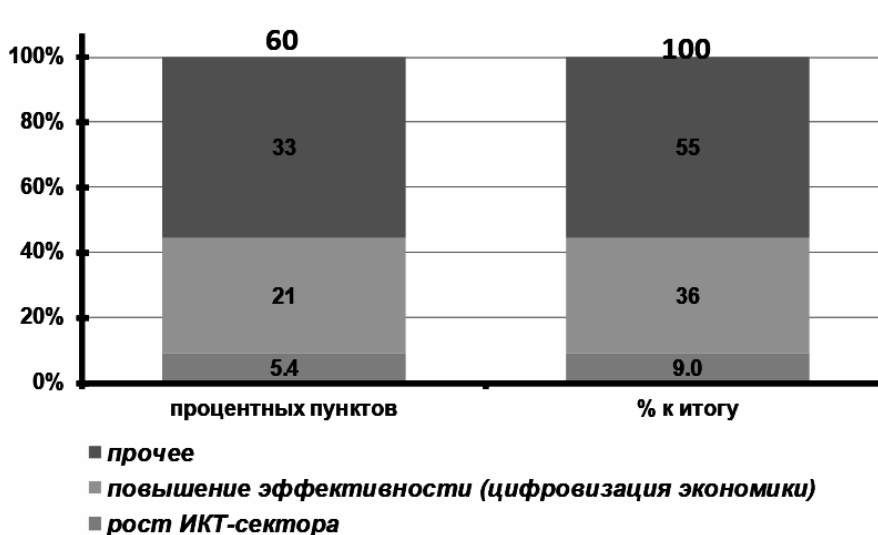

Рис. 2. Динамика добавленной стоимости в ИКТ и ВВП России (темпы прироста, %), вклад ИКТ в прирост ВВП в 2018–2030 гг.

Поэтому ключевой вопрос – не реализация конкретных прорывных проектов в высокотехнологичных отраслях, а модернизация на базе цифровых технологий широкого круга производств, для которых ИКТ станет общетехнологической базой. Необходим переход от поддержки собственно ИКТ к технологической модернизации широкого слоя производств и созданию адекватной экосистемы ИКТ (включая образовательную, культурную и институциональную среды).

Отсюда же и проблема стратегического уровня, взаимной увязки технологической и социальной модернизации.

Цифровизация при полной реализации ее потенциалов способна обеспечить двух-трехкратный прирост производительности труда (рис. 3). Если не трансформировать его в экспансию на внутренних (вытеснение импорта) и внешних рынках, это может привести к неприемлемому по масштабам высвобождению занятых.

В принципе, развитие цифровизации способно высвободить 12,5 млн занятых, что ликвидирует нынешнее «скрытое индустриальное перенаселение», проявляющееся в хронической разнице между производительностью труда в России и странах – технологических лидерах (рис. 4).

Порядка 1,5 млн человек «съест» ухудшение демографической ситуации (в связи с этим повышение пенсионного возраста – плохая идея). Около 3,5 млн человек может принять малый бизнес. Но еще до 7,5 млн человек должно быть сохранено за счет роста производства.

Поэтому необходимо обеспечить межотраслевой маневр: переобучение и, возможно, переезд (вопрос о дешевом жилье и 100...120 млн м² жилья в год!) примерно миллиона занятых в год в течение 10 лет

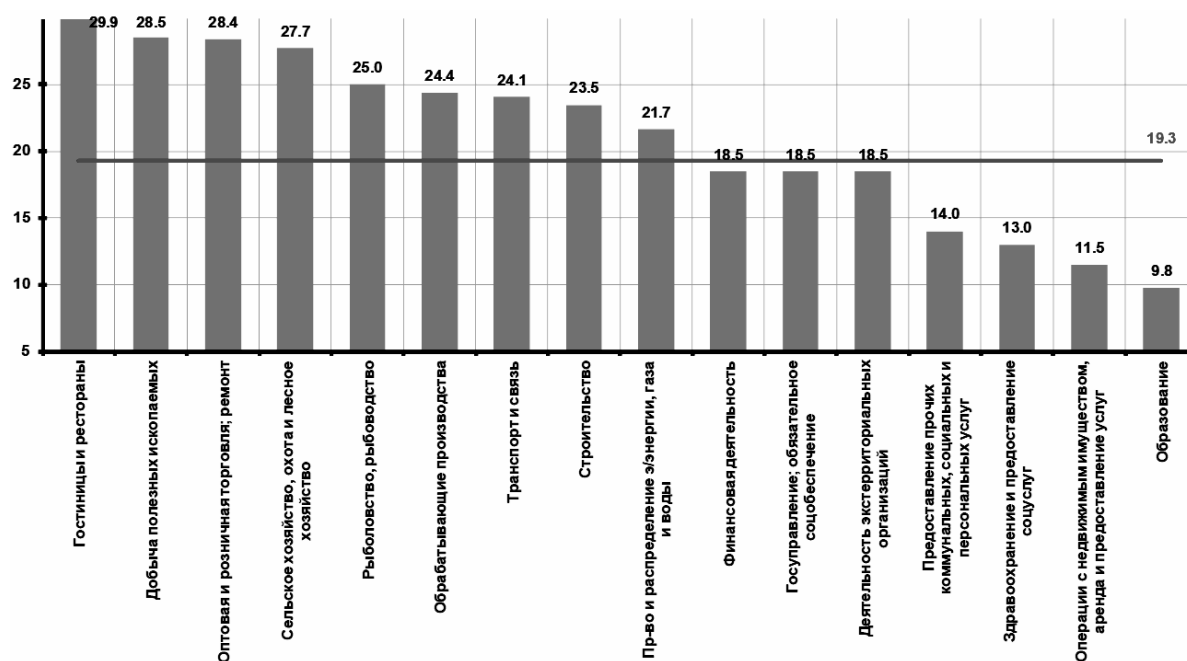

Рис. 3. Прирост производительности труда вследствие цифровизации (целевой сценарий, 2018–2030 гг., %)

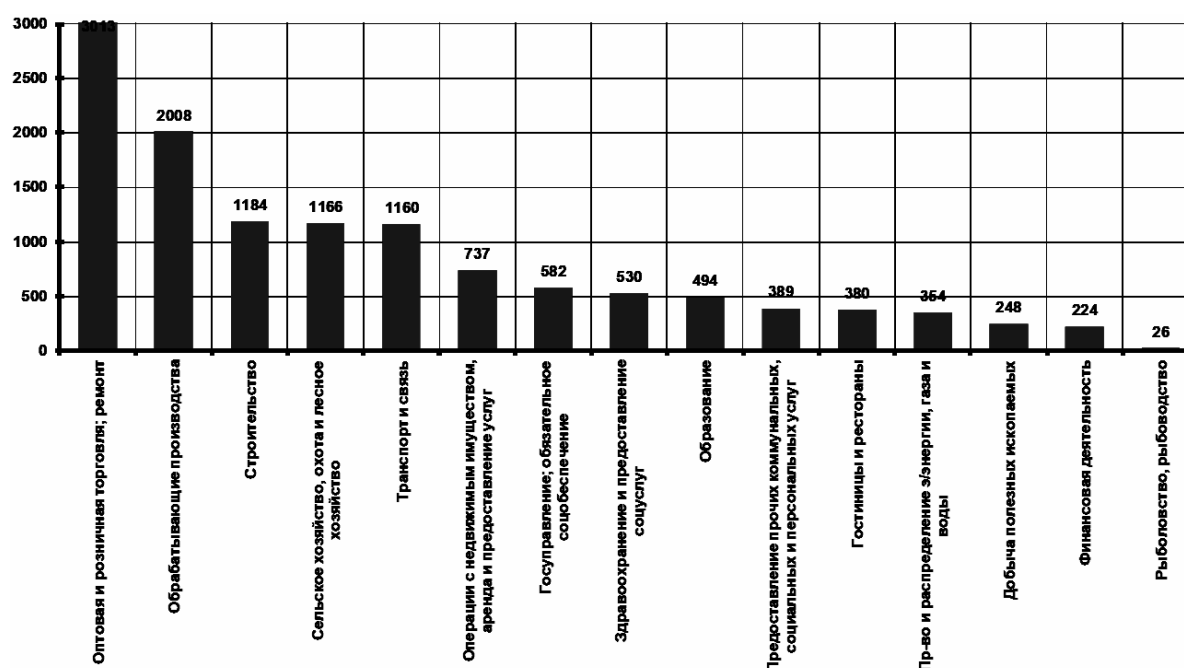

Рис. 4. Потенциальный масштаб высвобождения занятых (2018–2030 гг.) при постоянном масштабе деятельности, тыс. чел.

Решение о развитии «цифровой экономики» автоматически подразумевает курс на максимальное стимулирование выпуска, агрессивное продвижение российской продукции на внутренних (вытеснение импорта) и внешних рынках (система поддержки экспорта должна масштабироваться, как минимум, в 2.5...3 раза).

Иначе или мы получим недопустимый социальный кризис, или развитие страны рискует быть остановленным из «социальных» соображений, или у нас цифровизация превратится в историю развития отдельных фирм, работающих на зарубежные рынки поверх нашей экономики. Осуществлять цифровизацию производств, не занимаясь, с одной стороны, стимулированием экономической экспансии, а с другой – адаптацией за счет повышения мобильности населения (территориальной, профессиональной и пр.), обеспечивающей прием занятых в новых секторах, малом бизнесе и т. д., – это худшее решение. Напомню, что порядка 100 лет назад мы обнаружили, что быстрая модернизация экономики без необходимых социальных компенсаторов порождает последствия, сносящие всю экономическую и социальную систему и миллионы людей в стране.

Есть еще один слой – «большой стратегии», связанный с тем, что цифровизация порождает долгосрочные социальные и политические проблемы, которые пока недостаточно осмыслены.

Первое. Она сама по себе дает возможность развития малолюдных производств. Сейчас строится Амурский газохимический комбинат, огромное предприятие мирового значения, где уже сейчас занято 1200 человек (это уровень не очень крупного завода в Советском Союзе). И проблема нарастает.

Быстрое развитие «безлюдных» производственных технологий (3D-Printing, адаптивные робототехнические) и интеллектуальных (конвергентные ИТ и креативные техно-

логии) приводит к снижению потребности в населении, занятом в современной экономике. Отсюда возникает первый из ключевых вопросов развития: «что такое общество, в котором целесообразной работой занято 15...20 % населения, остальных мы либо искусственно стимулируем к какому-нибудь неосмысленному труду «лишь бы что-то делали», либо они не заняты совсем?». И что такое гражданство в ситуации малолюдной (и не призывной) армии, малолюдного производства, индивидуализации образования и индивидуального социального страхования?

Второе. Новые технологии, в принципе, трансграничны – цифровизация предполагает максимальную рыночную экспансию. Возникает мощный стимул для возникновения глобальных сетей (производственно-технологических, сбытовых, финансовых, информационных), высокотехнологичных анклавов. В итоге издержки на поддержание социального порядка, развитие инфраструктур, технологий и т. д. несут конкретные общества, а доходы получают корпорации и часть населения, включенная в глобальные сети. Привычная идеология «гравитационного» эффекта (возникает полюс роста, зона тяготения к нему, где постепенно с большей или меньшей скоростью, по каналам спроса, кооперации и т. д. распространяются позитивные эффекты) от центров роста новой экономики больше не работает.

Без специальных мер, обеспечивающих распространение позитивного эффекта по экономике, никакой адаптации импульса развития от центров новой глобальной экономики у соседей не происходит. Скорее, у них возникает зона кризиса, потому что капиталы и квалифицированные кадры перемещаются в те районы, где идет интенсивное развитие. А рядом возникает зона бедности, т. е. гравитационные модели надо заменить «интерференционными», где формируются сложные картинки: рядом с зонами роста возникают зоны упадка, подальше может быть еще одна зона развития, на отдаленной периферии – зона еще одного упадка.

В этом смысле возникновение соседствующих в одной стране Кремниевой долины и «ржавого пояса» – правило, а не исключение (эта проблема обсуждается и в Южной Корее, где интенсивный рост сопровождается деградацией ряда городов; в нашей стране, например при освоении Дальнего Востока, данная ситуация тоже актуальна).

Третье. Перераспределение ролей и влияния между государством и частным бизнесом. Мы привыкли обсуждать борьбу государств – в более или менее сформировавшихся «правилах игры». Проблема в том, что зависимость граждан (а завтра и государств) от транснациональных корпораций, поставляющих цифровые и информационные решения, которые мы используем каждый день, становится гораздо более сильной. Сегодня возможные санкции от Google и SWIFT для нашей страны уже опаснее государственных. Завтра добавится буквально жизненная зависимость от «экономики пользования», функционирования сетей. ТНК, которые никем не контролируются и не являются субъектами международного права, по мере цифровизации будут оказывать и на общества, и на государства, и на отдельных граждан все более сильное и содержательное влияние.

Четвертое. Проблема «нового отчуждения». Современные производства, достаточно глубоко цифровизированные (и этот тренд будет нарастать), строятся и будут строиться (и не только в США, но и у нас; собственно, саму идею очень четко сформулировал Евгений Кузнецов, управляющий Венчурного фонда Росатома) в логике «человеко-машинной слойки». В ее рамках люди («дешевые», относительно низкоквалифи-

цированные работники) обслуживают и обеспечивают функционирование роботов, работающих под управлением людей (с высокой профессиональной квалификацией), которые работают под управлением «умных» нейросетей и т. д. Мы привыкли бороться с отчуждением (в том числе от других людей и от собственной сущности), но это было в эпоху отношений между людьми. А каким будет отчуждение в новую эпоху, когда человек не понимает, кто им управляет – капиталист, менеджер или умная нейросеть?

И последнее, совсем далекая перспектива, скорее, предмет для обсуждения, чем для подготовки конкретных решений. Он маркируется понятием, возможно, приближающейся «антропологической революции».

Как уже говорилось, цифровизация является базовой технологией для целого ряда новых технологических направлений, которые определяют лицо экономик и обществ развитых стран в наступившем веке: биотехнологий, нейроинтерфейсов, всепроникающего «умного» ИТ.

И здесь возникает несколько вопросов:

1. Что означает превращение человеческих способностей в рыночный актив? Уже стала реальностью возможность корректировать геном человека, сначала (сегодня) в медицинских целях, а затем и в немедицинских – в течение 10...15 лет (уже созданы CRISPR-технологии коррекции генома взрослого организма). Первые человеческие эмбрионы, подвергнутые коррекции CRISPR, уже родились на свет в Китае. Соответствующие эксперименты разрешены в Китае и Британии. Это делает запрет в России, «континентальном Евросоюзе» и США просто бессмысленным.

Если вы можете управлять геномом, соответствующая информация не сегодня, так завтра может оказаться на рынке. Если вы можете «покупать» способности и закреплять их в геноме, какое общество возникает в результате этой революции? Получим ли мы социальное неравенство, закрепленное биологически? Произойдет ли разрушение концепции фундаментального равенства людей, базового для нашей цивилизации?

2. Нейротехнологии скоро дадут возможность прямой коммуникации «мозг–компьютер». Тогда, где границы человеческой личности? Можно ли говорить о ее суверенитете? Есть ли пределы отчуждения и манипуляции (наступает эпоха «мультиправды», эрозии самого понятия «истинного»?) со стороны негосударственных субъектов?

3. Одна из ключевых задач биомедицины – радикальное продление жизни. Постарение населения будет означать закрепление социального порядка и мощный стимул к стагнации обществ? Коснется ли это только элит, закрепляя «новое неравенство»? А если нет – станет ли стимулом дальнейшего снижения рождаемости?

Как и в начале машинной эпохи, сегодня кто-то должен дать ответ на вопрос о месте человека в новом обществе и взаимодействии с «умными» сетями и машинами, тотально занимающими его место. Тот, кто его даст – получит влияние, превосходящее значимость, например, марксистского дискурса в XX в.

D. R. Belousov. Digitization of the Russian economy – from operational goals to strategic objectives. The report describes the possibility of using the potential of digitalization as the basis of economic growth in the foreseeable future. Social risks (growth of structural unemployment) are described. The expediency of an integrated approach to the acceleration of development, combining the development of technological potential, ensuring maximum diffusion of technologies, compensation

for the negative social consequences of increasing economic efficiency is revealed. In the final part of the article, the long-term agenda related to the structural and humanitarian consequences of the development of ICT and related technologies is outlined. The need to develop an adequate response to the emerging challenge associated with the «anthropological revolution» is shown.

Keywords: digitalization, ICT, economic growth, long-term development, unemployment, diffusion of technologies, CRISPR, strategy.

А. А. Пороховский¹

ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассмотрены факторы и причины, тормозящие экономический рост, а также динамику производительности труда. Четвертая промышленная революция пока мало влияет на экономику страны. Цифровизация захватывает все больше отраслей и сфер. Но нет гармонии частных и общественных интересов. Показано, что доминирование частных интересов крупных компаний сдерживает нововведения. Требуется совершенствование правил игры, устанавливаемых государством. Без оптимального сочетания частных и общественных интересов невозможно обеспечить рывок в развитии России.

Ключевые слова: экономическое развитие, цифровизация, частные интересы, общественные интересы, производительность труда, правила игры.

УДК 338.1

Введение

Уже более четверти века развитие экономики России строится на рыночных принципах. По разным причинам до сих пор не удается достигнуть существенных результатов, особенно в сфере обеспечения благосостояния населения и устойчивого экономического роста. В отечественной литературе обсуждаются факторы, тормозящие решение накопившихся проблем [1]. Наступившая эра цифровизации ставит новые вызовы и риски, которые необходимо предвидеть, чтобы новые возможности служили российскому обществу [2]. Процесс цифровизации обнажил недостатки российской экономической модели, устранение которых поможет реализовать потенциал рыночной системы.

Большинство проблем, требующих решения, вполне очевидны, они на слуху как у простых людей, так и у ученых и государственных чиновников. Однако глубинным, мало обсуждаемым фактором торможения остается абсолютизация значения и роли частных интересов по сравнению с общественными. В этой связи предлагается следующая научная гипотеза: ***абсолютизация значения частных интересов в теории, на практике и в правовой сфере тормозит решение существующих проблем и отдаляет перспективу развития*** [3].

Для обоснования выдвинутой гипотезы последовательно рассмотрим следующие вопросы:

- частная собственность и частные интересы – базовые свойства рыночной экономики;

¹ Анатолий Александрович Пороховский, зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, д-р экон. наук, профессор.

- общественные интересы как правила игры в рыночной системе;
- влияние цифровизации на взаимодействие частных и общественных интересов.

Частная собственность и частные интересы

Возникновение собственности как явления на заре человеческой цивилизации способствовало формированию у людей интересов по ее использованию и владению. Устранение личной зависимости человека от человека в ходе буржуазных революций закрепило частную собственность в рыночной системе, где *личная независимость* человека дополнилась *экономической зависимостью* работника от предпринимателя, основанной на повсеместном распространении наемного труда, с одной стороны, и собственности на капитал – с другой. Формально и работник, и предприниматель являются частными собственниками. Только частная собственность у них разная. Интерес работника – сохранить рабочее место и получить достойную заработную плату, а интерес предпринимателя – наращивать свой капитал. Получается, что в рыночной экономике изначально заложено громадное различие между частными интересами наемных работников и капиталистов.

Частная собственность (не обязательно связанная с предпринимательством) может достигать громадных размеров. Интересы мелких, средних и крупных собственников различаются; экономическое положение определяет их статус в обществе, а статус диктует свои интересы.

Как известно, частная собственность является опорой рыночной системы. Она предопределяет такие атрибуты рыночного развития, как рынок, конкуренция, наемный труд, капитал, деньги и др. Более того, в большинстве развитых стран частный сектор преобладает над общественным или государственным. Все это обуславливает ведущую роль частных интересов в современных условиях, в том числе и в России [4, с. 312]. Таким образом, и теоретически невозможно преуменьшать роль частных интересов. Так или иначе любые элементы экономики персонифицируются и выступают со своими частными интересами.

Однако последствия экономической реализации многообразных частных интересов для экономики и общества различны. Они могут быть созидательными или разрушающими, тормозящими, деструктивными. По большей части такие определения относятся к бизнесу, сфере предпринимательства, что не случайно. Ведь капитал – это движущая сила рыночного развития. Остается вопрос – почему в разных странах эта сила действует по-разному и до сих пор из 200 государств только 39 стран и территорий отнесены к развитым [5, с. 135], а разрыв между богатыми и бедными во всем мире увеличивается? Природа капитала и бизнеса везде одинакова, а национальные рыночные модели существенно различаются, хотя формально имеют одинаковые составляющие элементы [6]. Отметим также, что бизнес не однороден. Здесь вектор развития задают крупные компании, большой бизнес [7], который старается не противостоять национальным интересам, несмотря на то что природа капитала космополитична, и он «бежит» туда, где выше прибыль. Оказывается, национальные рыночные модели задают разные условия для бизнеса, что напрямую связано с динамикой экономики [8].

В иерархии интересов частного сектора интересы наемных работников находятся на нижней ступени. По мере развития рыночной цивилизации структура наемного персонала перманентно модифицируется. В современных условиях к наемным работникам относятся и человек на сборочной линии или наладчик компьютеров, и высшие управляющие корпорации. Уровень их обязанностей и полномочий формирует их ин-

тересы как внутри компаний, так и за их пределами. Уже в период промышленной революции стала развиваться работа на дому [9], но особенно широкое распространение эта форма занятости получает в период четвертой промышленной революции – массовой цифровизации. Немало людей работают по принципу удаленного доступа, выполняя задание своих компаний у себя дома. Другие предпочитают самозанятость, оставаясь вне персонала фирмы, но заключая с ней контракт по конкретным работам [10]. Экономически это означает, что фирма принимает на себя минимальную ответственность за такого исполнителя, при этом его максимальная свобода упирается в максимальный риск и неопределенность возможных будущих контрактов [11, с. 51–74].

Среди самозанятых немало людей, которые становятся индивидуальными предпринимателями без найма персонала. Цифровизация сильно расширяет возможности предприимчивости. Такая деятельность распространена в основном в сфере услуг и в значительной мере опирается на местные рынки. В этом случае их частные интересы конкурируют за индивидуальных заказчиков, отказываясь порой от максимизации доходов.

В современной рыночной экономике велико разнообразие форм и видов частной собственности – от индивидуальной до коллективной, акционерной, которая позволяет объединять капиталы физических и юридических лиц, включая государственные институты. В результате получила развитие **смешанная собственность**, участниками которой могут быть граждане и компании разных стран. Частные интересы доле-вых собственников переплетаются, но каждый стремится максимизировать доход от своего участия.

Частная собственность присутствует во всех частях современного общества (не только в предпринимательской сфере). Соответственно частные интересы касаются абсолютного большинства граждан, где бы они ни жили. За общим выражением «частный интерес» скрывается самая разная мотивация поведения, различное отношение к получению и росту доходов, определенная позиция в предпринимательской среде, а также неодинаковое восприятие своих обязанностей как чиновника из государственного или муниципального аппарата. Существенное значение на практике и в теории имеет то, какие именно частные интересы оказывают решающее влияние на траекторию и вектор развития экономики и общества. Если частные интересы персонифицированного капитала игнорируют интересы «национального мундира» или своей страны, то соотечественники проигрывают, а выигрывают капиталы и люди других стран.

Общественные интересы как правила игры в рыночной системе

Любая национальная рыночная модель не может функционировать без адекватных правил игры, которые обязаны соблюдать все, если такие правила к ним относятся. Термин *общественные интересы* часто совпадает по смыслу с понятиями *национальные* или *государственные интересы*. В этом случае общественные интересы выражаются через законы или другие государственные акты, принимаемые государством для прямого или косвенного регулирования рыночной среды, которой они необходимы для собственного сохранения и развития. Поэтому субъектом общественных интересов выступает государство как совокупный представитель общества отдельной страны.

К общественным интересам могут относиться и самые разные нечастные интересы: от интересов коллектива граждан, обучающихся или работающих в одной организации, живущих в одном доме, подъезде или на лестничной площадке, совместно

использующих один вид транспорта, являющихся членами профсоюза, до интересов жителей улиц, деревень, городов, территорий, регионов. В каждом обществе складывается своя вертикаль или структура общественных интересов. И хотя в рыночной системе господствующим принципом является индивидуализм, предполагающий свободу выбора, тайну частной жизни и защиту частной собственности, движение вперед в конечном счете предопределяется общественными интересами, точнее, тем, насколько полно частные интересы гармонизируются (или не противоречат) с общественными. Даже на низшем, бытовом, уровне комфорт человека зависит от того, насколько он не противопоставляет себя окружающим.

Общественные интересы на национальном уровне представляются государством в виде законов и других решений всех ветвей власти, приобретая статус официальных правил игры в рыночной системе. К примеру, защита конкуренции относится к одной из главных функций государства, поскольку конкурентный механизм призван не только противостоять монополизму в предпринимательской сфере, но и способствовать оптимизации уровня цен, защищая интересы всех потребителей. В то же время свободная конкуренция пронизывает всю экономику и общество: компания конкурирует с компанией, капитал – с капиталом, работник – с работником, товар – с товаром, услуга – с услугой, производитель – с производителем, потребитель – с потребителем. Каждый так или иначе ищет свою выгоду. Теоретически максимизация выгоды происходит, когда удовлетворяются интересы общества.

Велика роль государства в рыночной экономике. Некоторые бизнесмены и исследователи связывают степень вовлеченности государства в экономику с размером государственной собственности и своеобразным государственным предпринимательством. Не случайно в 1990-е гг. при переходе России от плановой экономики к рыночной нас убеждали: «Чем меньше государства, тем лучше!» Между тем экономическая роль государства выражается прежде всего в отлаженности правил игры, а не только в доле госсобственности и величине федерального бюджета. Правила игры, которые стимулируют бизнес и предприимчивость, опираются на современные технологии, способствуют внедрению достижений науки, создают условия для формирования человека, ясно видящего свою перспективу, защищают честь «национального мундира» внутри страны и на международной арене, создают необходимые условия для экономического роста и обеспечения достойного качества жизни граждан, формируют у людей определенный уровень доверия к государству [12, с. 215].

Доверие к государству и его институтам – важнейшее условие современной жизни, в том числе развития экономики. Низкий уровень доверия формирует атмосферу неуважения к общественным интересам. Порой интересы большого бизнеса являются приоритетными для государственных чиновников, что создает почву для злоупотреблений на всех уровнях экономики.

Правила игры – это сложная, субординированная система законов, механизма их исполнения и ответственности за нарушения. Если в этой системе не срабатывает даже одно звено, правила буксуют и в экономике главенствует принцип *«лебедя, рака и щуки»* – каждый тянет в свою сторону. С 2014 г. российская экономика находится под санкциями, которые ограничивают возможности использования преимуществ глобализации и открытости национальной экономики. Правила игры и обеспечение национальных интересов следует адаптировать к санкционному режиму. Ведущая роль в разрешении конфликта частных и общественных интересов принадлежит государству, на котором лежит ответственность не только за правила игры в экономике, но и за при-

оритеты развития общества в целом. Развитые страны наглядно демонстрируют возможность стимулирования частных интересов без ущемления общественных, национальных. Государство устанавливает понятные для всех правила игры и не *стесняется* применить закон, если какая-либо компания игнорирует национальные интересы ради своей прибыли.

Частный интерес в силу своей экономической природы не совпадает с общественными интересами. Однако из этого не следует, что частный интерес всегда противостоит интересам общества. Общественные интересы формируют инфраструктуру для достижения частных интересов. А это создает основу для определенной гармонизации частных и общественных интересов. Если бы частные интересы только противостояли общественным, то за время рыночной цивилизации не было бы такого прогресса и такой динамики развития, которые привели к цифровой революции.

Влияние цифровизации на взаимодействие частных и общественных интересов

В последние годы цифровизация – самая популярная тема в отечественной и зарубежной экономической, технической и гуманитарной литературе. Довольно полно этот вопрос освещен Клаусом Швабом в книге «Четвертая промышленная революция» [13]. Затем последовало новое исследование аналитиков Всемирного экономического форума в Давосе «Технологии четвертой промышленной революции» [14]. В этих работах предпринята попытка осмыслить и изложить все стороны и суть цифровой эпохи. Проводится не столько технологический, сколько экономический и социальный анализ, что позволяет выявить место и роль человека, бизнеса, общества, государства и международных институтов в цифровизирующемся мире. Не вдаваясь в технологические подробности цифровизации, остановимся на механизме ее развития. Примечательно, что бизнес одновременно выступает как субъект и объект процесса. Именно частные компании развивают роботостроение и конструируют искусственный интеллект. Продолжает быстро расширяться интернет вещей. В самой экономике цифровизации возникают ранее невиданные тенденции – быстро наступает моральный износ изделий вследствие динамичного обновления выпускаемой продукции. В известном смысле нарушается классический механизм ценообразования на цифровые товары и услуги. С одной стороны, цена уменьшается обратно пропорционально росту числа пользователей, с другой – динамика цен отстает от скорости увеличения мощности и разнообразия услуг, предоставляемых новыми изделиями.

Как *субъекты* цифровизации компании вполне удовлетворяют свои частные интересы. У государства при этом формируются новая ответственность и новые обязанности: как направить развитие цифровизации для обеспечения устойчивого экономического роста и одновременно для защиты частных интересов людей и улучшения качества жизни. Как *объект* цифровизации частный сектор любой национальной экономики стремится сохранить и расширить свой бизнес, устоять в конкуренции, перехватить инициативу в применении современных технологий. Природа бизнеса остается прежней, однако условия для бизнеса меняются.

Во-первых, в структуре воспроизводства между фазами производства, распределения, обмена и потребления формируется цифровая среда, которая сильно влияет на каждую фазу.

Во-вторых, под влиянием цифровизации усиливается взаимосвязь между производством товаров и услуг.

В-третьих, в сфере потребления происходят существенные изменения, ведущие к широкому применению он-лайн ресурсов, сокращающих до минимума разрыв между производителем, продавцом и потребителем. Благодаря таким ресурсам потребитель имеет широкий выбор необходимых ему товаров и услуг.

Подобные изменения мало влияют на платежеспособность потребителей. Поэтому коренная проблема *реализации* товаров и услуг с помощью цифровизации не исчезает.

В рыночной экономике все имеет свою цену. Поскольку все затраты бизнеса на товары и услуги в конечном счете покрываются за счет потребителей, важно оценить, во что обходится населению цифровая трансформация. Проще всего это определить в денежном выражении. Вместе с тем цена цифровизации имеет социальную и экономическую составляющие.

Социальный аспект связан с характером и структурой занятости, динамикой доходов населения. Эксперты Всемирного экономического форума отмечают, что в цифровом мире возникают неотложные задачи:

- облегчить справедливое распределение новых благ;
- контролировать негативные последствия и риски;
- гарантировать развитие в интересах и под контролем человека [14, с. 24–25].

В странах с развитой экономикой большинство новых рабочих мест занимают фрилансеры, временные сотрудники, работники с частичной занятостью. Такая занятость получила название гигномики. В ней пока нет тех законодательных гарантий и социальных преимуществ, которые имеют штатные сотрудники компаний и государственных учреждений [14, с. 38]. Социальная цена цифровизации настораживает немало людей, создавая новые причины для напряженности в обществе.

Экономическая сторона процесса характеризует коренные черты современного развития. Вырабатывается измерительный механизм влияния цифровизации. Выявляется степень ее влияния на производительность труда в отдельных отраслях и в экономике в целом. Нарастает динамика концентрации и монополизации в частном секторе, что часто выражается в росте числа слияний и поглощений. Разрабатывается новая концепция роли государства в экономике и обществе, когда общественные интересы требуют новых форм поддержки и защиты населения [15].

Внимательно рассмотрев цифровизацию и экономическое развитие с позиции частных и общественных интересов, можно определить дальнейшую дифференциацию частных интересов в сторону максимизации роли частных интересов крупного бизнеса и роста значимости общественных интересов как выразителей прогресса и защитников интересов большинства людей.

Выводы

Взаимодействие частных и общественных интересов в условиях цифровой трансформации выявило новую тенденцию: *развитие цифровизации и сетевого пространства, поглощающего индивидов, бизнес, общество, государство, усиливает взаимозависимость людей и всех субъектов. Данный процесс обрекает любого выпадающего из него на «отключение» от благ цивилизации.*

В XXI в. возник новый феномен. В современном обществе *формируется новый уровень обобществления, основанного не столько на развитии совместного производства, сколько на углублении и расширении совместных коммуникаций, которые диктуют соответствующие общественные ценности.*

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Государство и революция / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №1 (59). – С. 9–16.
2. Аптекман, А. Цифровая Россия: новая реальность / А. Аптекман [и др.]. – М.: Digital/McKinsey. – 2017. – Июль. – 133 с.
3. Пороховский, А. А. Злоупотребление частными интересами / А. А. Пороховский // Мир перемен: спец. выпуск. – 2015. – С. 86–90.
4. Российский статистический ежегодник: 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 694 с.
5. World Economic Outlook (Growth Showdown, Precarious Recovery). – 2019. – April. – Washington, D.C., IMF, 2019. – 216 p.
6. Кульков, В. М. Национальная спецификация экономических систем / В. М. Кульков // Вестник Московского университета. – Серия 6. Экономика. – 2014. – №4. – С. 56–70.
7. Пороховский, А. А. Большой бизнес в США: динамика и сферы влияния / А. А. Пороховский, В. С. Фомина // США&Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – №10. – С. 5–21.
8. Теняков, И. М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество / И. М. Теняков. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова., 2015. – 176 с.
9. Маркс, К. Капитал. – Т1. / К. Маркс, Ф. Энгельс: собр. соч. – 2-е изд. – Т. 23. – М.: ИПЛ., 1962. – С. 476–480.
10. Пороховский, А. А. Обработывающая промышленность в сервисной экономике / А. А. Пороховский // США&Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – №6 (582). – С. 23–40.
11. Леонард, Г. Технологии против человека / Г. Леонард; пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
12. OECD (2017) Government at Glance 2017, OECD Publishing, Paris. – 282 p.
13. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб; пер. с англ. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 208 с.
14. Шваб, К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.
15. Bits and Bolts: The Digital transformation and manufacturing / M. Bajqar [at all.] // OECD Working Papers 2019/01. – 43 p.

A. A. Porokhovsky. Private and public interests as development factors under digitization. Russia's economic development is of concern to both scientists and politicians, as well as ordinary people. There are a lot of factors and reasons that inhibit economic growth, as well as the dynamics of labor productivity. The fourth industrial revolution so far has little effect on the country's economy. Digitalization is capturing more and more industries and fields. But there is no harmony of private and public interests. Moreover, the dominance of private interests of large companies is holding back innovations. Requires perfection of rules of the game established by the state. Without an optimal combination of the role of private and public interests, it is impossible to ensure a breakthrough in the development of Russia.

Keywords: economic development, digitalization, private interests, public interests, labor productivity, rules of the game.

В. Т. Рязанов¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Рассматриваются природа, возможности и формы проявления технологического детерминизма в экономике. Отмечается, что в хозяйственной практике он проявляется в виде растущей технологичности производства и в утверждении инновационной модели экономического развития. Анализируются причины невысокой эффективности новой технологической революции на современном этапе. Особое внимание уделяется роли сложившихся экономических отношений и модели финансового капитализма, которые не позволяют реализовать ее потенциал в сфере экономики.

Ключевые слова: технологический детерминизм, промышленная революция, исследования и разработки, патенты, производительность труда, цифровые технологии.

УДК 330.352

Для экономистов традиционным является представление об определяющей роли НТП в экономическом развитии. Начиная с первой промышленной революции (ее символом стало изобретение знаменитой прялки «Дженни» в 1764 г.) технико-технологические нововведения не только видоизменяли облик производства и перенастраивали структуру занятости, но и выступали важнейшими факторами поддержки роста экономики и социального переустройства общества, а в период кризисов выполняли спасительную миссию для капитала. На этой основе в экономической теории и хозяйственной практике ведущая роль технико-технологических изменений в экономике приобрела значение *технологического детерминизма*. Для него характерны вера в неограниченные возможности науки и техники, а также безмерный оптимизм по поводу последствий их внедрения и недооценка возрастающих рисков.

Технологический детерминизм далеко не сразу и не без проблем занял свое место в теории и хозяйственной практике. Его становлению предшествовало появление массового движения луддитов в Англии в начале XIX в., которые видели в машинах угрозу потери рабочих мест, а следовательно, потерю средств к существованию. Через порчу машин они выражали свой протест. Чтобы преодолеть сопротивление работников внедрению машин, была даже введена смертная казнь за их разрушение.

Самым наглядным подтверждением действия технологического детерминизма является ключевая роль технологических и технических усовершенствований, а также повышения квалификации работников в обеспечении роста производительности труда. Благодаря действию этих факторов экономика по мере исчерпания возможностей экстенсивного роста трансформировалась в модель интенсивного роста.

¹ Виктор Тимофеевич Рязанов, зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

Влияние технологического детерминизма в экономике и в жизни общества проявляется в следующих основных формах:

- преодоление узости рынка и его расширение за счет возможности создания новых продуктов и новых рынков, что достигается при условии соответствующего перетока свободного капитала;
- структурное преобразование экономики, если норма прибыли в новых (передовых) отраслях окажется привлекательной для бизнеса;
- расширение вариантов в создании прибыли и новые способы эксплуатации наемного труда;
- опережающее использование в сфере военных технологий как предпосылка суверенитета и доминирования в мире.

Благодаря научно-техническому прогрессу обеспечивается структурное преобразование экономики, определяются направления углубления разделения труда и появляются новые формы занятости. Вместе с тем капитализм по своей природе не может в процессе инновационного развития не обновлять способы получения прибыли, многие из которых рождаются из новых форм эксплуатации наемного труда за счет комбинирования производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

Особого внимания заслуживает практика опережающего использования научных открытий и технологий в военной области. Можно привести массу примеров о том, как такого рода новации внедрялись в гражданскую сферу после их первоначального применения в военной сфере. Достаточно сослаться на распространение интернета и мобильной связи, которые изначально создавались для улучшения оперативного обслуживания многочисленных военных баз США, разбросанных по всему миру. Современные технологии также в первую очередь находят применение в военной области. Учитывая современное обострение борьбы за лидерство и передел рынков, которое проявляется в начавшихся валютно-торговых и санкционных войнах, это неудивительно. Поэтому наиболее успешно реализуются новые научно-технологические решения при создании высокоточного оружия с использованием элементов искусственного интеллекта (ИИ) в безлюдных типах вооружений, в их разработке на основе новых физических принципов. Ведь наличный военный потенциал приобретает значение одного из самых весомых аргументов в борьбе за лидерство в становлении нового мирохозяйственного центра накопления капитала.

Реализация технологического детерминизма в хозяйственной практике приводит к двум важнейшим последствиям. Во-первых, это действие тенденции повышения технического строения капитала, что проявляется в нарастающей *технологичности* производства и самой социально-хозяйственной жизни. Причем в кризисные периоды вывод устаревшего капитала и его обновление на новой технологической основе выступает проверенным способом преодоления регулярно возникающих кризисов. Вот почему с каждым последующим этапом мир становился все более технологичным, и процесс продолжается. Технологии будут все активнее вмешиваться и доминировать во все новых сферах деятельности человека, что актуализирует задачу своевременного определения разумных этических, социальных и экологических границ их экспансии.

Во-вторых, это утверждение *инновационной* модели экономического развития применительно ко всему народнохозяйственному комплексу и к отдельным фирмам. Именно с высокой инновационной активностью увязывается возможность обеспечения соответствующего уровня конкурентоспособности, поскольку благодаря ей компании получают возможность сохранить и даже усилить свои позиции на рынке, добивая-

ясь более высоких прибылей. Причем она далеко не во всех случаях сопровождается технологическими прорывами, она может преследовать более прозаические цели.

С одной стороны, важность инноваций для экономики определяется потребностью в создании более благоприятных условий для развития общественного производства с учетом роста потребностей людей и одновременно реализации их творческого потенциала в производственной деятельности. Поэтому важнейшим фактором экономического развития выступает НТП, в рамках которого в значительной степени реализуется инновационный потенциал экономики. С другой стороны, инновационность в экономике служит для реализации заинтересованности капитала в наращивании прибылей. Ему нужны новые товары, чтобы зарабатывать, а для этого нужен спрос, который создается через его целенаправленное формирование. Отсюда и массированное внедрение экспансионистской модели потребления, которое становится магистральным направлением форматирования экономического поведения в капиталистическом обществе через агрессивный маркетинг. Далеко не все инновации являются благом, и немалое их количество превращается в антиблага, когда создаются ненужные, избыточные и просто вредные нововведения – это общепризнанный факт. Нередко новации, первоначально улучшающие жизнедеятельность людей, постепенно обрастают издержками и негативными проявлениями. Самый яркий пример – нынешнее состояние интернета с расширяющимся потенциалом манипулирования сознанием людей, растущим мошенничеством, хищениями и т. п.

При всей важности технико-технологического фактора в экономике не следует абсолютизировать его роль и только с ней связывать перемены в сфере производства. Поэтому главное, чтобы технологический детерминизм не превратился в технологический фетишизм. Далеко не все, что происходило и происходит в экономике, можно объяснить только с позиции его действия. Он не дает убедительного ответа на ряд вопросов, например: почему Китай, который, имея достаточное количество технико-технологических предпосылок, не стал родиной промышленного переворота и победы индустриального капитализма? Почему последний первоначально сложился в странах Западной Европы, которые на первом этапе не являлись технологическими лидерами и заимствовали технологические нововведения с Востока?

Или, почему высокий уровень развития производительных сил и соответственно самой экономики, достигнутый в Древнем Риме, был утрачен в процессе феодальной трансформации и для его восстановления потребовалось не одно столетие? Не менее значим и пример с советской экономикой. Ее демонтаж на основе капитализации экономических отношений привел не к более эффективному использованию накопленного научно-технического потенциала страны, а к его разрушению и примитивизации производительных сил.

Следовательно, надо иметь в виду, что возможности экономического развития всегда определяются действием множества факторов. Абсолютизация технологического детерминизма – пример однолинейной модели со всеми ее издержками. Технологии при всей их важности для экономики обязательно должны быть дополнены комплексом сопутствующих и обеспечивающих факторов – цивилизационных, институциональных и прочих. И только в такой системной оболочке технологии могут «выстрелить» в виде последующего экономического рывка. При этом в любом варианте для успеха исключительно важное значение приобретают растущий спрос, а также действие конкурентного механизма, сдерживание монополизма, использование государственного регулирования, т. е. создание благоприятной институциональной среды.

В оценке технологического детерминизма добавим еще одно существенное обстоятельство. Дело в том, что при реализации новых технологий обязательно надо учитывать не только ожидаемые выигрыши от их применения, но и неизбежные издержки и потери, особенно в сферах экологии и социального развития. Не следует исключать возможность превращения каких-то конкретных направлений НТП в вариант регресса, когда негативные последствия для человека, общества и природы от внедрения его результатов превысят потенциальные выгоды. Такие риски и угрозы со временем нарастают.

Отказ от абсолютизации действия принципа технологического детерминизма необходим для более точного осмысления его реализации в прошлом, но еще более это важно на современном этапе развития НТП. Для развертывания новой технологической революции требуется не только создание благоприятной среды, но и своевременное выявление неизбежных издержек и проблем.

Неудивительно, что сегодня именно с развертыванием новой промышленной революции связывается возможность преодоления нынешнего посткризисного тупика и выход в новую эру технико-экономического благополучия и процветания. Считается, что накопленный научно-технический задел в виде NBIC-технологий в состоянии обеспечить экономический рывок с выходом на траекторию среднегодового роста ВВП в 4...5 % в наиболее технологически продвинутых странах. По оценкам, только при использовании цифровых технологий в производстве можно нарастить производительность в годовом исчислении не менее чем на 2 %. Такие надежды подкреплены нарастающей интенсивностью НИОКР с их растущим финансированием (табл. 1).

Действительно, за анализируемый период инвестиции в эту сферу ведущих стран мира (ОЭСР) увеличились в 2,2 раза и достигли номинального объема в 1357,7 млрд долларов (2,37 % от ВВП этих стран). В международное соревнование на рынке инновационных продуктов активно включился Китай, что подтверждается опережающим ростом затрат на проведение исследований и разработок. За 2000–2017 гг. эти затраты возросли в 15 раз! По их объему Китай вышел на второе место в мире. В целом, на долю ОЭСР и Китая приходится свыше 80 % от всех мировых затрат на НИОКР, а их значение приближается к 2,5 % от ВВП и продолжает расти.

Таблица 1

Валовые внутренние расходы на НИОКР (млрд долл. по ППС, в % к ВВП)*

Страна	2000 г., млрд долл.	2000 г., % к ВВП	2017 г., млрд долл.	2017 г., % к ВВП
ОЭСР	615,9	2,12	1357,7	2,37
ЕС (28):	183,2	1,67	427,7	1,96
Великобритания	25,1	1,63	49,3	1,66
Германия	53,7	2,39	131,2	3,02
Франция	33,2	2,09	64,7	2,19
США	269,5	2,63	543,2	2,79
Япония	98,9	2,91	170,9	3,2
Китай	33,1	0,89	496,0	2,13
Россия	10,5	0,98	41,9	1,11

* Источник: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_Pub

Какова отдача от столь масштабных финансовых вливаний в новый технологический разворот? С одной стороны, наблюдается стремительный рост зарегистрированных патентов, т. е. разработок, готовых к применению по основным направлениям научно-технологического прорыва. Так, в период 2000–2017 гг. количество действующих патентов в области нанотехнологий увеличилось в 17 раз, в области биотехнологий и здравоохранения – почти в 3 раза, в области компьютерно-информационных технологий – в 4 раза².

Подчеркнем, что в 2017 г. подавляющая доля патентов по этим трем направлениям (от 50 до 65 %) контролировалась примерно поровну США и Китаем. Причем Китай за последние 7 лет более чем в 3 раза повысил количество зарегистрированных патентов, значительно увеличив свою долю в мировой интеллектуальной собственности. Сегодня уже нельзя связывать экономический успех Китая с хищением чужих технологий. Эта страна все уверенней превращается в мирового технологического лидера.

С другой стороны, складывается парадоксальная ситуация: новые технологии распространяются все активнее, а темпы роста производительности труда падают, особенно в ведущих экономических державах – главных проводниках научно-технологических изменений. Тенденция затухания темпов роста производительности труда действует для всей группы стран ОЭСР (табл. 2).

Более полные данные по США убедительно подтверждают такую ситуацию. Так, среднегодовой рост часовой производительности труда в стране в период 1947–1973 гг. составлял 2,8 %, т. е. в 7 раз выше, чем в последний 8-летний период. В целом, в период с 1947 по 2018 г. производительность повышалась в среднем на 2,1 %.

Означает ли это угасание стимулирующего потенциала техносферы для современной капиталистической экономики или это временный эпизод, предвещающий грядущее наступление нового технологического прорыва в экономике?

Таблица 2

**Среднегодовые темпы роста производительности труда
(за один человеко-час)***

Страна	2000 г. к 1990 г.	2010 г. к 2000 г.	2017 г. к 2010 г.
ОЭСР	...	1,5	0,7
G7	2,3	1,6	0,6
ЕС (28):	...	1,2	0,9
Германия	3,4	1,1	0,6
Франция	2,0	0,9	0,7
Великобритания	3,1	1,5	0,2
США	1,9	2,4	0,4
Япония	2,0	1,2	0,7
Россия	0,1	5,0	0,6

* Рассчитано по: www.oecd-library.org

² Источник данных: WIPO IP Statistics Data Center.

Аналитические центры и многие ученые пытаются разобраться с причинами низкой эффективности результатов НИОКР в производстве. Их набор примерно таков:

- непреодоленные последствия мирового кризиса и действие инерции;
- задержка в получении отдачи от новых технологий, глобальных по своей природе, из-за сложности их распространения в мирохозяйственном пространстве;
- высокая капиталоемкость информационно-коммуникационных технологий на этапе становления, что сдерживает их широкое распространение в экономике;
- потребность в рекомпозиции институтов для обеспечения широкого внедрения новых технологий в хозяйственную практику;
- обострение глобальной конкуренции, передел рынков и борьба за лидерство.

Выделенные причины, конечно, объясняют торможение технико-технологического разворота экономики, подтверждая циклическую природу развития НТП. Но ими нельзя ограничиться. В этой связи уместно вспомнить К. Маркса с его законом соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Речь идет о роли производственных отношений, которые могут как стимулировать, так и препятствовать общему прогрессу производительных сил, одновременно способствуя или мешая продвижению конкретных направлений технико-технологических нововведений. Ведь упомянутый общий закон имеет и обратное действие. Сейчас именно такая ситуация сложилась в системе капиталистических производственных отношений с характерным для нее доминированием спекулятивно-финансовой модели, что и стало внутренним препятствием в продвижении новой технологической революции.

Почему именно в характеристике существующей системы экономических отношений следует видеть преграду разворачиванию научно-технологической революции и что конкретно этому процессу противодействует?

Прежде всего отметим, что на данном этапе дал сбой ранее успешно действовавший механизм запуска новых технологий. Он опирался на переток значительной части освободившегося из-за кризиса капитала в сфере финансов в сферу формирования нового технологического уклада. Но для этого он должен иметь либо высокую изначальную прибыльность, либо компенсирующие затраты на первоначальное внедрение и массовое распространение новых технологий и их продуктов, формируя новые рынки и перестраивая экономику. Этого не произошло. Тормозящим фактором остается доминирование спекулятивно-финансовой хозяйственной деятельности – на данный момент главной сферы высокой прибыльности вложения капитала в цифровые финансовые технологии. Необходимо учитывать, что высокую скорость движения денежного капитала можно обеспечить значительно быстрее и менее затратно, чем добиться этого за счет скорости и масштабности движения реального капитала, т. е. на основе организации и отладки производства материальных благ. Поэтому высвободившийся финансовый капитал в период последнего кризисного обвала в своей основной массе не устремился в сферу разработки и внедрения технико-технологических инноваций. Колоссальные денежные средства, брошенные на борьбу с кризисом, в конечном счете ушли на те же финансовые рынки, которые вновь превратились в источники «спекулятивных пузырей».

Заключение

Цифровые технологии как ведущее направление в новой промышленной революции наиболее эффективно и реализуются именно в финансовой сфере. Ведь сами по

себе деньги и денежный капитал – это наиболее простое и естественное выражение природы самой цифры и ее бытия. И только трансформируясь в компьютерные операционные программы, позволяющие с высокой скоростью обрабатывать, хранить и использовать в практической деятельности огромный объем данных неограниченной сложности, они приобретает потенциальную способность преобразовать производство, его управление и логистику на совершенно новых и революционных принципах. Тогда глобальный мир экономики может стать единым и регулируемым целым, обеспечивающим рациональное функционирование и устраняющим дисбалансы в экономике, экологии и социальном развитии. Весь вопрос в том, в какой системе экономических отношений будет разворачиваться новая технологическая революция. Будет ли она подчиняться интересам извлечения прибыли или возобладают иные интересы и цели и появятся новые действующие лица?

V. T. Ryazanov. Technological determinism and economic development: what is next? The article describes the nature, opportunities and forms of technological determinism in the economy. It is noted that in business practice, it manifests itself in the form of increasing technology production and approval of the innovative model of economic development. Analyses the causes of low efficiency of the new technological revolution at the present stage. Particular attention is drawn to the role of the current economic relations and model of financial capitalism, which does not allow to realize its potential in the economic sphere.

Keywords: technological determinism, the industrial revolution, research and development, patents, employee productivity, digital technology.

*И. И. Елисеева*¹

ЧТО ПРОИСХОДИТ С РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ?

В 2011 г. отмечалось 200-летие начала институционального становления российской государственной статистики. В течение всего этого периода статус официальной статистики и ее роль в российском обществе не были стабильными. Но всегда статистика оказывалась в центре внимания на поворотных точках истории. В последние годы в связи с необходимостью выполнения указов Президента РФ 2006, 2012 и 2018 гг. появилась критика государственной статистики. В настоящее время усилия сконцентрированы на приоритетных показателях статистики: заработной плате, денежных доходах населения, измерении уровня бедности. Обсуждается откорректированная методология расчета среднедушевых денежных доходов на основе баланса денежных доходов и расходов населения, рассматриваются проблемы сопоставимости оценки среднедушевых доходов на основе баланса и на основе выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств.

Ключевые слова: денежные доходы, методология, государственная статистика, выборочные обследования, баланс денежных доходов и расходов.

УДК 330.352

Статистика вызывает разнообразные ассоциации, начиная с высказывания, приписываемого Б. Дизраэли, лорду Биконсфилду (1804–1881): «есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика», которое, на наш взгляд, не порочит статистику, а подчеркивает ее могущество, и кончая сравнениями статистики со штурвалом или компасом, без которых бурное море может поглотить корабль экономики, использованными нашим соотечественником В. В. Леонтьевым (1905–1999) [8]. С усложнением экономики и углублением внешнеэкономических связей, требования к официальной статистике постоянно растут. К тому же добавляется увеличение источников данных, всеохватывающая цифровизация экономики [2].

В 2011 г. отмечалось 200-летие начала институционального становления российской государственной статистики [5]. В течение всего этого периода статус официальной статистики и ее роль в российском обществе не были стабильными. Но всегда статистика оказывалась в центре внимания на поворотных точках истории. Так было в Петровскую эпоху, когда были учреждены 12 коллегий, Сенат и Священный Синод, а затем и Петербургская Академия наук, ознаменовавшие появление интереса власти к собиранию всесторонних и достоверных показателей. Так было и в эпоху Екатерины Великой, когда для распространения лучших практик было создано Вольное экономическое общество (1765 г.); для познания России снаряжались экспедиции, проводились масш-

¹ *Ирина Ильинична Елисеева*, зав. кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор.

табные учетно-статистические работы («Генеральная опись Малороссии» (1765–1767), «Генеральное межевание» (1765–1799)); по линии Академии наук распространялись анкеты для сбора сведений об экономике губерний, подготовленные М. В. Ломоносовым, Ф. И. Миллером и др. [10]. Напомним роль статистики и статистиков (А. Г. Троицкого, Н. А. Милютин, П. П. Семенова и многих других) в подготовке «Крестьянской реформы» 1861 г. [3, 6]. Составление земельных кадастров как основы оценки земли, проводимое Центральным статистическим комитетом (при участии земских статистиков) и Министерством государственных имуществ, дало толчок развитию рынков земли и недвижимости.

К началу XX в. в стране действовали службы государственной статистики Российской империи (под эгидой МВД), включавшие Центральный статистический комитет, губернские статистические комитеты, уездные бюро статистики. В Европейской части России сложилась система земской статистики, заслуги которой получили общее признание [12]. Бурный рост промышленности и торговли привел к возникновению отраслевых объединений промышленников и предпринимателей. Это Совет съездов льнопроизводителей, Совет съездов горнопромышленников Юга России, Совет съездов горнопромышленников Урала, Совет съездов Бакинских нефтепромышленников, Всероссийское общество сахарозаводчиков, Всероссийский Совет съездов представителей промышленности и торговли и т. д. Каждый из советов съездов имел регулярную и весьма детальную статистику объемов деятельности и цен по хозяйственным единицам и рынкам продаж [10]. Ко всем отмеченным институциям следует добавить академическое сообщество: профессоров Московского университета (И. И. Янжула, А. И. Чупрова, Н. А. Каблукова и др.), профессоров Санкт-Петербургского университета (Ю. Э. Янсона, И. И. Кауфмана и др.), а также созданного в самом начале XX в. высшего учебного заведения «нового типа» – Петербургского политехнического института Петра Великого (А. С. Посникова, А. А. Чупрова, Л. Н. Маресса, В. Э. Дена, П. Б. Струве и др.), экономистов «киевской школы» (Н. Х. Бунге, Е. Е. Слуцкого и др.) и многих других ученых, занимавшихся статистической методологией сбора и обработки данных, принимавших участие в научных дискуссиях о точности статистических данных и характере выявляемых ими закономерностей [11]. Поднявшаяся на этих «дрожжах» статистика Российской империи довольно скоро была признана стоящей вровень со статистикой европейских стран и даже «одной из лучших» [7].

В первый период Советской власти (до 1927 г.) положение статистики оставалось весьма прочным, несмотря на сложности формирования нового аппарата государственной статистики [4]. Перелом наступил в 1927–1929 гг., когда статистика за свою независимость и объективность стала подвергаться давлению и, наконец, статистические службы были подчинены плановым органам и партаппарату [4].

Постепенное возрождение отечественной статистики началось в период «хрущевской оттепели», однако критический анализ достоверности официальных статистических данных не был сделан. Это произошло только в период перестройки, гласности и курса на рыночные реформы. Статья Г. Ханина и В. Селюнина «Лукавые цифры» произвела сильное впечатление и породила массу откликов [13, 14]. Статистика вновь оказалась в фокусе интересов общества. Это способствовало ревизии советской статистики, внедрению международных стандартов в работу государственной статистики России, созданию службы регистрации цен, расчету индекса потребительских цен на регулярной основе в разрезе субъектов РФ, внедрению системы национального счетоводства.

Современность

В последние годы в связи с необходимостью выполнения указов Президента РФ 2006, 2012 и 2018 гг. появилась критика государственной статистики, которая привела вначале к замене В. Л. Соколина как руководителя Росстата А. Е. Суриновым (2009 г.), а затем – к передаче руководства Росстатом П. В. Малкову (декабрь 2018, в условиях подчинения Росстата Минэкономразвитию). Новый руководитель сконцентрировал усилия на приоритетных показателях статистики: заработной плате, денежных доходах населения и измерении уровня бедности. Как известно, денежные доходы населения резко сократились с 1992 г. в связи с длительным макроэкономическим спадом (в 1997 г. ВВП в сопоставимых ценах составлял 64 % от показателя 1991 г.) и кризисом неплатежей по заработной плате. Финансово-экономический кризис в августе 1998 г. прервал возможности роста доходов населения, который возобновился с улучшением макроэкономической ситуации, начиная с 2000 г. Рост доходов сопровождался усилением неравенства в доходах. В период 1995–2011 гг. среднегодовой рост коэффициента Джини составлял 0,0026 (при значении $G > 0,4$), среднегодовой темп прироста коэффициента фондов за тот же период был равен 1,15 %. Характерно, что в 2003–2005 гг. доля заработной платы в доходах населения сокращалась при росте доли доходов от предпринимательской деятельности и от собственности. Впоследствии эта тенденция сменилась стабилизацией доли заработной платы и ростом социальных выплат (табл. 1).

В целом зависимость населения от работодателей и государства возросла [3]. Рост доходов населения замедлился: доля лиц со среднемесячными доходами 50 тыс. рублей и более в 2014 г. составляла 12,6 %, а в 2016 г. – 16,1 %.

Социальные обследования Росстата

В последние годы Росстат существенно усилил проведение обследований по разным аспектам жизни населения, включая выяснение репродуктивных установок.

Начиная с 2011 г. проведено 24 тематических обследования с различной периодичностью, из которых 20 наблюдений – это повторные раунды. За это время статистики собрали обширную информацию, характеризующую условия жизни населения в различных аспектах; накоплен богатейший материал для принятия государственных решений. Работа на федеральном и региональном уровнях приобрела колоссальный

Таблица 1

Структура доходов населения РФ, %

Структура доходов	2000 г.	2017 г.
Оплата труда, включая скрытую зарплату	62,9	65,4
Доходы от предпринимательской деятельности	15,2	7,6
Социальные выплаты	13,9	19,6
Доходы от собственности	6,8	5,4
Другие доходы	1,2	2,0

Источник: составлено по www.gks.ru

размах: объемы выборок составляют от 15 до 160 тыс. домохозяйств по каждому конкретному обследованию, что позволяет получать полноценную и достоверную информацию не только по России, но и по субъектам Федерации.

Особое место в системе статистических наблюдений занимает ежегодное обследование доходов населения и участия в социальных программах. Его итоги позволяют оценить источники доходов домашних хозяйств, в том числе доход от самостоятельной занятости. Выявленные различия в уровне доходов характеризуют дифференциацию семей в зависимости от их материального благополучия, что проявляется в качестве питания, получении услуг в социальных сферах, в обеспечении предметами длительного пользования, организации отдыха и т. д. Результаты обследования позволяют оценить эффективность адресной социальной помощи, проведения социальной политики в отношении нуждающихся категорий – семей с несовершеннолетними детьми, малоимущих граждан и инвалидов.

По итогам четырех раундов комплексного обследования условий жизни населения накоплен значительный объем информации о фактических условиях жизнедеятельности российских семей и их потребностях в безопасной и благоприятной среде обитания, повышении трудовой, профессиональной и социальной мобильности, улучшении жилищных условий и использовании свободного времени.

В настоящее время информация выборочных наблюдений используется довольно скупой и преимущественно на федеральном уровне. Несмотря на открытость и доступность, эти разнообразные данные недостаточно востребованы пользователями. Учитывая необходимость решения стратегических задач повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для проживания, которые определены в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 г. № 204), полагаем, что эти материалы должны быть включены в оборот широкого круга пользователей для совершенствования управления на федеральном и региональном уровнях, а также в исследовательских целях.

Проблемы методологии измерения денежных доходов населения

Повышение уровня жизни населения Российской Федерации и снижение уровня бедности выдвигается в качестве одного из общенациональных приоритетов на ближайшую перспективу. Если в 1992 г. за чертой бедности находилось 33,5 % населения РФ, то в 2004 г. – 17,8 %. Успехи несомненны, но задачи, поставленные Президентом РФ, включают сокращение уровня бедности к 2024 г. в два раза. Приоритеты социальной политики всесторонне освещены А. Г. Аганбегяном [1].

Как любой статистический измеритель, показатель уровня бедности не может быть абсолютно точным. Его корректность зависит от результатов расчета денежных доходов населения и стоимости минимальной потребительской корзины, характеризующей прожиточный минимум (ПМ). Методика расчета денежных доходов и ПМ периодически изменяется, что вносит определенную условность, особенно в динамические сопоставления. Для административного управления регионами имеют значение соотношения среднедушевых денежных доходов со средней заработной платой, со средней величиной социальных выплат, с величиной прожиточного минимума. Оценка уровня жизни населения в субъектах Российской Федерации, их ранжирование по важнейшим показателям играют важную роль при формировании социальной политики и определении перспектив развития регионов.

Измерение уровня жизни населения входит в круг задач, решаемых органами государственной статистики. Однако официальная методика в настоящее время не позволяет дать адекватную характеристику уровня жизни по регионам в силу недостатков общеметодологического характера и недоучета особенностей формирования показателей на уровне регионов. Недостатки методологии особенно существенно сказываются в регионах, которые по своему географическому или экономическому положению существенно отличаются от других территорий.

К таким регионам относится, например, Ленинградская область, экономика которой тесно связана с экономикой Санкт-Петербурга, что существенно влияет на показатели уровня жизни. Даже предварительное знакомство со статистическими данными свидетельствует о несоответствии основных экономических и социальных показателей Ленинградской области. Так, в 1999–2003 гг. среднегодовой темп прироста ВРП в Ленинградской области составил 13,2 %, тогда как в Санкт-Петербурге – только 9,5 %. На одного жителя Петербурга приходилось 133 доллара прямых иностранных инвестиций, накопленных за 2000–2004 гг., а на одного жителя области – 485 долларов. При этом в 2003 г. среднедушевые денежные доходы в Петербурге были выше, чем в области, почти в 2,3 раза. Это позволяет сделать вывод о серьезных просчетах в методике расчета показателей уровня жизни и о необходимости разработки альтернативной методики.

Об этом же свидетельствуют колебания мест, занимаемых Ленинградской областью по различным показателям среди субъектов РФ. То же самое проявляется в рангах другого приграничного региона СЗФО – Калининградской области (табл. 2).

Налицо рассогласованность позиций регионов по разным показателям. Основным показателем, по которому оценивается уровень жизни населения региона, является среднедушевой денежный доход. Этот показатель определяется на основе нескольких источников информации:

- макроэкономическом, который ориентирован на оценку роли населения как части социально-экономической системы, играющей особую роль в процессе воспроизводства ВВП;
- микроэкономическом, который связан с исследованием процессов формирования, распределения, перераспределения и использования доходов на уровне отдельных домохозяйств или их групп.

Таблица 2

Ранги двух регионов СЗФО среди субъектов РФ в 2017 г.

Субъект РФ	Среднедушевой доход	Число автомобилей на 1000 населения (по данным МВД России, 2017 г.)	Потребление мяса, мясопродуктов, молока на душу населения	Инвестиции на душу населения
Калининградская область	37	6	32	20
Ленинградская область	31	27	21	10

Источник: gks.ru/Регионы России. 2017.

Эти два подхода дополняют друг друга в анализе социально-экономического положения, так как при неоднородности населения необходимо использование стратификации – дробления совокупности на элементы или классы элементов.

Основными источниками информации о доходах и расходах населения, соответствующими этим подходам, в российской статистике выступают Баланс денежных доходов и расходов населения (БДДРН) и выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ). С помощью БДДРН определяются общий объем и структура денежных доходов и расходов населения, исчисляются реальные и номинальные доходы и покупательная способность населения, осуществляются другие экономические расчеты на федеральном и региональном уровнях. Баланс дает возможность проанализировать основные показатели доходов и расходов населения при группировке по источникам получения средств и направлениям их использования.

Баланс денежных доходов и расходов населения имеет ряд специфических особенностей, которые нельзя упускать из виду при анализе полученных на его основе результатов:

1. Баланс опирается на документы и статистическую отчетность, а не на опросы населения или специальные исследования организаций. Это способствует достоверности результатов, но только, если не искажаются сами документы и если они охватывают все денежные потоки.

2. В балансе делается попытка определить косвенным путем (через расходы населения) скрываемые доходы.

3. Баланс позволяет учитывать структуру доходов, расходов и сбережений лишь для населения в целом. С его помощью нельзя изучать дифференциацию доходов отдельных групп населения.

4. Баланс исходит из определения доходов, существенно отличающегося от того, который используется в системе национальных счетов.

5. Баланс, составленный для отдельных территорий, не учитывает, что деньги, заработанные в одном регионе, могут быть израсходованы в другом. Это может привести к тому, что величина доходов населения региона, полученная с помощью баланса, может существенно отличаться от действительной.

6. В балансе все поступления и расходы оцениваются в денежной форме, что приводит к дополнительным условностям.

Для субъектов Российской Федерации, находящихся вблизи крупных мегаполисов, например Москвы и Санкт-Петербурга, оторванность получения доходов и совершения крупных покупок от территории постоянного проживания представляет серьезную проблему. Часть респондентов, проживающих на территории Ленинградской области, работает в Санкт-Петербурге или других регионах страны, где получает доходы. Такие доходы поступают в доходную часть баланса соответствующих субъектов Российской Федерации и не учитываются в доходной части баланса по Ленинградской области. Кроме того, крупные и дорогостоящие покупки могут делаться населением Ленинградской области на территории Санкт-Петербурга, увеличивая расходную часть баланса города, что связано с большим разнообразием и лучшим качеством товаров или гарантийным обслуживанием. В результате преуменьшается расходная, а следовательно, и доходная часть БДДРН для прилежащих территорий.

Таким образом, БДДРН дает лишь приблизительную оценку денежных доходов населения, проживающего на территории субъекта Российской Федерации, не говоря уже о других его ранее отмеченных недостатках. В международной практике статисти-

ки давно отказались от показателей, формируемых на основе баланса денежных доходов и расходов. Рекомендуются переход к использованию результатов регулярных обследований домашних хозяйств и расчету показателей на основе СНС.

Перечисленные недостатки и ограничения БДДРН как макроэкономического инструмента изучения доходов населения подтверждают необходимость использования статистической информации об экономических параметрах домохозяйств, которые могут быть получены путем специализированных обследований их доходов, расходов и потребления. Главным источником информации об экономических характеристиках домохозяйств является регулярное обследование их бюджетов, обработка результатов которого позволяет определить размеры и структуру доходов, расходов и потребления различных слоев населения, рассчитать степень социальной стратификации и измерить бедность. В настоящее время выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) проводится во всех субъектах Российской Федерации и охватывает свыше 49 тыс. домохозяйств. Оно строится на принципе добровольного участия респондентов. В обследовании участвуют 33,5 тыс. городских домохозяйств и 15,2 тыс. сельских; кроме этого, обследуются домохозяйства в местах проживания коренных народов Севера. Обследование проводится непрерывно в течение календарного года. Итоги обследования разрабатываются ежеквартально и в целом за год.

Область изучения и распространения данных ОБДХ определяется целями:

- получения данных о распределении населения по уровню материального благосостояния (об уровне потребления, денежных расходах и условиях жизни различных социально-экономических групп населения);
- получения весовых показателей для расчета индекса потребительских цен;
- обеспечения данных для составления счетов сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов.

Данные, характеризующие денежные доходы населения, в том числе средняя заработная плата наемных работников, расходятся в зависимости от источника информации (БДДРН или ОБДХ). Оценки доходов населения, полученные с помощью баланса, как правило, значительно превышают аналогичные оценки, основанные на опросах населения. При этом могут различаться не только значения показателя среднедушевых доходов, но и его динамика.

Существенные расхождения абсолютных значений среднедушевых доходов, полученных на основе разных источников, можно объяснить: включением в БДДРН статей, не являющихся, по существу, доходами и расходами, а представляющих собой смену формы активов; включением в БДДРН теневых доходов населения на основе их косвенной оценки по расходам; недостатками в организации региональных выборок домохозяйств при обследовании бюджетов; несовершенством методики построения БДДРН в отношении денежных потоков между соседствующими регионами.

Устранить отмеченные недостатки БДДРН и повысить достоверность оценок денежных доходов населения позволяет межведомственное взаимодействие: использование Росстатом информации налоговой службы, что позволит определить размер доходов и число лиц, получающих доходы в одном регионе, а проживающих в другом.

Органами государственной статистики предпринимаются попытки определить уровень доходов и расходов населения за пределами региона постоянного проживания. В 2004 г. в квартальную форму №1 «Опросный лист для обследования бюджетов домашних хозяйств» (утверждена постановлением Федеральной службы государственной статистики от 11.06.04 №18) включен новый раздел «Расходы, понесенные на дру-

гих территориях (за пределами границ региона постоянного проживания)». В этом разделе учитываются:

- наличие работы (или другого доходного занятия) у членов домохозяйства за пределами территории постоянного проживания в течение последних трех месяцев с указанием территории, где находилось это место работы (доходного занятия);

- выезды членов домохозяйства за пределы территории постоянного проживания по причинам, не связанным с расположением места работы (поездки более двух недель): на отдых, в гости к знакомым или родственникам, на лечение, за покупками, деловая, профессиональная (служебная командировка), с прочей целью (включая поездки на дачу, садовый участок или в места для краткосрочного отдыха, расположенные в других регионах);

- по каждой состоявшейся поездке в пределах России указываются регион, время поездки, сумма денежных расходов из личных средств домохозяйства.

Таким образом, Росстат в течение ряда лет пытался приблизить программу обследования бюджетов домашних хозяйств к современным условиям формирования доходов и расходов населения, чтобы получить более точные оценки денежных доходов населения по регионам России. Тем не менее существующая методика измерения дает лишь приблизительную оценку денежных доходов населения, проживающего на территории субъекта Российской Федерации.

Разработка новой методики расчета денежных доходов населения

Новые методологические положения по расчету показателей денежных доходов и расходов населения были утверждены Росстатом как «новая» методика 20 ноября 2018 г. За основу была взята методология БДДРН с использованием следующих источников информации: статистика предприятий (данные об оплате труда, покупке товаров, оплате услуг); банковская статистика (данные о сбережениях во вкладах и ценных бумагах, задолженности по кредитам, процентах по депозитам и кредитам, оплате товаров и услуг за рубежом, изменении средств на счетах индивидуальных предпринимателей, остатке наличных денег у населения); административная статистика (данные Пенсионного фонда, Фонда социального страхования, Роструда, Казначейства, ФНС). Проведена дооценка доходов по ненаблюдаемому сектору экономики, прежде всего по потребительским расходам. В доходной части в показатель «оплата труда наемных работников» добавлены показатели «оплата труда работающих в организациях без оформления договоров», «оплата труда наемных работников у физических лиц, индивидуальных предпринимателей (включая фермерские хозяйства)», «оплата труда в иностранной валюте», «оплата труда иностранных работников». Был изменен порядок расчета показателя «доходы от предпринимательской и иной производственной деятельности»; включены доходы непосредственно самого индивидуального предпринимателя (без учета оплаты труда наемных работников). Добавлены показатели «доходы, полученные от сдачи в аренду жилья и иного имущества», «авторские вознаграждения», «вознаграждения директоров и иные вознаграждения, получаемые членами органов управления организации (совета директоров или иного подобного органа)». Статья доходной части «деньги, полученные по переводам» стала учитываться в составе статьи «прочие денежные поступления» с добавлением показателя «безвозмездные переводы из-за рубежа в пользу физических лиц-резидентов». Статья «доходы от продажи иностранной валюты» была исключена как не связанная с источником дохода, а отражающая лишь смену актива.

В расходной части в статью «покупка товаров» был добавлен показатель «расходы населения на покупку товаров вне торговой сети». В показатель «оплата услуг» были добавлены показатели «оплата посреднических услуг при совершении сделок по купле-продаже с недвижимостью», «оплата посреднических услуг при сдаче недвижимости в аренду», «арендная плата за жилье», «расходы на транспортные услуги, приобретенные у иностранных компаний». Показатель «объем платежей за товары (работы, услуги), произведенные за рубежом, с использованием банковских карт» был заменен на показатель «объем платежей за товары (работы, услуги) зарубежным поставщикам за безналичный и наличный расчет», рассчитываемый как сальдо денежных средств, израсходованных резидентами в поездках за пределы Российской Федерации, и аналогичных средств, израсходованных нерезидентами на территории Российской Федерации. В составе статьи учитывается также сальдо трансграничной интернет-торговли на величину покупок товаров для последующей перепродажи на территории Российской Федерации. Статья, которая раньше выделялась как «деньги, отосланные по переводам», в новой методике учитывается в составе статьи «прочие расходы» с добавлением показателя «безвозмездные переводы физических лиц-резидентов за рубеж».

Откорректирована также статья «прирост/уменьшение сбережений». В части рублевых счетов в действующих кредитных организациях изменения состоят в том, что к ним были добавлены аналогичные показатели, относящиеся к валютным счетам (с исключением курсовой переоценки вкладов (так называемой холдинговой прибыли), «изменения остатков собственных средств на счетах в банках за рубежом», «прирост/уменьшение средств, привлеченных (предоставленных) в форме кредитов и займов от иностранных контрагентов». Некоторые уточнения внесены в показатель «приобретение государственных и других ценных бумаг (включая векселя)». В статью «прирост/уменьшение наличных денег у населения» добавлен показатель «изменение наличных денег на руках у населения в иностранной валюте». Для обеспечения соответствия требованиям СНС в новой методике изменен порядок расчета показателя «расходы на покупку недвижимости»: исключены расходы на покупку недвижимости на вторичном рынке жилья; добавлен показатель «сальдо операций с инструментами участия в капитале и недвижимостью за рубежом». Откорректирован показатель «изменение задолженности по кредитам, предоставленным индивидуальным предпринимателям и физическим лицам действующими кредитными организациями в рублях и иностранной валюте». В новой методике исключены «расходы на покупку валюты». Внесены изменения в порядок расчета показателя «изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей».

Руководствуясь этими изменениями, Росстат произвел предварительные расчеты, позволившие увидеть, как изменения в методике сказываются на уровне и динамике показателей (табл. 3). При сопоставлении результатов по «старой» и «новой» методикам сравнивались показатели:

1. Объемы денежных доходов населения Российской Федерации, номинальные и реальные темпы, рассчитанные по «старой» и «новой» методологии, за 2013–2018 гг.

2. Показатели реальных и реальных располагаемых денежных доходов населения Российской Федерации.

3. Объемы располагаемых денежных доходов, рассчитанные по «новой» методологии, и располагаемых доходов домашних хозяйств, рассчитанные по Методологии СНС, за 2013–2017 гг.

Таблица 3

Денежные доходы населения Российской Федерации

Год	Денежные доходы, млн р.		Номинальный темп, %		Реальный темп, %	
	Методология					
	«старая» ¹	«новая» ²	«старая»	«новая»	«старая»	«новая»
2013	44 650 449	44 230 649	х	х	х	х
2014	47 920 650	47 309 223	107,3	107,0	99,5	99,2
2015	53 525 872	53 153 174	110,8	111,4	95,9	96,4
2016	53 991 047	54 325 250	100,9	102,2	94,3	95,5
2017	55 272 116	55 938 299	102,4	103,0	98,8	99,3
2018	57 456 462	58 162 890	104,0	104,0	101,0	101,1

¹ Методика расчета БДДРН от 16.07.96 № 61.

² Методологические положения по расчету показателей денежных доходов и расходов населения, утвержденные приказом Росстата от 2 июля 2014 № 465 с изменениями от 20.11.2018 г. №680.

4. Показатели реальных располагаемых денежных доходов населения по «новой» методологии и реальных располагаемых доходов домашних хозяйств по Методологии СНС за 2014–2017 гг.

5. Тренд показателей «Реальные располагаемые денежные доходы населения» (по «новой» методологии) и «Реальные располагаемые доходы домашних хозяйств» (Методологии СНС) за 2014–2017 гг.

Пробный расчет был проведен не только в целом по РФ, но и по субъектам Федерации по данным за 2016 г. Кроме того, были выполнены сопоставительные расчеты в поквартальном разрезе. Результаты оказались довольно близкими, при этом важно отметить сохранение тенденций изменения, что свидетельствует о достоверности статистических показателей. Конечно, переход на новую методику расчета денежных доходов населения не исключает дальнейшего совершенствования методологии с позиций межсекторного взаимодействия, значимого для более точного построения СНС.

Заключение

Результаты проведенного анализа официальных методик Росстата, используемых для оценки денежных доходов населения, подтвердили, что используемая ранее методика нуждается в совершенствовании. Попытки Росстата внести корректировки в уже опубликованные цифры были встречены негативно: в прессе появились статьи под заголовками типа «Росстат подбросил россиянам 1,75 триллиона. Обнародованы новые данные о доходах населения с 2013 года»² и т. п.

Проведенная Росстатом ревизия используемой методики определения денежных доходов населения подтвердила ее несоответствие мировой практике и необходимость совершенствования. В этой работе проявился «груз» периода трансформации, опреде-

² См.: РБК от 24 апреля 2019 г.

ленных компромиссов и допущений. Немаловажное влияние оказал уровень развития отечественной статистики, осваивающей опыт развитых стран и методические рекомендации международных статистических организаций. Еще один вывод состоит в необходимости возвращения аналитической работы в государственную статистику, в преодолении сформировавшегося в последнюю четверть века представления о статистике как «фабрике производства цифр». Такой подход не способствует повышению качества статистических показателей.

Анализ двух основных источников данных для определения денежных доходов населения – БДДРН и ОБДХ – позволил установить причины некорректности полученных данных. Показана уязвимость использования данных БДДРН для корректировки данных ОБДХ, которая особенно ярко проявляется в крупных городских агломерациях с постоянными потоками трудовой маятниковой миграции. В этом случае возникают «выпадающие» доходы и расходы – доходы и расходы нерезидентов, полученные и понесенные на территории другого субъекта РФ. Это приводит к занижению суммы денежных доходов и расходов территории-донора и завышению этих показателей для территории-реципиента.

Дефекты совмещения показателей БДДРН и ОБДХ проявляются и при получении распределения населения по среднедушевым денежным доходам. Как известно, публикуемые данные представляют собой результат моделирования на основе логарифмически нормального закона, для которого значение средней (математического ожидания) рассчитывается по данным БДДРН, а дисперсии – по данным ОБДХ. Выявленное смещение оценки среднедушевых денежных доходов по данным БДДРН приводит к смещению всего распределения, что сказывается на оценках уровня бедности [2]. Подчеркнем, что несмотря на оправданные методологические интервенции в показатели БДДРН, значение ОБДХ не снижается. Данные этого источника служат для измерения степени социального неравенства и выступают в качестве барометра социального здоровья.

Заметим, что критические замечания не умаляют значимости показателя среднедушевых денежных доходов, его роли в системе показателей уровня жизни населения. Изменения, внесенные в методику, как было показано, направлены на получение более адекватных оценок этого показателя; приближают его содержание к требованиям СНС в части адекватности отражения располагаемых доходов, а также межсекторных потоков. Имеющаяся информационная база позволяет формировать показатель денежных доходов населения, а также денежных расходов методом агрегирования отдельных компонентов и достигать статистического согласования этих агрегатов. Так что на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, ответ может быть только один: российская государственная статистика выполняет свою миссию и стремится делать это как можно лучше.

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. О приоритетах социальной политики / А. Г. Аганбегян. – М.: Издат. дом «Дело», 2018. – 512 с.
2. Бодрунов, С. Д. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учебно-метод. пособие / под общ. ред. С. Д. Бодрунова / С. Д. Бодрунов, Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Рос. экон. ун-т имени Г. В. Плеханова, 2017. – 143 с.

3. Декина, М. П. Статистическая оценка уровня оплаты труда в России / М. П. Декина // *Финансы и бизнес*. – 2018. – №1. – С. 28–53.
4. Елисеева, И. И. Очерки по истории государственной статистики России / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев. – СПб.: Росток, 2016. – 288 с.
5. Елисеева, И. И. История государственной статистики России. 1811–2011 / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – 143 с.
6. Елисеева, И. И. Правительственная статистика России в конце XIX–начале XX века: проблемы и реформы / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – Экономика. – 2019. – Т. 35, №1. – С. 113–152.
7. Елисеева, И. И. Начало международного признания российской государственной статистики / И. И. Елисеева, И. Н. Попова // *Вопросы статистики*. – 2013. – №8. – С. 80–85.
8. Леонтьев, В. В. Корабль государства, руль и парус: избранные статьи / В. В. Леонтьев // *Избранные произведения: т. 3.* / науч. ред. А. Г. Гранберг / *Избранные статьи*. – М.: Экономика, 2006. – С. 363–364.
9. Овчарова, Л. Н. Бедность и экономический рост / Л. Н. Овчарова // *Журнал исследований социальной политики*. – 2008. – Т. 6, №4. – С. 439–456.
10. Плошко, Б. Г. История статистики / Б. Г. Плошко, И. И. Елисеева. – М: Статистика, 1990. – 295 с.
11. Покровский, В. И. Влияние урожаев и хлебных цен на естественное движение населения / В. И. Покровский, А. И. Чупров, А. С. Посников // *Сборник: в 2 т.* / под ред. проф. А. И. Чупрова, А. С. Посникова. – СПб., 1897.
12. Свавицкий, Н. А. Опыт земских подворных переписей / Н. А. Свавицкий. – М.: Госстатиздат, 1961. – 355 с.
13. Ханин, Г. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя / Г. Ханин // *Идеи и идеалы*. – 2018. – Т. 1, № 2(36). – С. 139–163.
14. Ханин, Г. Лукавая цифра / Г. Ханин, В. Селюнин // *Новый мир*. – 1987. – №2. – С. 181–201.

I. I. Eliseeva. What is happening with the Russian government statistics? In 2011, the 200th anniversary of the beginning of the institutional formation of the Russian official statistics was celebrated. Throughout this period, the status of official statistics and its position in Russian society were not stable. But statistics always turned out to be the center of attention at the turning points of history. In recent years, due to the need to fulfill presidential decrees of 2006, 2012, and 2018, criticism of state statistics has arisen. Currently, efforts are focused on the priority statistical indicators – wages and incomes, measuring the level of poverty. The revised methodology for calculating monetary income per capita based on the balance of monetary incomes and expenditures of the population is discussed, the problems of comparability of estimates of average per capita income on the basis of balance and on the basis of a sample survey of household budgets are considered.

Keywords: monetary income, methodology, official statistics, sample survey, incomes and expenditures balance.

Я. М. Миркин¹

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Раскрыта модель коллективного поведения российского населения (семейная собственность, влияние бедности, автономность, степень независимости от государства, жесткость реакций на изменение ситуаций в обществе). Дана характеристика модели коллективного поведения элиты, принимающей решения в экономической политике (с учетом результатов исследований психологии успеха в бизнесе и политической карьере, полученных в США). Раскрыт причинно-следственный механизм создания деформаций в национальной экономике и искажения ее структуры под влиянием традиционных моделей коллективного поведения населения и элиты. Представлены сценарии экономического будущего, соответствующие моделям коллективного поведения.

Ключевые слова: модель коллективного поведения, национальная экономика, будущее, экономическая политика, элита, население, поведенческая экономика.

УДК. 330.352

Модель и будущее национальной экономики во многом зависят от моделей коллективного поведения, сложившихся в долговременной традиции населения и отдельных его кластеров, элиты и узкой группы лиц, принимающих решения на макроуровне.

Модель коллективного поведения российского населения

Речь, конечно, идет о «средней температуре по больнице», о ядре, хотя понятно, что есть крупные отличия в поведении населения в Москве и ее агломерации, крупнейших городах, национальных регионах, в сырьевых кластерах и т. п. Модель поведения во многом определяется собственностью, состоятельностью населения и той степенью свободы, которые они вызывают.

Собственность населения. Как и 25 лет назад, ядро имущества семей – своя квартира или дом. Их имеют 90 % взрослого населения (и меньше 80 % самых бедных). Часто это все, что есть. У 30...40 % есть еще дача, кусок земли, сад, огород. У 7...10 % вообще нет недвижимого имущества. Сбережения есть только у трети населения, у 8 % из них денежные накопления такой величины, чтобы прожить на них год и больше. У четверти населения – невыплаченные долги в банках, а у 36 % нет ни сбережений, ни долгов.²

¹ Яков Моисеевич Миркин, зав. отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Российское общество и вызовы времени: кн. 3 / под ред. М. Горшкова, Н. Е. Тихоной. М.: Ин-т социологии РАН; Изд-во «Весь Мир», 2016. С.142, 145.

А что еще? Примерно 20 % не смогут прожить без приработков, больше 10 % – без помощи родственников, еще 20...25 % – без дачи, без работы на своем участке. Больше 25...30 % взрослых «докармливаются», работают сверхурочно или совместителями. И больше 20 % «ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения» [2, с. 30, 71]. 23 % работников получают зарплату до 17 тыс. рублей, еще 12 % – от 17 до 21,8 тыс. рублей (апрель 2017 г., Росстат). Независимо от величины прожиточного минимума, это скудно. 56 % взрослых считают, что «без поддержки государства им и их семье не выжить».³ Вся эта статистика показывает, что есть темный угол бедности в 30...35 % населения, а внутри него – место еще темнее, нищее. У 13 % населения доходы ниже прожиточного минимума (Росстат, 2018 г.). Больше 60 % бедных живут в малых и средних городах, в сельских поселениях; и только 10...15 % бедных – в городах-миллионниках (2015 г.).⁴

А где еще? В 10...15 регионах России, являющихся, по сути, «зонами национального бедствия». Там все хуже, чем в среднем по стране: меньше срок жизни, больше болеют, выше преступность и социальная напряженность. В Республике Тыва больше 40 % населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, в Республике Алтай и ЕАО – 25...26 %, в Забайкальском крае – 21 % (2017 г., Росстат). До 30...40 российских регионов имеют валовой региональный продукт на душу населения, не превышающий 2...5 тыс. долларов в год. Это уровень бедных стран мира: Ангола, Боливия, Республика Конго, Египет, Гондурас, Лаос, Папуа Новая Гвинея – страны из этого разряда (МВФ). Микрозаймы («перехватить до получки») растут со скоростью 25...30 % в год (ЦБР).

Это не модель спокойного, рационального думания народа. Это – выживание, когда все подчинено ежедневному размышлению – как прокормиться. И тогда понятно, почему 80...85 % населения «влюблены» в государство (табл. 1), и только 10...15 % готовы жить самостоятельно. Быть под кем-то, всеильным – приедет, рассудит, защитит. Больше государства и крупных компаний! Пусть они отвечают за то, за се, за все это. Больше расходов из бюджета! Это «они» должны построить, создать, обеспечить и, в конечном итоге, – накормить (по вертикали вниз), а нам – прислониться!

Разве это традиция? Разве это можно считать итогом тысячелетней жизни народа в большой великой стране? Его глубинным мышлением? Нет, это усталость от всего, что случилось за 100 с лишним лет. От возраста, от бедности, от того, что рано уходят мужчины (один из самых больших в мире разрывов в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин). От того, что только 1...2 % активов российских семей смогли пережить несколько поколений. Что нам досталось от тех, кто был сто с лишним лет назад? Пара серебряных ложек, фотографии, какие-то чашки и письма. Да еще денежные сбережения, истаявшие в кризисах, войнах и денежных реформах. Всеми проклятые облигации 1930-х–1950-х гг. Советские квартиры? Дома и участки в деревнях, так часто умирающих? У нас до сих пор постыдно мало семейной собственности.

Она только начинается, опять все заново. Как важно создать стимулы, чтобы семейная собственность возвращалась ежедневно не только в столицах, но и по всей стране – от края и до края. Больше денег, больше доходов и еще больше личного иму-

³ Российское общество и вызовы времени: кн. 3 / под ред. М. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Ин-т социологии РАН; Изд-во «Весь Мир», 2016. С. 126.

⁴ Там же. С. 212.

щества, создающего семьи мобильные, быстрые, с самостоятельным думаньем. Именно они сделают страну сильнее. Расшевелият ее, омолодят. А так, конечно, прикрепленность как модель поведения выживания. И высокая степень недоверия (табл. 2).

Таким образом, коллективная модель поведения в России в кратно большей степени полагается на опеку государства, на меньшую автономность и независимость индивида, на «вертикали» («послушание»), на выравнивание доходов. Именно такая мо-

Таблица 1

Тип государства по отношению к экономике, в наибольшей степени отвечающий интересам России, 1994–2011 гг., % [1, с. 169]

Типы государств	1994	2001	2011
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	13	8	9
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль за ценами	16	18	28
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Таблица 2

Сравнительный анализ моделей коллективного поведения*

Утверждение	Россия	Германия	США	Нидерланды
Я считаю себя автономным индивидом – в самой высокой степени	8,0	38,8	19,0	23,6
Доходы должны быть в наибольшей степени равными	34,4	16,3	9,2	7,0
Большинству людей можно доверять	27,8	44,6	34,8	66,1

*Международный проект «World Values Survey». <http://www.worldvaluessurvey.org>. WV6_Results Germany 2013 Technical record v.2016.01.01; WV6_Results Netherlands 2012 Technical record v.2016.01.01; WV6_Results Russia 2011 Technical record v.2016.01.01; WV6_Results United States 2011 Technical record v.2016.01.01

дель поведения выстраивает экономики с высококонцентрированной собственностью, крупным участием государства, с подавленным малым и средним бизнесом, с вертикальными владениями, с опустыниванием регионов в пользу столиц.

Но при этом экономики очень волатильные, штормовые, особенные в своих падениях и убытках, подверженные человеческим ошибкам в управлении на макроуровне. Основа для этого – массовые конфликтность, бедность, неверие в реальность защиты, идущей от вертикалей, когда отдельно взятый человек ведет себя очень жестко, «как волчонок в лесу» (табл. 3).

Таблица 3

Динамика распространенности желания «перестрелять всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какая она сейчас», 1995–2011 гг., % [1, с. 73]

Варианты ответов	1995	2001	2008	2011
Часто чувствовали это желание	24	18	16	34
Испытывали это чувство иногда	31	28	29	38
Никогда его не ощущали	45	54	55	28

Эти факты – не хороши и не плохи сами по себе. Они просто показывают (в одном из измерений), почему так «вертикальны», сильны, централизованы структуры власти, почему мы стремимся к всевластному государству и почему многие из нас, любя государство и желая от него защиты, тем не менее живут по обычаям одинокого зверя, знающего, что на самом деле никто или мало кто защитит его, когда это понадобится.

И почему реформы в России, модернизационные рывки, многократные попытки догнать Запад, политические перевороты, как правило, совершались в экстремальных формах: при выборе способов достижения целей принимался вариант с наибольшими потерями, а не золотая середина.

Обширный фактический материал на этот счет представлен в книге «Реформы в России XVIII–XX вв.: опыт и уроки»⁵. Как свойство обществ с сильной централизацией, с огосударствленностью, с субъективизмом сильной власти, которая всегда права, даже в своих ошибках, ведущих к растрате ресурсов и потере людей. Нет стабилизатора – среднего класса и его собственности, нет конкуренции идей, есть неизбежные в строгих иерархиях провалы в уровне, сложности и образованности мышления, есть жесткая иерархия, которая чаще ошибается, чем находит правильные решения.

Класс «удачливых психопатов»

Люди во власти, владельцы компаний, силовики, влиятельные журналисты, юристы, от которых зависит судьба больших бизнесов, хладнокровные и очень успешные хирурги – все они могут быть людьми с яркими психопатическими чертами. Это – так называемые «успешные психопаты» (successful psychopaths) [5]. Так десятки лет говорит американская научная школа.

Людей, входящих в группу «психопатов» или обладающих подобными чертами, примерно 1 % среди мирового населения. Их в несколько раз больше среди мужчин.

⁵ Реформы в России XVIII–XX вв.: опыт и уроки / под ред. Я. Пляйса. М., 2010.

В криминогенной зоне их уже 15...25 %. И, как утверждают психологи, в среде людей, занимающих первые позиции в бизнесе и государстве, процент «психопатов» тоже повышен, только они – успешные, в отличие от криминалитета.

Человек, обладающий психопатическими чертами, особенно успешный, кто он [4]? Манипулирование людьми как ресурсами, бесстрастность, безжалостность, обаятельность, привычка и радость принуждения, наслаждение господством, макиавеллизм. Спокойно «идет по головам». Влиятелен, убедителен, обладает природным магнетизмом. Возбудим, подвержен вспышкам агрессии, уверен в своем превосходстве. Бесстрашен, готов принять любые риски, особенно чужие. Хладнокровен в кризисах, не эмоционален, не чувствует вины. Спокойно «идет по головам». И абсолютно нормален – внешне. То, что в науке называется великолепной «маской нормальности».

«Успешный психопат» может быть очень полезным, что возвращает нас к вопросу, а что это такое? Полезный психопат? Да, есть такие. Человек, в котором психопатические черты обозначены лишь намеком, или чуть гуще, или даже очень явно, но он абсолютно успешен в обществе. И есть шкалы, есть рейтинги, насколько конкретные X, Y, Z имеют психопатические «оттенки» в своей нормальности.

«Успешный психопат» может вознестись необыкновенно высоко, ибо в нем есть все то, чего люди часто ждут от власти. Делались ли замеры? Да, в США, по 42 президентам, за 200 с лишним лет. Из современных президентов наиболее выраженными «психопатическими чертами» (так гласит академическая статья) обладали Джон Кеннеди, Билл Клинтон и Джордж Буш-младший [6]. А дальше по убыванию – Рональд Рейган, Ричард Никсон. Дальше всего от «психопатов» были Джеральд Форд, Джимми Картер и Буш-старший. Но именно их и не переизбрали на второй срок.

А творцы экономического чуда в своих странах – Генерал Пак Чон Хи (Корея), генерал Сухарто (Индонезия), генерал Пиночет (Чили)? Как насчет Ли Куан Ю, технократизма Сингапура и «Диснейленда со смертной казнью» (метафора Сингапура, данная в начале 1990-х гг.)? Психологу там есть, где сделать свои оценки. Хотя, конечно, Людвиг Эрхард с его либерализмом, «благополучием для всех» и любовью к своему народу – вряд ли в этом ряду.

Может ли элита, номенклатура иметь «модель коллективного поведения»? Да, конечно. А какую? В отечественной традиции государства – безличное управление людьми как ресурсами, трата ради цели. Страсть к доминированию, подмена реальных душ концептами: «народ», «предназначение», «особость» – это одна из черт психопатов. Тонны, баррели, мегаватты, мощности, освоение – всем этим традиционно пронизана внутренняя политика.

И вроде бы государство может даже крикнуть: «благополучие!». Но какой же холодный мир отъемов был создан за сто с лишним лет. Каждое поколение россиян в прошлом веке теряло свои активы, а следующее начинало почти с нуля. Войны, революции, коллективизации, денежные реформы, деноминации, инфляции. У российского народа никогда не было своей собственности. За 60 с лишним лет (1861–1917) он просто не успел ее создать. Поэтому в комиссионных магазинах так пусто.

А какая любовь к конфискационным реформам! Главная идея 1991 г. – убрать «денежный навес» (слишком много денег у населения). Подумать только – убрать! А потом еще и кризисы, каждые 7...10 лет. При правильной политике они могли быть гораздо мягче. Бесконечные пенсионные реформы, оптимизации, т. е. обрезки медицины, образования, культуры.

Попытка все и вся втиснуть в клетку. Мало стимулов – «все равно украдут» и много наказаний. Рост объемов правил по экспоненте, обвинительный уклон. Успешно проводимая в жизнь идея коллективной управляемости, информационной обработки, вертикалей и доминант, в которые упакована жизнь. Все это из области «успешной психопатии». «По-другому с ними нельзя» – тоже оттуда.

Элита, номенклатура может иметь модель коллективного поведения с явно выраженными психопатическими свойствами. Быть коллективным «успешным психопатом». И когда вы годами не можете достучаться до кабинетов или спрашиваете себя: «А как же они этого не понимают?», то, возможно, сам вопрос не имеет смысла. Вы просто имеете дело с коллективным существом иной природы. Холодный, «верхний», манипулятивный разум.

Экономика, формируемая моделями коллективного поведения

Модели коллективного поведения «сверху» и «снизу» смыкаются. Какую экономику они сформировали? Это экономика резервирования, замыкания, торможения. Экономика «по поручениям», в которой управление развитием тонет в операционной деятельности. Экономика вертикалей, сверхконцентрации собственности, земли, денежных ресурсов. Экономика опустынивания, в которой люди, капиталы и их имущество постепенно стягиваются в крупнейшие города. Экономика увеличения регулятивных издержек, в которой весь экономический рост сосредоточивается вокруг бюджета и крупных государственных проектов. Заранее обречена на отставание, на низкие темпы роста. Бюджет не может выдержать и масло, и пушки, и резервирование, и финансирование роста. Экономика деформированной, мелкой финансовой системы, в которой четверть века не могут нормализовать ссудный процент. Сверхволатильная, штормовая экономика. Сырьевая экономика «обмена сырья на бусы», полностью зависящая от внешних переменных – мировых цен на сырье, курса двух мировых валют – доллара и евро, внешних шоков (финансовых, мировой конъюнктуры). Экономика, глубоко зависящая от импорта технологий, оборудования, высокотехнологичных «исходников» для производства и товаров для населения. Медленная экономика, отстающая от темпов мирового роста, со все большими технологическими разрывами, ограниченная в доступе (санкции) к внешним инвестициям.

И все-таки – великая сырьевая держава, имеющая потенциал для нового старта.

Будущее

Какие сценарии экономического будущего формируют такие модели коллективного поведения населения и элиты? Они очень просты.

Первый. Стать закрытой крепостью, мобилизационной экономикой. По оценке, вероятность – 10...15 %.

Второй. «Замораживание» того, что есть. Полузакрытая стагнационная экономика со стареющими технологиями, восполняемыми, в основном, на востоке (Китай, Южная Корея и др.). Шансы на это – 50...55 %.

Третий. «Испанский сценарий» (конца 1950-х–1960-х гг.). Правительство молодых технократов, государство развития, подчинение всего целям роста, максимум стимулов, приоткрытие «створок ракушки». Вероятность – 20...25 %.

Четвертый. «Новый курс», рациональный либерализм. Максимум экономических стимулов для роста и модернизации, резкое снижение административного бремени. Хорошо известные механизмы сверхбыстрого роста, «экономического чуда», кото-

рые применялись не только в Азии, но и в послевоенной Европе. Шансы – 5...10 %. История знает массу неожиданных поворотов (Испания, Франко, 1960-е гг., Китай конца 1970-х гг.). Шансы невелики, но их нужно иметь в виду.

Другие сценарии – разломов, шоков, социальных конфликтов – не обсуждаются.

Как все изменить

Модели массового поведения меняются. Об этом свидетельствуют все страны экономического чуда: Германия, Южная Корея, Китай, Испания. Можно брать за образец любую из 15...20 стран, в которых произошел сверхбыстрый рост. Народы, элиты охватывает лихорадка изменений. Семьи и люди становятся состоятельнее, более автономными, элиты – «человечнее».

Но как это сделать? Здесь только вопросы. Реформы сверху, как обычно? Надежда на то, что появится свой, российский автор экономического чуда?⁶ И, может быть, холодный коллективный разум, с явными чертами «успешного психопата», недрогнувшей рукой (нам всем на пользу) повернет к «благополучию для всех»? Выберет правильное целеполагание, новый курс? И тоже в порядке эволюции? Как это было в Сингапуре и Китае?

Случится ли это? Неизвестно, шансы невелики. Но все-таки есть надежда, что эта возможность появится – «Новый курс», сценарий успешности. Социальная рыночная экономика в России, быстрый рост, благополучие для всех, открытость всему миру и успешность нашей конкуренции с другими странами, но только не на полях войны.

Список литературы

1. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических опросов / под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. – М.: Институт социологии РАН; Изд-во «Весь Мир», 2011.
2. Российское общество и вызовы времени: кн. 5 / под ред. М. Горшкова, В. В. Петухова. – М.: Институт социологии РАН; Изд-во «Весь Мир», 2017.
3. *Даттон, К.* Мудрость психопатов / К. Даттон. – СПб.: Питер, 2014.
4. *McNab, A.* The Good Psychopath's Guide to Success / A. McNab, K. Dutton. – London: Transworld Publishers, 2014.
5. *Lilienfeld, S. O.* Successful Psychopathy: A Scientific Status Report / S. O. Lilienfeld, A. L. Watts, S. F. Smith // Current Directions in Psychological Science. – 2015. – August.
6. Fearless Dominance and the U.S. Presidency: Implications of Psychopathic Personality Traits for Successful and Unsuccessful Political Leadership / Scott O. Lilienfeld [et al.] // American Psychological Association Journal of Personality and Social Psychology. – 2012. – Vol. 103, № 3. – P. 489–505.

Y. M. Mirkin. Collective behavior model and the future of the Russian economy. The article describes a model of collective behavior of the population (ownership, the impact of poverty, the autonomy of individuals, the degree of independence from the state, the severity of reactions to

⁶ *Миркин, Я.* Автора! Высоких скоростей! // Российская газета. 2018. 18 июня.

changing situations in society). The characteristic of the model of collective behavior of the elite that makes decisions in economic policy (based on the results of research on the psychology of success in business and political career, obtained in the US) is given. The causal mechanism of creating deformations in the national economy and distortion of its structure under the influence of traditional patterns of collective behavior of the population and the elite is revealed. Scenarios of the economic future are presented as they are determined by models of collective behavior.

Keywords: model of collective behavior, national economy, future, economic policy, elite, population, behavioral economics.

В. Т. Третьяков¹

КАКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОРЫВА ЖДЕТ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО?

Показано, что основные социально-экономические проблемы в России связаны не с «неправильной» экономикой, а с неправильной экономической политикой. И это – главная причина бедности людей. Человек хочет ясности от экономической политики и реальной экономики, уважительного отношения к России от чиновников и прочих «властных» представителей и от них же – серьезной самокритики. Важнейшим пунктом является проблема социальной справедливости общенационального масштаба, в том числе во владении природными ресурсами. Необходим кардинально другой вариант распределения прибыли от наших природных богатств и тогда в России не будет бедных.

Ключевые слова: экономический и социальный прорыв, экономическая политика, социальная справедливость, природные ресурсы.

УДК 330.352

Для начала позволю себе не согласиться с Я. М. Миркиным. На мой взгляд, главная причина бедности наших людей не в том, что у нас экономика, не похожая на экономику других стран, а в том, что у нас неправильная экономическая политика.

И сегодня, и в предшествующие годы, участвуя в работе СПЭК, я слышу примерно одно и то же – все это очень правильные вещи, они меня убеждают, их произносят образованные люди, ученые, академики. Но тогда возникает вопрос: «А почему эти правильные вещи не реализуются в жизни?»

Либо они неправильные, тогда надо закрыть этот конгресс. Либо они правильные, но тогда кто-то действует неправильно. Кто и почему? Вот главный вопрос, который задает этот самый, обычный человек, чьи интересы я смею здесь представлять, – человек, не присутствующий в этом зале, но прекрасно понимающий все недостатки нашей экономики. Равно как и ее достоинства, которые тоже есть, – что показывают довольно высокие цифры удовлетворенности людей своим материальным положением (если верить нашим социологическим опросам). Казалось бы странно, почему? Но это, видимо, то самое терпение, та самая терпеливость русского, российского народа, на которую цинично любят ссылаться наши политики.

Итак, чего хочет обычный человек? Чего он ждет от нашей экономики? Безусловно, не высоких цифр и не бодрых показателей в чистом виде. Это ему, по большому счету, не нужно, и не многие на это ориентируются, хотя средства массовой информации активно эти цифры поставляют, пытаются людей в чем-то убедить.

¹ Виталий Товиевич Третьяков, декан Высшей школы телевидения МГУ имени М. В. Ломоносова.

Я утверждаю, что человек хочет простых вещей. И тогда, вопреки расхожим утверждениям, что у нас какое-то ненормальное общество и какая-то не такая экономика, он все бы понял и принял. И тогда, смею утверждать, все заработает – наша экономика заработает.

Обобщая, можно сказать, что наш человек хочет ясности от экономической политики и от реальной сегодняшней экономики. Вот несколько тезисов, расшифровывающих то, что я имею в виду, обращаясь к абстрактной категории «ясность».

Как ни странно, народ – и это совершенно точно – хочет, чтобы перестали поносить нашу страну и прежде всего – официальные лица. Перестали сравнивать ее с Латинской Америкой, с Африкой... Перестали называть нецивилизованной. Пусть не прямо, а косвенно, употребляя это постоянно звучащее из уст политиков, экономистов и членов правительства выражение «как в цивилизованных странах»: давайте сделаем, как в цивилизованных странах, давайте сделаем, как в Европе, и все такое прочее.

Сделайте, наконец, так, как надо сделать в России! Вот чего хотят обычные люди.

Я уже не говорю об участившихся в последнее время репликах наших чиновников, услышав которые обычный человек и хочет «расстреливать всех подряд», но не делает этого. Данное мое утверждение не означает, что обычный человек против критики.

Я прекрасно чувствую, да и все понимают, что за последние 5 лет положение в экономике не улучшилось. Это просто данность. И эту данность нужно анализировать и критиковать. Но, думает и говорит рядовой экономический человек, себя ругайте, себя критикуйте. Расскажите, что вы плохо делаете? Если только это, наконец, начнется, то градус оптимизма, а следовательно, и эффективность работы любой экономики, на мой взгляд, повысится.

Хватит хвалить других – все эти «процветающие страны, цивилизованные и т. д.». И хватит хвалить себя – не страну Россию, а именно себя. Не знаю, почему этого не понимает правительство и все, кто руководит экономикой (включая госкомпании). В советское время себя так не хвалили, как хвалят сейчас. Но они даже не замечают этого. Почему они не понимают, что все это раздражает людей, – мне не ясно.

Обычный человек, который не присутствует на различного рода конгрессах, он, естественно, хочет понять экономическую ситуацию, руководствуясь здравым смыслом. Если его зарплата, уровень жизни, все остальное растет – значит в экономике все хорошо. Когда он всего этого не видит, как не видит и внешних (по отношению к нему) признаков этого, тогда экономическая политика его не удовлетворяет.

И это при том, что, как справедливо показывают СМИ, в стране все больше машин, все больше жилья, магазины завалены продуктами и товарами. Но если именно его, обычного экономического человека, это затрагивает лишь краем, а наряду с этим царят вопиющая бесхозяйственность и вызывающая роскошь немногих, тогда даже самые здравомыслящие граждане не в состоянии понять, что же происходит в нашей экономике.

Следующий пункт – это, конечно, проблема социальной справедливости, о чем столько сказано, что нет нужды это расшифровывать. Частые, но скромненькие попытки указать на эту проблему и еще более скромные попытки ее нивелировать (никто даже не надеется на ее радикальное решение) кажутся циничными, лицемерными и ханжескими.

Все больший рост популярности образа Сталина (о чем тоже многие говорят) – это и есть ответ на поставленный обычными людьми вопрос об экономической и социальной справедливости.

Когда люди, которые более всего критикуют советскую экономику, советский строй, советский режим (и особенно сталинский), извлекают лично для себя максимум прибыли как раз из того, что построено в том числе с помощью этих «рабов ГУЛАГа», то у миллионов рядовых людей возникает вопрос: «А вы по справедливости владеете этим?»

Это массовое ощущение. Я очень много езжу по России, уж точно больше, чем отдельно взятый среднестатистический человек. И общаюсь с разными людьми, сейчас и через Сеть общаюсь и утверждаю, что это всеобщее убеждение: раз вы такие антисталинисты – отдайте эти заводы народу! Или отдайте прибыль от этих предприятий потомкам тех, кто был в ГУЛАГе, – раз вы антисталинисты. И, по моим ощущениям, эти настроения только нарастают. И у тех, кто более или менее удовлетворен своим материальным благополучием, все не ограничивается только ощущением себя маленьким винтиком этой экономической машины.

Жажда справедливости общенационального масштаба все равно нарастает. Как и ощущение, что все в экономике построено не так – все построено под интересы очень узкой группы людей, совсем узкой. Не какого-то среднего или даже правящего класса, а узкой группы внутри этого правящего класса.

И еще одно – полное отсутствие понимания того, куда мы с такой экономикой идем. Похоже, это понимание отсутствует и в академической среде. Среди многих уважаемых мной людей с самым высоким научным уровнем (к их числу относятся и академики, и беседую я с ними не только публично) я не видел ни одного, кто бы не задавался вопросом, куда мы идем, не умея дать ответ. В том числе и в первую очередь, кстати, в области экономики. К политике это тоже относится, но сейчас у нас другая тема.

Тот же самый вопрос задают и обычные люди. Они не понимают, как экономически действовать, что делать при такой экономике? Куда ехать? Куда идти? На Запад, прикидывают многие молодые, понятно, по каким причинам. А внутри страны? Люди абсолютно не понимают этого.

И последнее: какой же экономики ждут люди? Не в цифрах. хотя понятно: чем больше – тем лучше. Если каждый день, каждый год у тебя будет расти зарплата, то будут расти твои доходы и все остальное. Тогда, наверное, многие вопросы отпадут. Но поскольку этого не происходит, а у многих положение даже ухудшается, то в сознании людей возникают эти экзистенциальные, цивилизационные вопросы.

У нас очень мыслящее общество, очень рассудочное. Оно любит размышлять: не важно, на кухне или где-то еще. Сейчас этому способствует телевизор, а сеть вообще всех раскрепостила.

Я не знаю, какие дискуссии ведутся в западных сегментах интернета, но те, что происходят (помимо кошечек и всего остального) в наших сетях, – это метафизические дискуссии. Это дискуссии самого высокого уровня – по вопросам, которые ставятся, и по попыткам дать на них ответ. Хотя академики и доктора наук в них явно не участвуют.

И в этих дискуссиях постоянно возникает вопрос о справедливости в еще одной ипостаси – о справедливости во владении природными богатствами России. Если бы у нас их было мало, вопрос, наверное, не возникал бы. Но их действительно много, и все спрашивают: «Почему так много богатств и почему они так несправедливо распределены?». Никто наверху не отвечает на этот вопрос, ссылаясь, в лучшем случае, на спекулятивное – частный собственник лучше, в смысле – лучше распоряжается этими богатствами, чем государство. Всю эту банальную ахинею, отчасти, может быть, правиль-

ную, мы многократно слышали. И ни на кого это не действует, если даже это во многом справедливо.

Четкого ответа на этот вопрос никто не дает. Я утверждаю: если не будет принят другой, кардинально другой вариант распределения, перераспределения прибыли от наших природных богатств, наша экономика никогда не выберется из состояния прозябания. А решение этого вопроса очень простое и разумное: в такой богатой стране, как Россия, бедных не должно быть вообще!

А вот какую экономическую политику подложить под эту цель – это уже дело экономистов и правительства. Но только цель менять нельзя – экономистов и правительства можно, а цель и главный принцип – в России бедных быть не должно – нельзя менять!

За реализацию этого принципа может взяться либо политическая власть, либо сам народ. Сам народ – это, конечно, на основе формулы «расстрелять всех из автомата сегодня же». Будем надеяться, что до этого не дойдет. Остается ждать поступка от политической власти, надеюсь, она когда-нибудь до этого созреет.

Внутри нашей экономики я, как обычный человек, не экономист, не вижу сегодня никаких стимулов для кардинального изменения нашей экономической политики и нашей экономики. Просто не верю в это. И утверждаю, что этого не будет, пока политическая власть не осознает, что дальше так жить нельзя. И нельзя, и не получится!

V. T. Tretyakov. What economic and social breakthrough does the Russian public expect? Vitaly Tretyakov shows that Russia's main socioeconomic issues stem from the wrong economic policy rather than an «inadequate» economy, and existing policies constitute the main cause of poverty in the country. People want to see clear economic policies, especially as they pertain to the real segment of the economy, as well as a respectful attitude towards the Russian population and profound self-reflection on behalf of government officials and other representatives of the authorities. Nationwide social injustice, including the situation in the ownership of natural resources, is currently a core problem. In order to resolve the issue of poverty, we need to adopt a dramatically different approach to the allocation of revenue from our natural resources.

Keywords: economic and social breakthrough, economic policy, social justice, natural resources.

Ж. Т. Тощенко¹, Р. И. Анисимов²

ПРЕКАРНЫЙ ТРУД В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ³

Выполнен анализ нестабильных, неустойчивых трудовых отношений в России. Работники, вовлеченные в эти отношения, определяются как прекариат. К ним относятся работники: а) занятые на неформальной работе – не имеющие трудовых договоров; б) имеющие краткосрочные договора (до одного года); в) вовлеченные в сезонную и эпизодическую занятость; г) имеющие неполную занятость; д) согласившиеся трудиться на условиях заемного труда. Сделана попытка подсчитать количество наемных работников, занятых прекарным трудом, на основе данных Росстата, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), всероссийского социологического опроса о прекарном труде, организованного РГГУ в 2018 г. Полученные данные свидетельствуют о широкой распространенности прекарных слоев в России, а их рост является устойчивой тенденцией в развитии современных трудовых отношений. Выявлены основные характерные черты всех этих групп, показано их влияние на экономическую и социально-политическую жизнь России.

Ключевые слова: прекариат, прекарный труд, неформальная занятость, сезонная и фрагментарная занятость, неполная занятость, заемный труд.

УДК 330.352

На протяжении последних 20..30 лет трудовые отношения подвергаются «коррозии». Получает распространение практика найма персонала без оформления трудового договора, растет краткосрочная занятость, работа на неполный рабочий день, а также фрагментарная и эпизодическая занятость. Эти явления говорят об ухудшении социально-экономического статуса наемного работника, ущемляют его трудовые права и уменьшают гарантии, делают нестабильным его положение на рынке труда.

Изменения на рынке труда не остались незамеченными в мировой и отечественной науке. Рост нестабильности в трудовой сфере наиболее полно отражен в исследовании британского социолога Г. Стэндинга [14], который сформулировал основные положения об этих слоях как о будущем опасном классе. В его концепции прекариат определяется через отрицание у этого класса позитивных характеристик, присущих другим участникам трудовых отношений. По его характеристике, прекариат лишен бессрочных договоров, законного рабочего дня, социальных гарантий и прав, стабильно-

¹ Жан Терентьевич Тощенко, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, д-р филос. наук, профессор.

² Роман Иванович Анисимов, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, канд. социол. наук.

³ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024.

го положения на рынке труда и т. д., т. е. того, чем обладают другие социально-трудовые группы.

В трудах российских ученых [1, 2, 4, 8, 9, 15, 16] и др. выполнен анализ нестабильных трудовых отношений, присущих отечественному рынку труда в начале XXI в. Эти отношения трактуются не как исключение, а как новая норма, как социальный факт, т. е. они воспроизводятся и «нормальны» в том смысле, какой Дюркгейм вкладывал в понятие «норма», а не являются исключением и курьезом. Поэтому, если существование прекариата является социальным фактом, то прежде всего необходимо выявить и точнее охарактеризовать группы работников, которые относятся к прекарным слоям в российском обществе.

Определение и типология прекариата

Г. Стэндинг, вводя понятие прекариат, образует его от двух слов: *precarious* (англ. – нестабильный, неустойчивый) и пролетариат [14, с. 20]. Разделяя его подход, мы полагаем, что акцент только на нестабильности ведет к упрощению проблемы: немаловажное значение имеет тот факт, что прекариату присущи черты, которыми в свое время обладал пролетариат: высокий уровень эксплуатации и самоэксплуатации, отсутствие социальных гарантий и постепенно вызревающая готовность к борьбе за свои права. При этом, если к пролетариату относились только наемные работники (в основном промышленного труда), то прекариат комплектуется из всех без исключения профессиональных групп и слоев общества. Причем рост этих групп неустойчивых трудовых отношений продолжается достаточно интенсивно практически во всех странах мира. Отметим, что для предпринимателей нестабильные трудовые отношения выгодны – они позволяют снижать издержки, экономить на оплате труда, уходить от обязательств, заложенных в законах о труде. Что касается наемных работников, то эти нестандартные трудовые отношения вынуждают их или затрачивать больше труда для поддержания привычного уровня жизни, или снижать уровень потребления. В любом случае нивелируются или существенно ограничиваются их социально-трудовые права и гарантии.

На наш взгляд, наиболее точное содержание этого понятия дано в определении: «Прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны – это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [15, с. 81]. В основу определения прекариата положена нестабильная занятость наемных работников независимо от сферы экономики и/или культуры, в которых они трудятся. Главное – что нестабильные трудовые отношения у этих работников *постоянны*. Это дает право утверждать, что мы имеем дело с устойчивыми социальными слоями и группами, воспроизводящимися и растущими в процессе дальнейшего современного развития. Таким образом, под прекариатом мы понимаем *наемных работников с постоянными нестабильными трудовыми отношениями*.

Уточним, что XX в. внес коррективы в марксистский анализ: ключевым фактором стратифицирования общества является не наличие/отсутствие собственности на средства производства, а контроль над средствами производства. Поэтому эксплуатация наемного труда в равной степени присуща частным и государственным компаниям и может осуществляться формально наемными работниками, но фактически теми же капиталистами, так как они выполняют основную функцию предприятия или организации в капиталистическом обществе – извлечение прибыли (подробнее о концепциях, посвященных анализу функционирования капиталистических обществ в XX в., см.: [10, с. 81–127]).

Прекариат неоднороден, он различается по видам нестабильных трудовых отношений. На наш взгляд, следует выделить его виды и занятые этими видами труда группы наемных работников.

Сначала ответим на вопрос: какое количество населения Российской Федерации занято прекарным трудом и соответственно является прекариатом? Российские исследователи по-разному подходят к определению прекаризованной занятости и количества прекаризованных работников и поэтому получают разные данные о численности данной группы. Так, В. Н. Бобков полагает, что 85 % наемных работников так или иначе имеют признаки неустойчивости [1, с. 25], О. И. Шкаратан 27 % работающего населения России относит к прекариату [16, с. 109].

Мы используем для подсчетов следующую градацию этих социальных групп. Прежде всего – это *неформально трудоустроенные работники* (работающие на основе устной договоренности); далее следуют *работники, имеющие временную и неполную занятость* (сюда относятся работники, имеющие неполную занятость, недозанятость, а также дополнительную занятость – сверхзанятость); следующая группа – *работники, имеющие сезонную и фрагментарную занятость*; следом идет *заемный труд*.

Иначе говоря, прекариат состоит из разных групп наемных работников. Проблема анализа данной группы осложняется тем, что существует несколько критериев отнесения трудовых отношений к нестабильным (прекарным). Один из них – форма договора и сверхзанятость (например, срочный договор и наличие дополнительной работы). Поэтому одни и те же люди могут входить в прекариат по разным основаниям, что может привести к искажению количественных показателей. Следующая существенная проблема, осложняющая анализ прекарных слоев населения, – незнание наемными работниками условий собственного найма и какими типами договоров регулируются их отношения с работодателями. Третьей проблемой, затрудняющей анализ этого феномена, является сознательное искажение информантом собственного статуса и статуса наемных работников из-за боязни официальной регистрации и налогового бремени.

Наш анализ распространенности прекарного труда построен на типологии, приведенной выше, что позволяет, пользуясь доступными источниками, подсчитать приблизительную численность людей, занятых прекарным трудом. В то же время мы встречаемся с различными уровнями прекарности, так как у разных индивидов может быть от 2–3 до 12 показателей (признаков) прекарности, и они будут входить в разные группы (например, работающий по срочному договору на неполную ставку), что для нас стало главной задачей, позволяющей выявить уровень распространенности прекарного труда. Решению этой задачи способствовало сопоставление данных Росстата [11, 13], результатов мониторинга экономического положения и здоровья населения [12] и результатов Всероссийского опроса трудоспособного населения, органи-

зованного социологическим факультетом РГГУ в 2018 г. в рамках всероссийского исследования⁴.

Опыт анализа различных прекарных слоев

Первой группой в предложенной классификации являются *неформально трудоустроенные наемные работники*. Эта группа в наибольшей степени ущемлена в своих социальных и трудовых правах, а нестабильность социально-трудовых отношений у этой группы распространена в наивысшей степени. Трудовые отношения с работодателем регламентируются только на основе устной договоренности и зависят от мировоззренческих и моральных установок нанимателя (табл. 1).

Из полученных данных видно, что от 2 500 до 10 500 человек работают без трудового договора.

Вторая группа прекариата – *это работники с нестандартной, специфической занятостью*, которая прежде всего определяется рабочим временем и временем контракта. Сюда относятся:

1. Работники, имеющие временную занятость (заключившие срочный договор до одного года или на период выполнения конкретного объема работ).

2. Работники, имеющие неполную занятость, которая осуществляется в двух основных вариантах. В первом – к неполностью занятым относят работников, обычная продолжительность рабочего времени которых меньше нормативной величины (как правило, до 30 рабочих часов в неделю – малозанятые); во втором – тех, кто (не) имеет трудовые контракты на неполное рабочее время.

Таблица 1

Количество неформально трудоустроенных наемных работников в России

Категория	Росстат, 2017 г.	RLMS-HSE, 26 волна, 2017 г.	ПТ-2018
Работающие без оформления трудового договора (на основе устного договора), %	3,6	8	14,5
Экстраполяция на всех работающих россиян, тыс. чел.	2 629	5 771	10 461

Источники: [11, 12] и П-2018.

⁴ Социологическое исследование «Всероссийский опрос трудоспособного населения». Метод – персональное интервью. Выборка многоступенчатая – районированная с квотным отбором респондентов на последней ступени. Сроки проведения исследования: июнь–июль 2018 г., объем выборочной совокупности – 1200 человек. Далее в статье данные этого исследования будут обозначены П-2018.

3. Работники, имеющие недозанятость – трудятся меньше обычного времени по не зависящим от них причинам (отпуска по инициативе работодателей, вынужденные переводы на сокращенный график работы, отсутствие клиентов или заказов и т. д.); эту группу иногда относят к категории скрытой неполной занятости или скрытой безработицы.

4. Сверхзанятые – работники, продолжительность рабочего времени которых больше определенной пороговой величины (обычно свыше 40 рабочих часов в неделю), которая нередко практикуется как в условиях формальной, так и неформальной занятости [15, с. 104–105].

К первой подгруппе (*работающие по договорам на определенный срок*), по данным Росстата, в 2017 г. в России относилось 2 310 тыс. человек (3,4 % от всех работающих по найму). К работникам по договорам на выполнение определенного объема работ или оказание услуг, относились 593 тыс. человек (0,9 % наемных работников) [11]. К сожалению, срок договора Росстат не учитывает, поэтому здесь представлены общие данные по количеству срочных договоров. По результатам нашего исследования, по договорам работают менее года 4,9 % всех опрошенных. Если экстраполировать эти данные на все занятое население России (72 142 тыс. человек в 2017 г.), то получается, что по договорам такого типа работает 3 535 тыс. человек. Всего же по договорам на определенный срок, по результатам нашего исследования, работает каждый третий россиянин (28,2 % – П-2018), или 20 344 тыс. человек.

Вторая подгруппа – работники, имеющие неполную занятость (*работающие меньше 30 часов (включительно) в неделю*). Иногда такая занятость построена с согласия или по инициативе работников (например, матери малолетних детей), но чаще – по предложению работодателей, сокращающих таким образом издержки на рабочую силу, что особенно актуально в условиях кризиса и падения спроса на продукцию. Однако в этом случае хотя бы формально соблюдается видимость обоюдного решения данного использования рабочей силы. В работе на условиях неполной занятости, на наш взгляд, проявляется российская специфика адаптации к кризису. Если на Западе в условиях кризиса количество рабочих мест сокращается, и уволенные работники обращаются в службы социального обеспечения (защиты), становясь зарегистрированными безработными, то в России предпочитают не увольнять работников, а переводить их на неполный рабочий день, нередко вынуждая подписывать дополнительные условия, «добровольное» согласие на перевод на худшие условия труда. На условиях неполной занятости в России работают свыше 3 млн человек (табл. 2). При этом официально оформлены на неполный рабочий день по соглашению между работником и работодателем, по данным Росстата, всего 782 тыс. человек [13].

Третья подгруппа – *недозанятые* работники. Сюда входят люди, вынужденные работать нестандартное количество времени по объективным (не зависящим от них) причинам. По данным Росстата, в 2016 г. 127,7 тыс. человек работали неполное время по инициативе работодателей; 197,8 тысяч находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника [13]. По данным RLMS-HSE, 2,1 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?». Если экстраполировать эти данные на все работающее население России, то получится 1 515 тыс. человек, находившихся в неоплачиваемом отпуске не по собственной воле.

Четвертая подгруппа – *сверхзанятые*. Эта компонента прекарного труда также имеет две разновидности. Первая – сверхурочная работа на основном месте труда.

Таблица 2

Количество работников с неполной занятостью

Источники	Росстат Работающие до 30 часов в неде- лю, 2017 г. [11]	RLMS-HSE «Сколько в среднем продолжается Ваш обычный рабочий день на этой работе?» (брались только варианты ответов от 1 до 5 часов включительно), 26 волна, 2017 г., валидный % [12]
%	4,7	4,1
Экстраполяция на всех работающих россиян, тыс. чел.	3 333	2 958

Она, как правило, неоплачиваемая, так как составляется такой план, который работник не может выполнить в стандартные сроки, или работника помимо его основной деятельности принуждают выполнять работу, не предусмотренную его должностными инструкциями. Все это ведет к фактическим переработкам по основному месту работы. Вторая разновидность сверхзанятости – дополнительная или вторая работа, которую самоинициативно берет на себя работник. Основной причиной дополнительной работы является недостаток финансовых средств, получаемых работником в результате трудовой деятельности на основной работе. По полученным данным, сверхурочной работой в России занимаются от 4 500 до 47 000 тыс. человек (табл. 3).

Мы отдаем себе отчет, что некоторые виды работ подразумевают рабочий график свыше 8 часов, поэтому, возможно, часть людей, его имеющих, попала в эти показатели, которые свидетельствуют, что стандартное рабочее время превратилось в фикцию. Если по данным RLMS, 34,4 % работают 9 часов и выше, а по нашим данным – 65,8 %, то получается, что в России очень сложно найти человека, работающего 8 часов в день. Мы предполагаем, что здесь налицо: а) ненормированный рабочий день; б) неоплачиваемый труд на основном месте работы, что, возможно, ведет к расхождению с официальной статистикой. Работодатели сдают в Росстат те данные о своих работниках, которые подтверждены документально, по ним получается, что только 6 % работают сверхурочно (им и оплачиваются сверхурочные). Фактически же работники работают больше, но это никак не фиксируется, поэтому и не оплачивается, что также является признаком прекарного труда.

Дополнительной занятостью, по результатам разных исследований, занимаются от 1 600 до 35 782 тыс. человек (табл. 4). Дополнительная занятость, за редким исключением, является компенсаторным механизмом адаптации населения к неустойчивому и негарантированному состоянию на основном месте работы. Конечно, низкий заработок еще не свидетельствует о нестабильном положении человека на основном месте работы, но рождает у него неуверенность в завтрашнем дне, что является признаком ограниченных возможностей и потребностей человека. Поэтому люди вынуждены искать дополнительное место работы, пытаясь таким образом преодолеть неуверен-

Таблица 3

Количество занятых сверхурочной работой в России

Источники	Росстат. Сверхзанятость – работа 41 (и выше) часов в неделю, 2017 г. [11]	RLMS-HSE. «Сколько в среднем продолжается Ваш обычный рабочий день на этой работе?» (бра- лись только варианты ответов от 9 часов и выше), 26 волна, 2017 г., валидный % [12]	ПТ- 2018, «Приходилось ли Вам ежедневно работать более 8 часов?»
%	6	34,4	Да, постоянно – 25,9
			Да, иногда – 39,9
			Всего – 65,8
Экстраполя- ция на всех работающих россиян, тыс. чел.	4 350	24 817	Да, постоянно – 18 685
			Да, иногда – 28 785
			Всего – 47 469

Таблица 4

Дополнительная работа

Источники	Росстат. Имеют две и более работ, 2017 г. [11]	RLMS-HSE. «У Вас есть еще какая-нибудь работа?» Вариант ответа «Да», 26 волна, 2017 г. [12]	ПТ-2018. «Приходится ли Вам для увеличения своего заработка работать дополнительно к основной работе и подрабатывать на стороне?»
%	2,3	3,7	Приходится регулярно – 16,8
			Приходится, но не регулярно – 32,8
			Всего – 49,6
Экстраполя- ция на всех работающих россиян, тыс. чел.	1 625	2 669	Приходится регулярно – 12 120
			Приходится, но не регулярно – 23 663
			Всего – 35 782

ность и обеспечить себе приемлемый уровень жизни. Полизанятость позволяет это сделать, но только за счет повышения самоэксплуатации работника.

Следующую группу работников, занятых прекарным трудом, составляют *работники, имеющие сезонную и фрагментарную занятость*. Как правило, они работают без оформления трудовых отношений. Они не трудятся постоянно и соответственно имеют иррегулярную оплату труда – от случая к случаю. Они не имеют постоянного места работы и не идентифицируют себя как работники, но в то же время не являются безработными. Информации по этой группе работников очень мало, их можно вычислить лишь по косвенным признакам. Если исходить из данных Росстата, то, на наш взгляд, эти работники представлены в группе «лица, не входящие в состав рабочей силы». Это – «лица в возрасте 15...72 лет, которые не являются занятыми экономической деятельностью или безработными в течение рассматриваемого периода (обследуемой недели)» [11]. Они не работают и не безработные, но имеют материальные ресурсы для обеспечения собственной жизнедеятельности. В России данная группа в 2017 г. насчитывала 15,2 млн человек. В нее входили пенсионеры; лица, ведущие домашнее хозяйство; лица, имеющие доход от собственности или капитала; лица, находящиеся на иждивении других лиц; имеющие проблемы со здоровьем, но не оформившие пенсию по инвалидности, и т. д. Мы предполагаем, что часть этих людей имеют иные источники обеспечения жизнедеятельности (пенсии, содержание семьи, ЛПХ). Помимо этих групп, к этой же категории относятся лица, которые «не выразили желания работать», и таких людей, не входящих в состав рабочей силы, – около 12 221 тысяч [11]. Они не фиксируются как индивидуальные предприниматели, как работники неформального сектора, они не рантье, но чем они занимаются, чтобы обеспечить себя? Мы предполагаем, что эти люди не могут не работать, но работают иррегулярно, когда «подвернется работа», т. е. представляют собой «работников с сезонной и временной занятостью». Хотя мы не исключаем, что в эту группу попадают и неформальные, а возможно, и криминальные предприниматели и их работники. Но более точных инструментов для подсчета этой группы работников на данный момент мы не имеем.

В заключение предлагаем охарактеризовать группу, входящую в прекариат, по структуре, предложенной И. М. Козиной: это *работники, занимающиеся заемным трудом*. Суть заемного труда в том, что работник заключает договор с агентством-посредником, которое отправляет его для выполнения трудовых обязанностей в другую организацию. Заемный труд имеет две разновидности: аутстаффинг (вывод работников за штат) и аутсорсинг (работа в организации, на предприятии работников, заключивших договор (устный или письменный) с другой организацией). Официальной статистики по аутстаффингу не существует. Эта группа прекариата размывается по другим категориям (неформально трудоустроенные, срочные договора, сезонные работники). Исследование заемного труда осложняется тем, что работники могут не догадываться о том, что они выведены за штат собственных организаций. Они переподписывают свои трудовые договора, но по факту остаются на том же месте работы и в той же должности, поэтому у них нет осознания себя как заемных работников. Аутсорсинг также не очень распространен в России. «По различным экспертным оценкам, численность работников, нанятых агентствами для работы «за штатом», составляет от 70 до 300 тыс. человек, или 0,1...0,4 % от числа занятого населения» [7, с. 21]. На наш взгляд, нераспространенность этого вида прекарного труда объясняется тем, что работодатели имеют другие способы оптимизации издержек на рабочую силу, в частности, переводя работников на неполную занятость, а в случае роста производства,

увеличивая сверхзанятость или нанимая работников напрямую, без посреднических услуг кадровых агентств.

Выводы

Подытоживая наши расчеты, можно утверждать, что, по данным Росстата, характеристикам precarious занятости в той или иной степени в 2016–2017 гг. отвечали порядка 32 732 тыс. человек. Самая большая группа в этих данных представлена лицами, не входящими в состав рабочей силы по собственному желанию, – 12 221 тыс. человек, которые, как мы предполагаем, занимаются фрагментарной или сезонной работой. Однако в эти данные не вошли люди со срочными трудовыми договорами (до одного года), так как Росстат не дает такой статистики.

По данным RLMS-HSE, количество работников, занятых precarious трудом, составило 37 730 тыс. человек. Самую большую группу занятых precarious трудом составляют люди, работающие сверхурочно (24 817 тыс. человек), их ежедневный рабочий день составляет 9 часов и выше. Но в данных RLMS-HSE не учитывались работники со срочными договорами, а также имеющие фрагментарную и эпизодическую занятость.

По данным исследования, проведенного РГГУ, из 1200 респондентов бессрочный и срочный договора более года имели 936 человек (656 – бессрочный договор, 280 – срочный договор более одного года), или 78 % опрошенных. Из них 319 человек (34 %) не имеют дополнительной работы, а из тех, кто не имеет дополнительной работы, только 213 человек (23 % от всех имеющих бессрочные договора) не работают больше 8 часов в день. Таким образом, исходя из данного исследования, precarious трудовыми отношениями не охвачено только 18 % респондентов. Остальные 82 % в той или иной степени относятся к precarious (срочные договора до одного года, работа по устной договоренности, нестандартный рабочий день, дополнительная работа). Если экстраполировать полученные данные на все работающее население России, то получится, что в precarious состоянии находятся свыше 59 млн работающих россиян.

Таким образом, можно утверждать, что precarious трудом в России занято от трети до половины всех россиян в возрасте от 15 до 72 лет (от 32 до 59 млн человек). Полученные данные свидетельствуют о его широкой распространенности в России, а рост precarious трудовых отношений является устойчивой тенденцией. Все это заставляет активизировать выработку нового методологического аппарата для анализа новых трудовых отношений, так как трудовые практики, сложившиеся ко второй половине XX в., «уходят в историю», а построение новой концепции на основе отклонения от исчезающих явлений является просто фиксацией этого исчезновения. Но что идет на смену? Какую форму принимают новые трудовые отношения? Как это меняет жизнь людей? На эти вопросы может дать ответ только новая теория труда, способная определить его новое лицо и содержание. Мы уверены, что такая теория будет создана, и это позволит более адекватно анализировать окружающую нас социальную реальность, а не пребывать «в плену» понятий уходящей эпохи «золотого века наемного труда».

Список литературы

1. Бобков, В. Н. Занятость и социальная precariousзация в России: введение в анализ / В. Н. Бобков, О. В. Вередюк, Р. П. Колосова, Т. О. Разумова. – М.: ТЕИС, 2014.

2. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капельюшников. – М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2014.
3. Гасюкова, Е. Н. Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия / Е. Н. Гасюкова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8, № 6 (44). – С. 28–46.
4. Гимпельсон, В. Е. Нестандартная занятость в российской экономике / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капельюшников (ред.). – М.: Издат. дом ВШЭ, 2005.
5. Кученкова, А. В. Прекаризация занятости в сфере спорта: условия и мотивы труда тренеров по воздушно-спортивному эквилибру / А. В. Кученкова // Вестник РГГУ. – Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 2 (12). – С. 23–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-23-34
6. Колосова, Е. А. Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений / Е. А. Колосова // Вестник РГГУ. – Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 2 (12). – С. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42
7. Козина, И. М. Работники заемного труда / И. М. Козина // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 19–31.
8. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капельюшников. – М.: Издат. дом ВШЭ, 2017.
9. Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015.
10. Полякова, Н. Л. XX век в социологических теориях общества / Н. Л. Полякова. – М.: Логос, 2004.
11. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. – М.: Росстат, 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения 02.01.2019).
12. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>. (дата обращения 02.01.2019).
13. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. – М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения 01.01.2019)
14. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Маргинем Пресс, 2014.
15. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко. – М.: Наука, 2018.
16. Шкаратан, О. И. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 99–110.

Zh .T. Toshchenko, R. I. Anisimov. Precarious work in Russia: status and trends. The article is devoted to the analysis of unstable labor relations in Russia. Employees involved in these relationships are defined as precariat. These labor relations include employees a) employed in informal work, that is, those who do not have employment contracts; b) having short-term contracts (up to 1 year); c) involved in seasonal and episodic employment; d) having part-time employment, e) agreed to work on the conditions of leasing or borrowed labor. The article attempted to calculate the number of employees employed in precarious work, based on Rosstat data, the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the National Research University Higher School of Economics

(RLMS-HSE), an all-Russian sociological survey on precarious labour, organized by the Russian State University for the Humanity in 2018. The data obtained indicate a high prevalence of precarious groups in Russia, and their growth is a steady trend in the development of modern labor relations. The main characteristics inherent in all of these groups were identified, their impact on the economic and their effects was shown. social and political life of Russia.

Keywords: precariat, precarious work, informal employment, seasonal and fragmentary employment, part-time employment, borrowed labor.

М. И. Воейков¹

ГОСУДАРСТВО, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Рассматриваются проблемы влияния новой технологической революции на рыночную экономику. Показаны факторы ее трансформации, которыми выступают интеллектуальные блага и креативный труд. Интеллектуальные блага превращаются в интеллектуальную собственность исключительно под влиянием современного государства. Но современные технологии, цифровизация, интернет снимают оболочку частной собственности с интеллектуальных благ, делают их доступными для всех. В этих условиях общественная экономика приобретает новое качество, где целью становится не максимизация прибыли, а максимизация общественной полезности. В этой связи рассматриваются различные понимания экономики: традиционное, современное, расширительное.

Ключевые слова: государство, новая технологическая революция, интеллектуальная собственность, креативный труд, трансформация рыночной экономики, новое качество экономики, нономика.

УДК 332.354

Государство

О современном государстве в строго научном смысле этого слова можно говорить только после буржуазных революций, формирования капитализма и начатков гражданского общества. В научной литературе специально отмечается, что современное государство возникает где-то с XVII в. [15]. Таким образом, государство в традиционном понимании есть политическая форма существования буржуазного общества. Однако, за 200 лет произошли серьезные трансформации общества и государства. Современное общество уже нельзя понимать как исключительно и сугубо буржуазное. Ценности менового общества начинают вытесняться (но только начинают) ценностями гуманизма и социальности. Современное социальное государство – это не только общество рыночного обмена. Новая технологическая революция переделывает меновое общество в гуманистическое. Президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб пишет: «Благодаря четвертой промышленной революции появились новые продукты и услуги, которые практически бесплатно улучшают нашу жизнь как потребителей» [20, с. 26]. Общественный интерес начинает преобладать над индивидуальными экономическими интересами.

Главное в этой трансформации состоит в том, что государство из политической формы перерождается в экономического агента. Государство не только «погружается в

¹ Михаил Илларионович Воейков, зав. сектором политической экономии Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

экономику», но создает новое качество экономики. Экономические функции государства состоят уже не столько в извлечении прибыли из менового процесса, сколько в стабильном и благополучном развитии общества. Для буржуазного мира государство остается всего лишь политической надстройкой существования этого мира. Она не влезает в рыночный процесс производства и обмена, а лишь оформляет его. Государство здесь не есть предмет изучения экономической науки. Долгое время это оставалось непреложной истиной для экономической теории. Однако, времена меняются и к сегодняшнему дню накопилось много фактов и свидетельств существенной трансформации современного капиталистического общества. Государство начинает выполнять ключевую роль в экономической системе, что принципиально меняет само понимание этой системы. Экономика уже не только и не столько рыночный обмен между индивидуальными производителями, сколько процедура сложного согласования индивидуальных и общественных экономических интересов и поиска наиболее эффективных путей приращения общественной полезности. Когда-то Роза Люксембург бросила фразу: «Обмен управляет обществом». Да, так когда-то было. Сегодня – наоборот: общество в лице государства управляет обменом, в том числе и для поддержания самого обмена. Более того, новая технологическая революция обмен благ начинает заменять их распределением и часто даже бесплатным. Так, информация не обменивается, а распространяется, а иной раз даже навязывается (например, реклама).

Новая технологическая революция и регулирующая роль государства стали предметом научной дискуссии в современной экономической литературе. Так, С. Д. Бодрунов в своей новой книге пишет: «Новая структура экономики, новые компьютерные и интернет-технологии, индивидуализация производства и возрастание роли отдельного работника – все это должно было стать (и отчасти стало) основой сокращения роли государства (как регулятора экономики и социального протектора) и своеобразного ренессанса рыночных отношений и частной собственности» [4, с. 47]. Верно, конечно, что новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX в. уходит в прошлое. Но ренессанса рыночных отношений нет, как нет и ренессанса частной собственности, о чем сам С. Д. Бодрунов убедительно пишет в других местах. Например: «Рыночная (денежная) форма постепенно выхолащивается и отмирает» [4, с. 197]. И это совершенно верно. Но при этом регулирующая роль государства в экономике не сокращается, а наоборот – возрастает. Об этом с сожалением пишут многие либеральные экономисты [6]. Хотя есть экономисты, которые говорят об упадке государства. Так, М. Кревельд прямо указывает: «Государство, бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок» [9, с. 9]. С. Д. Бодрунов занимает более диалектическую позицию. В его самой последней публикации читаем: «Государство как институт не исчезнет в ноообществе, но претерпит принципиальные качественные изменения. Представляется, что со снижением значимости экономических отношений регулятивная функция государства в экономике будет снижаться, в то время как его роль в качестве «согласователя» интересов членов общества, общественных и частных интересов, касающихся развития личности, будет становиться все более значимой» [5, с. 14]. Думается, что это весьма продуктивная позиция. В любом случае какая-то форма самоорганизации общества, под которой и следует понимать государство, видимо, должна сохраниться. Подробнее эти вопросы освещены в докладе трех авторов Института экономики РАН «Экономическая природа государства: новый ракурс» [7].

Здесь, конечно, возникают вопросы о соотношении общества и государства. Насколько государство адекватно отражает интересы общества, не узурпировала ли элита общества государственную власть, не подменила ли общественные интересы своими собственными? Эти вопросы остаются открытыми и, пожалуй, самыми дискуссионными. Но у общества нет другого механизма самоорганизации кроме государства. Современное государство, вторгшись в экономическое регулирование, глубоко погрузилось в экономику, и само превращается в экономическую категорию. Все это должно вести к соответствующей трансформации экономической теории.

Технологическая революция и цифровая экономика

Итак, рост государства. Есть ли какая-то объективная причина, объективная составляющая этого процесса? На наш взгляд, основная объективная причина состоит в развитии более сложного производства и технологий, что отражается в трансформации многих сторон общества и прежде всего общественного производства. А с развитием цифровой экономики дело приобретает новое качество.

Интеллектуальная собственность. Основу цифровой экономики составляет интеллектуальная собственность. Принципиальное ее отличие состоит в том, что экономически значимой она становится лишь после оформления государством прав собственности. Без государства интеллектуальное благо будет просто благом, а не чьей-то собственностью. Интернет – это большой шаг к бесплатности информации и угасанию интеллектуальной собственности.

Иногда достижением интернета считают «свободный от оплаты контент», который как бы осуществляет коммунистические идеалы труда на благо общества. Это, конечно, верно, но привязывать свободный от оплаты контент к коммунистическим идеалам – это большая натяжка. Ибо можно пользоваться бесплатным контентом не потому, что его создатели очень любят человечество и готовы работать бесплатно. Совсем наоборот, многие блогеры не против заработать на своем контенте, но современные электронные технологии выводят информацию за пределы рыночного обмена. Информация не обменивается, а просто передается. Информация это не вещь, которую владелец передает другому, отчуждая от себя. Информация всегда остается с ее носителем и может тиражироваться множество раз. Информация это не товар и включается в рыночный обмен искусственно, благодаря «гримасам» современной рыночной экономики. Интеллектуальная собственность – это фантом, придуманный рыночными либералами и навязанный всему обществу. Информация (мысль, концепция, схема, проект и т. п.), которая сегодня является предметом интеллектуальной собственности, вообще собственностью быть не может, она не отчуждаема.

Собственность, как известно, есть отношение между людьми по поводу вещи. Когда человек продает вещь, он вступает в экономические отношения с другим человеком – покупателем. Они выясняют: что и сколько стоит, кто, кому и сколько должен и т. п. Это экономические отношения, порождаемые правом собственности на вещь.оборот информации не порождает никаких экономических отношений. Да и оборота информации никакого нет, она распространяется сама собой – как воздух или лучи солнца. Конечно, рыные рыночные либералы и солнце готовы превратить в рыночный товар, но его трудно упаковать и продавать поштучно. А вот некоторые абстрактные вещи, которые хоть как-то поддаются упаковке, рыночная экономика превращает в товар и объявляет интеллектуальной собственностью. Но и в данном случае продается не собственно информация, а ее материальный носитель (книга, дискета, планшет

и т. п.). Так что интернет делает великое дело – освобождает нужную людям информацию от рыночной оболочки. Поэтому интеллектуальная собственность как таковая – это тупик, куда заводит человеческую цивилизацию рыночная экономика. Как верно заметил один китайский профессор: «... пытаться защищать права интеллектуальной собственности в Китае или где бы то ни было – все равно, что подстегивать мертвую лошадь» [18, с. 99].

Экономическое значение интеллектуального блага порождается не экономическим процессом, а государством – без его помощи рыночная экономика сама собой не превращает интеллектуальное благо в товар. Но роль государства здесь обратная: вместо выведения некоторых материальных благ из рыночного процесса («общественные блага», «опекаемые блага» и т. п.) государство, наоборот, некоторые интеллектуальные блага включает в рыночный процесс. С цифровой экономикой это не получается и не получится, ибо в отличие от рыночной экономики, где производственные ресурсы ограничены, в цифровой экономике производственный ресурс (информация, цифра, бит и т. д.) безграничен. Единожды произведенная «цифра» может тиражироваться множество раз и использоваться миллионами потребителей без существенных материальных затрат. Как считает Клаус Шваб: «... реальность цифровой эры заключается в том, что многие новые компании предоставляют «информационные товары» с практически нулевыми затратами на хранение, транспортировку и тиражирование» [20, с. 23]. А это уже не рыночный обмен.

Изменения в труде. Современный научно-технический прогресс ведет к изменениям не только в технологиях, но и в характере труда, его творческого содержания, что влияет как на формы, так и на содержание рыночных отношений, обуславливает формирование новых границ рынка и генерирует новые возможности для его трансформации. Не меньшее влияние изменения в содержании труда оказывают на содержание и формы государственного регулирования экономического процесса.

В современной экономике имеются две разнонаправленные (противоречивые) тенденции. Первая – рыночные отношения распространяются на новые сферы, которые раньше относились к производству и потреблению общественных благ, не являющихся предметами рыночного обмена (например, культура, наука и т. п.). Вторая – ряд сфер, находившихся ранее в орбите рынка, переходит в сферу общественных благ (некоторая часть сферы здравоохранения, образования, безопасности, викиномика, копи-лефт и т. п.).

Появилось новое противоречие трансформации рыночных отношений под влиянием креативной деятельности. Это противоречие характеризуется, кроме противоположности, также единством и взаимодействием сторон. Вследствие прогресса креативной деятельности объем рыночных транзакций расширяется, но в то же время происходит и прямо противоположный процесс – возрастание роли и значения производства общественных благ. В цифровой экономике появляется противоречие между индивидуальной и всеобщей интеллектуальной собственностью. Последняя раскрывается как система отношений, обеспечивающих прямое и непосредственное присвоение каждым индивидом продуктов творческой деятельности (интеллектуальных благ), их неограниченную и бесплатную (свободную) доступность для каждого пользователя.

Однако собственность, как уже говорилось, – это отношение между людьми по поводу какого-либо блага. Когда креатор, создав какой-либо факт или идею, это не обнародует, отношения собственности еще не возникают, ибо нет отношений между людьми по поводу этого события. Собственность может возникнуть на форму выражения

этого факта или идеи, и в рыночной экономике эта форма приобретает товарное оформление. Как только интеллектуальный факт выходит на рынок, он приобретает характеристики всеобщей собственности – становится доступным всем без рыночного обмена. Форма выражения интеллектуального факта продолжает оставаться в рыночной сфере, но сам он (возможно, в иных формах) становится общедоступным.

На самом деле креативный труд подрывает рыночный обмен. Ибо интеллектуальный факт только на первых порах под влиянием определенной государственно-политической системы включается в товарные отношения, но сам по себе он ведет к подрыву этих отношений. Две тенденции в динамике рыночной экономики, в конечном счете, не противоречат друг другу, а трансформируют современную экономику в одном и том же направлении. Цифровая экономика объективно вытесняет рыночную экономику с помощью государства.

Трансформация современного капитализма

Перечислим некоторые новые явления современного капитализма, которые могут свидетельствовать об угасании рыночной экономики: возросшая степень концентрации производства и обусловленная этим сверхмонополизация капитализма; выведение золота и драгоценных металлов из денежного оборота и необеспеченность бумажных денег, появление фидуциарных денег; трансформация конкуренции из экономического явления в политическое, когда национальные государства обеспечивают привилегии своим национальным монополиям; диффузия экономического феномена собственности, превалирование юридической формы («права собственности»), угасание частной собственности на средства производства, когда корпоративной собственностью распоряжаются топ-менеджеры, а не акционеры (собственники); расширение экономической роли и функций государства – вплоть до жесткого регулирования рыночной экономики.

Таким образом, в современном мире многое изменилось: нет свободного рынка, нет свободной конкуренции, появились деньги как политический (уже не экономический!) институт. Экономика перетекает в политику. Напомним, что одним из важнейших выводов марксистской теории является положение об объективной неизбежности кризисов при капитализме. В любом виде и форме кризис – необходимый атрибут капитализма, средство его взбадривания. Некоторые праволиберальные экономисты считают, что это хорошо, ибо кризис, как генеральная уборка помещения, выметает из общества все дряхлое и нежизнеспособное. Конечно, мусор надо выметать, но лучше это делать каждый день, сознательно и планомерно, а не ждать, когда грянет буря и, разбив окно, ворвется в помещение и перевернет там все вверх дном. Как показал последний финансовый кризис, некоторые люди в результате покончили жизнь самоубийством. Что же тут хорошего? Нормальное общество не может успешно развиваться, переходя от кризиса к кризису. Такое общество обречено на исчезновение.

Не погружаясь в детальное описание недавнего кризиса, отметим его особенности. Во-первых, при всей своей похожести на классические экономические кризисы он не является обычным циклическим кризисом капиталистического воспроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и привел к определенным «опустошениям». Затронул он и реальный сектор экономики, но там опустошения оказались не столь значительными, как, например, при мировом кризисе 1929–1932 гг.

Одна из особенностей, о которой пишут меньше: этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. Даже политические лидеры ведущих стран мира заявляли о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, о том, что капитализм после кризиса должен стать иным. Даже если оставить за скобками политическую риторику, в заявлениях о настоятельной необходимости изменения капитализма есть объективная составляющая. Прежде всего, рыночная экономика как материальная база капитализма угасает. Возможно, угасает и сам капитализм – это мнение все чаще разделяют многие современные интеллектуалы. Так, американский экономист Л. Туроу пишет: «Вечные истины капитализма – экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы, – по-видимому, исчезают по мере того, как исчезают его враги. Что-то изменилось внутри самого капитализма...» [17, с. 11].

В капитализме что-то переворачивается, хотя рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности в защиту рыночной экономики времен средневековой первозданности. Наоборот, финансовые неурядицы и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. Американский экономист М. Ротбард утверждает: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению; во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой» [13, с. 114]. Если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. И это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т. е. формой политического соглашения и государственного регулирования, то это означает, что из-под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

Следующим элементом трансформации капитализма является усиление процесса концентрации производства и, стало быть, углубление и расширение монополизации современной экономики. Сегодня монополия не только стала фактом, она превратилась в фундаментальную основу трансформации современного капитализма. Об этом говорили западные экономисты еще лет 50 назад (хотя В. И. Ленин писал об этом еще 100 лет назад). Дж. Гэлбрейт в середине 1960–1970-х гг. писал: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [8, с. 40]. Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, которые трансформируют саму рыночную экономику. А сама рыночная система, по мысли Дж. Гэлбейта, «это мир мелких фирм». За последние 30...40 лет процесс концентрации производства заметно усилился. Происходят интенсивные процессы монополизации производства, ослабления конкуренции и соответственно – вытеснения рыночной экономики.

Другим важнейшим элементом трансформации является диффузия собственности и, если можно так сказать, угасание частной собственности. Для крупных корпораций характерна акционерная собственность, рассеянная среди тысяч мелких акционе-

ров. В такой корпорации нет реального собственника. Тот же Дж. Гэлбрейт пишет: «Власть собственников капитала, т. е. держателей акций, равна нулю» [8, с. 70]. Стратегические решения принимает высший менеджмент, который может быть просто наемным персоналом. Крупный американский инвестор и основатель второго в мире по величине индексного паевого фонда Vanguard Д. К. Богл, сокрушаясь по поводу разрушения рыночной экономики и фундаментальной трансформации капитализма («фондовый рынок превратился не просто в цирк, а в казино для спекулянтов», «капитализм движется в неправильном направлении» и т. п.), заключает, что «ответственность за этот подрыв капитализма лежит на распылении собственности в корпоративной Америке, в результате которого возник вакуум власти собственников» [2, с. 37]. Таким образом, частная собственность на средства производства в корпоративном секторе развитых западных стран исчезает, а значит, исчезает объективная основа капитализма. На ее место приходят технократические и бюрократические структуры, основным мотивом для которых является не укрепление мифической для них частной собственности, а развитие и процветание собственных структур. Современный капитализм чем-то начинает походить на бюрократические структуры советского общества.

Действительно, рыночная экономика и капиталистическое общество претерпевают фундаментальную трансформацию. Исчезает частная собственность на средства производства, деньги перестают быть рыночным инструментом регулирования рынка, концентрация производства и монополизация достигли наивысшей степени своего развития, когда введение плановой системы является объективной необходимостью, государство становится полным хозяином (даже диктатором) в рыночной системе.

Новая экономика, или ноономика

Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. И это видно на примере наиболее развитых западных государств: уже не рынок, а государство регулирует процент мяса в замороженной мясной пицце, поголовье кур в домашнем хозяйстве и пр. Это объективный и неизбежный процесс. Появляется новая экономика, или ноономика.

Термин *ноономика* предложил С. Д. Бодрунов в своей недавней книге, где вводит читателя в совершенно новую область понимания общественных процессов, где традиционной экономике (в общепринятом понимании) уже нет места. С. Д. Бодрунов пишет: «Дело в том, что сама экономика как спонтанный хаос разнонаправленных действий уходит с исторической арены» [4, с. 249]. И еще: «Экономика как сфера экономических отношений между людьми по поводу производства и обмена продуктов, вообще будет сжиматься вплоть до полного исчезновения» [4, с. 168].

Классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Более того, в искривленной современной экономике уже не вещи служат людям, а люди угождают вещам: модные бренды заставляют вполне нормальных с виду людей гоняться за новыми калошами или штанами (и платить за это большие деньги). С. Д. Бодрунов в своей книге называет все это «миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности». Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги), регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом), а государством. Государство же в процессе регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т. е. «потребностями благоустроенного общежи-

тия». Рыночный обмен остается, но цель государственного регулирования иная. Сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. Вот, на мой взгляд, истинное содержание термина «ноономика». Здесь необходимо прояснить само понимание экономики.

Итак, что такое экономика? Одни под словом экономика понимают производство материальных благ и сопутствующих услуг – это было советским расхожим штампом; другие – совокупность производственных отношений; по мнению третьих – это что-то совсем другое. Добавим, что в русском языке одним словом *экономика* определяется сама экономика, т. е. народное хозяйство и наука, которая изучает экономику.

В некоторых современных учебниках под названием «Экономика» вообще нет определения данного понятия. В хороших переводных учебниках часто дается определение экономики через определение предмета изучения экономической науки (экономикс). Так, в учебнике К. Макконнелла и С. Брю сказано: «Экономикс занимается проблемой эффективного управления ограниченными ресурсами» [11, с. 8]. Отсюда экономика – это эффективное управление ограниченными ресурсами. Но определять что-то через что-то – это как «штаны через голову надевать». Встречаются и совсем бессодержательные определения: «Экономика – система, координирующая деловую активность» [10, с. 28] (кстати, один из авторов – П. Кругман – лауреат Нобелевской премии). Получается, что сама деловая активность (авторы, видимо, хотели сказать производство) не есть экономика, а вот то, что ее координирует, авторы и называют экономикой. Но систем координации деловой активности может быть несколько: полицейская, юридическая, политическая и т. п.

Если существует такая изрядная путаница по ключевому термину экономической науки, то чего ждать от остальных теорий, гипотез, моделей, утверждений.... На эту неясность в свое время обратил внимание М. И. Туган-Барановский: «Экономисты мало спорят или вовсе не спорят относительно понятия хозяйства, но не потому, чтобы относительно него господствовало между ними полное согласие. Большинство экономистов просто не чувствует потребности в точном определении центрального понятия своей науки. Между тем, неясность в этом исходном пункте должна внести неясность во все последующие» [16, с. 3]. Но если мы профессиональные экономисты, то во всем этом надо разбираться.

Традиционное понимание. Начнем с устоявшегося определения. Как известно, термин *экономика* восходит к античным временам (от греческого – *oikonomike*), когда под ним понимали искусство управления домашним хозяйством. Т. е. в нашем устоявшемся понимании экономика – это народное хозяйство или «хозяйственный строй общества». Менее четкое определение экономики дает Л. И. Абалкин: «1) совокупность производственных отношений исторически определенного способа производства, экономический базис общества; 2) народное хозяйство страны, включающее соответствующие отрасли и виды производства, или его часть; 3) отрасль науки, изучающая функциональные или отраслевые аспекты экономических отношений» [1, с. 438]. Правда, в той же статье Л. И. Абалкин добавил, что экономика включает «и отрасли непродуцированной сферы, или нематериального производства (просвещение, здравоохранение, культура и др.)». В советское время на то, что культура – это экономика, мало обращали внимания, сейчас же это может поставить человека в тупик. Культура и образование – это никак не хозяйственная деятельность. Другое дело новое понимание экономики (или ноономики).

Весьма сомнительно феодальный строй общества называть экономикой, ибо там производственных отношений как определяющих просто не возникало. Отношения в крестьянской семье строились не на эквивалентной экономической основе, а на основе родства. Феодал (или помещик) заставлял крестьян работать на себя силой, а не посредством эквивалентного экономического обмена. Прав Р. Хайлбронер, когда пишет: «Пока все проблемы решались по традиции или в соответствии с приказами сверху, не могло быть и речи об отдельной области знаний, именуемой «экономикой» [19, с. 22]. В феодальном обществе не возникало экономических проблем, ибо у производителей (а это в основном были крестьяне) не было выбора.

Наши дореволюционные экономисты чаще употребляли термин «народное хозяйство», чем «экономика». Например, в учебнике «Основы политической экономии» М. И. Туган-Барановского первый отдел так и называется «Общее учение о народном хозяйстве» [16]. Думается, это объясняется довольно просто. Русский термин «народное хозяйство» есть прямой перевод немецкого термина «Volkswirtschaft». А в дореволюционной России основным иностранным языком считался немецкий, которым сносно владели почти все преподаватели университетов. Многие из них проходили стажировку в Германии «для приготовления к профессорскому званию». Сегодня, видимо, по причине господства английского языка значительно чаще используется слово «экономика» для обозначения и народного хозяйства, и специальной науки. Но под словом экономика лучше понимать нечто иное, нежели народное хозяйство. По крайней мере, это демонстрируют современные учебники «экономикс».

Продвинутое понимание. Приведем определение науки, которая изучает экономику (economics), по П. Самуэльсону: «Экономика (экономическая теория) – это наука, изучающая, как общество использует ограниченные ресурсы для производства полезных товаров и распределения их между людьми». И дальше идет важное дополнение: «В этом определении выражены две ключевые идеи экономики: количество товаров является ограниченным, и общество должно эффективно использовать имеющиеся ресурсы» [14, с. 29]. Такой подход широко используется во многих учебниках «экономикс», он же воспроизводится в некоторых отечественных учебниках. Так, в одном учебнике, на мой взгляд, правильно пишут: «Экономика как таковая не существовала в докапиталистическую эпоху ... Экономика же появляется там и тогда, когда производство материальных благ «управляется» такими механизмами, которые основаны на ценовых сигналах, т. е. колебаниях рыночных цен, динамике прибылей и убытков и т. п. Все это – атрибуты рыночного хозяйства. Следовательно, строго говоря, экономика – это синоним не слова «производство», а категории «рыночное хозяйство» [20, с. 45]. Мы уже приводили пример средневекового крестьянина, который занимался хозяйством, а не экономикой. У него не было выбора. Или, как пишет Хайлбронер: «... время для открытия такой потрясающей социальной конструкции, как «рынок», еще не наступило» [19, с. 30]. С появлением рынка и появляются экономика, экономический расчет, экономический выбор, проблема оптимизации и все остальные категории.

Таким образом, под термином экономика в современных учебниках понимается рыночная экономика, т. е. максимизация прибыльности и минимизация издержек производства при ограниченности ресурсов. И важным элементом современного понимания экономики является конкуренция.

Однако современные процессы в социально-экономическом развитии вызывают потребность переосмысления этого «продвинутого» понимания экономики. Таким образом, согласовать культуру и экономику можно, если перейти к более широкому пониманию последней.

Расширение экономики. Современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали еще советские экономисты, стало сегодня совершенно бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть частной, она всегда носит общественный характер. Меняется и понимание самой экономики.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но и в экономии времени, усилий, получении большего удовольствия и благополучия – в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса: «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [12, с. 117].

Таким образом, государство подминает рынок, замещает его. Но экономические процедуры остаются и даже расширяются. Государство мало интересуется прибылью индивидуальных производителей, его цели значительно шире и сложнее. Но экономить усилия, средства и время государство тоже должно. В этом и состоит новое качество экономики и ее новое понимание.

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, – это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Но классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги), регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом вещей), а государством. При этом государство не отвергает экономический индивидуализм, но гармонизирует его с общественными интересами.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Экономика / Л. И. Абалкин // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: Т. 4. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.
2. Богл, Д. К. Битва за душу капитализма / Д. К. Богл. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
3. Бодрунов, С. Д. Концепция нового индустриального развития России / С. Д. Бодрунов. – М., СПб., 2013.
4. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.
5. Бодрунов, С. Д. Государство и революция / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1(59).

6. Воейков, М. И. Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма / М. И. Воейков // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2.
7. Воейков, М. И. Экономическая природа государства: новый ракурс / М. И. Воейков, А. Е. Городецкий, Р. С. Гринберг. – М.: ИЭ РАН, 2018.
8. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1976.
9. Кревельд, М. Расцвет и упадок государства / М. Кревельд. – М.; Челябинск: ИРИ-СЭН; Социум, 2016.
10. Кругман, П. Основы экономикс / П. Кругман, Р. Велле, М. Олин. – СПб.: Питер, 2012.
11. Макконнелл, К. Р. Экономикс: проблемы и политика: в 2 т. – Т. 1 / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М.: ИНФРА-М, 2003.
12. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1968.
13. Ротбард, М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества / М. Ротбард. – Челябинск: Социум, 2008. – С. 114.
14. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – 16-е изд. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2005. – 688 с.
15. Соколова, Р. И. Государство в современном мире / Р. И. Соколова, В. И. Спиридонова. – М.: ИФ РАН, 2003.
16. Туган-Барановский, М. И. Основы политической экономики / М. И. Туган-Барановский. – 3-е изд. – Петроград, 1915. – 593 с.
17. Туроу, Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу. – Новосибирск, 1999. – С. 11.
18. Фэн Сян. Конец интеллектуальной собственности: проблемные аспекты за рамками «китайской модели» / Фэн Сян // Альтернативы. – 2015. – № 1. – С. 99.
19. Хайлбронер, Р. Философы от мира сего / Р. Хайлбронер. – М.: Изд-во Колибри, 2008.
20. Чепурин, М. Н. Курс экономической теории / М. Н. Чепурин, Е. А. Киселева (ред.). – Киров, 1994.
21. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2018. – 288 с.

M. I. Voeikov. The state, the technological revolution and the new economy. The article deals with the problems of the influence of the new technological revolution on the market economy. The factors of its transformation, which are intellectual benefits and creative work, are shown. Intellectual goods are transformed into intellectual property exclusively under the influence of the modern state. But modern technologies, digitalization, the Internet, remove the shell of private property from intellectual goods, make them accessible to all. Under these conditions, the public economy acquires a new quality, where the goal is not to maximize profits, but to maximize social utility.

Keywords: state, new technological revolution, intellectual property, creative work, transformation of market economy, new quality of economy, noonomy.

А. Е. Городецкий¹

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Исследованы основные этапы развития систем регионального стратегического планирования и управления в условиях рыночных и административных реформ 1990-х–2000-х гг., сформировавших облик системы государственного управления современного типа и поставивших вопросы о создании системы государственного стратегического планирования в Российской Федерации. Определены основные причины и факторы сегодняшнего состояния системы планирования, определены основные направления его развития как ядра в структуре общего стратегического контура регулирования социально-экономического развития страны. Проанализированы долговременные тренды и периодика развития государственного стратегического регионального планирования на примере Пермского края.

Ключевые слова: государственное стратегическое планирование, региональное стратегическое планирование, региональная социально-экономическая политика, стратегическое управление, проектный офис, функционально-целевая модель управления, организационная схема управления.

УДК 330.352

Существует довольно обширное законодательство о прогнозировании и государственном стратегическом планировании. В настоящее время приняты:

- Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ (в ред. федеральных законов от 23.06.2016 № 210-ФЗ, от 03.07.2016 № 277-ФЗ, от 30.10.2017 № 299-ФЗ, от 31.12.2017 № 507-ФЗ).
- Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
- Постановление Правительства РФ от 30.12.2016 № 1559 «Об утверждении Правил общественного обсуждения проектов документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации, с использованием федеральной информационной системы стратегического планирования».
- Постановление Правительства РФ от 18.05.2016 № 445 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».
- Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

¹ Андрей Евгеньевич Городецкий, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Действуют модельные законы:

- «О стратегическом прогнозировании и планировании социально-экономического развития «Приложение к постановлению МПА СНГ от 28.11.2014 г. № 41-10 Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств».

- «О документах стратегического прогнозирования и планирования «Приложение к постановлению МПА СНГ от 13 апреля 2018 года № 47-12 Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств».

В целом в РФ в 2014–2019 гг. принято порядка 49 дополнительных, сопутствующих нормативных правовых актов.

Однако, по мнению большинства специалистов, принятый в 2014 г. Федеральный закон (№172-ФЗ) не удается имплементировать в систему законодательства и законоприменения. Еще сложнее ситуация на субфедеральных уровнях, что усугубляет положение. Все дело в том, что данный закон очень плохо вписывается в действующую модель развития, выстроенную на неолиберальной идеологии, и соответствующую систему государственного управления. И наконец, утрачены культура и институты долгосрочного планирования, нет квалифицированных специалистов. Современные практики видят главные проблемы в разработке так называемых имитационных моделей. Но, во-первых, вопрос о нормативно-методических основах планирования не исчерпывается наличием или отсутствием этих важных инструментов, о чем свидетельствует не только зарубежный опыт. Во-вторых, принципиально важный вопрос – что «имитировать»? – остается фигурой умолчания. Поэтому ни к чему не обязывающий «прогноз» – на год, на пять, а то и на пятьдесят лет – остается доминирующим методом и инструментом государственного регулирования вместо государственного стратегического плана.

Методологически важно различать исторические модели планирования:

- социалистического директивного народнохозяйственного планирования;
- индикативного планирования, сложившегося в послевоенный период в Европе и новых индустриальных странах Дальнего Востока (в рамках модели «развивающего государства»);
- современное государственное стратегическое планирование.

Последнее опирается на проектно-программные методы, акцентирует внимание не на выполнении контрольных показателей, а на достижении стратегических целей и приоритетов. В системах государственного стратегического планирования большее внимание уделяется регионам и муниципальным образованиям.

Качественные сдвиги происходят в моделях и методах прогнозирования: в современных условиях все большее место занимает называемый «форсайт» – предвидение и управление будущим, в отличие от традиционного прогноза (прогнозные расчеты и варианты достижения возможного будущего).

Известны такие базовые теоретические модели, как модели стратегического планирования И. Ансоффа; Гарвардской школы бизнеса – Гарвардской группы; Г. Стейнера. На этой основе предложена обобщенная модель, в которой можно выделить следующие ключевые моменты:

1. Стратегическое планирование представляет собой непрерывный процесс, состоящий из трех этапов: анализа, установления целей, выбора варианта развития.
2. Стратегии развития на каждом уровне должны быть скоординированы.
3. Необходимо предусмотреть возможность корректировки стратегии с учетом изменения внешних условий, а также возможностей для реализации.

Представленная обобщенная модель (рис. 1)² достаточно полно характеризует структуру планирования: ее логику и основные этапы реализации процесса разработки стратегического плана. Но она, по сути, инертна к «времени и месту», особенностям экономической системы, ее институтов, сложившимся механизмам и инструментарию планирования. Модель, построенная с учетом содержательных особенностей российской системы государственного стратегического планирования, ее институциональных форм, нормативно-методических основ, будет выглядеть более конкретно и предметно³ (рис. 2).

Анализ экономики Пермского края показывает, что при неплохих позициях на фоне региональных экономик Приволжского федерального округа (ПФО) по целому ряду показателей наблюдается застой, характерный для российской экономики в целом. Это связано с хроническими проблемами региональной экономической политики как на уровне региона, так и муниципальных территорий, отсутствием современной и эффективной системы регионального стратегического планирования, сбоями в реализации региональных программ и проектов, в том числе на уровне моногородов.

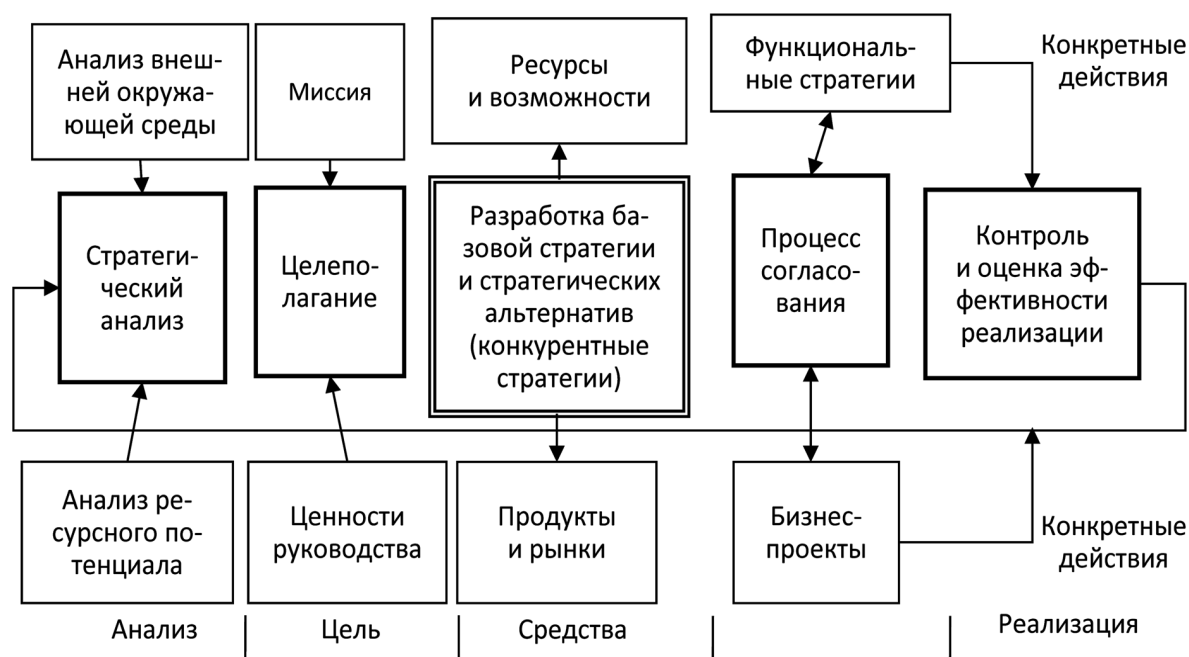

Рис. 1. Обобщенная модель государственного стратегического планирования

² Инфографика здесь и далее см.: Городецкий А. Е., Ганин О. Б., Ганин И. О. Генезис государственного стратегического планирования и его современное состояние в Пермском крае // Аудит и Финансовый анализ. 2018. № 5. С. 205–2012.

³ Источник: Краткосрочные и долгосрочные угрозы и риски России в условиях обострения международных отношений и пути их минимизации: Стратегический анализ / отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: Московская ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Рис. 2. Обобщенная схема системы документов стратегического планирования в соответствии с законом № 172-ФЗ

Действует и фактор общей архаичности механизмов региональной экономической политики, ее привязанности к текущим проблемам регионов, практике затыкания тех или иных дыр, упованием на помощь и поддержку федерального центра и, соответственно, невысокую активность в сфере стратегического планирования регионального развития.

Региональная политика привержена популизму, который расцветает в период избирательных циклов. Эта политика не способна реализовывать такие масштабные задачи, как формирование и реализация стратегических целей и приоритетов, в том числе региональных; она в значительной степени зависит от личного фактора и личных качеств региональных руководителей. Поэтому принятие и имплементация в управленческие практики новых региональных законов о региональном стратегическом планировании потребует существенного обновления основ региональной экономической политики.

Как видно из таблицы, в 2010–2015 гг. выпуск в основных ценах и промежуточное потребление демонстрировали вялый рост (к 2010 г.); валовой региональный продукт (ВРП) (валовая добавленная стоимость в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году) после довольно высоких темпов в 2010 и 2011 гг. в последующем резко упали, а в 2015 г. показали спад. Это довольно логично – с учетом процентной политики Центробанка это вполне сочеталось с низкой инфляцией. Характерно, что показатели ВРП на душу населения по базовому индексу показывали незначительный устойчивый рост.⁴

⁴ URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/13bffe0040742840a987ef367ccd0f13/1.1.html

Исторически можно выделить три основных этапа в развитии систем управления и стратегического планирования:

Первый этап можно отнести к постсоветскому периоду развития Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа; охватывает период 1991–2000 гг. Ключевые персоналии: Б. Ю. Кузнецов – губернатор Пермской области с 1991 по 1996 г.; Г. В. Игумнов – губернатор Пермской области с 1996 по 2000 г.

Второй этап: «старая школа» – новые подходы. Новый объект управления – Пермский край; период – 2000–2017 гг. Ключевые персоналии: Ю. П. Трутнев – гу-

Динамика валового регионального продукта

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Выпуск в основных ценах, млн р.	1362493,5	1772117,9	1871348,2	1995768,7	2144112,3	2289797,4
% к 2010 г.		1,30	1,37	1,46	1,57	1,68
Промежуточное потребление, млн р.	739376,7	932016,8	1011005,5	1115504,2	1169919,4	1241778,8
% к 2010 г.		1,26	1,37	1,51	1,58	1,68
Валовой региональный продукт (валовая добавленная стоимость) в основных ценах, млн р.	623116,8	840101,1	860342,7	880264,4	974192,9	1048018,6
Валовой региональный продукт (валовая добавленная стоимость) (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	107,4	108,3	100,6	100,8	103,3	99,6
Индекс-дефлятор ВРП, в разгах к предыдущему году	1,1	1,2	1,1	1,0	1,1	1,1
Валовой региональный продукт на душу населения (в основных ценах), р.	235930,6	319149,5	326782,7	334027,2	369489,3	397621,4
% к 2010 г.		1,35	1,38	1,42	1,57	1,68
Валовое накопление основного капитала, млн р.	140410,7	145968,8	163837,3	226318,0	214613,0	240029,8
% к 2010 г.		1,04	1,17	1,61	1,52	1,71

губернатор Пермской области с 17 декабря 2000 г. по 11 марта 2004 г.; О. А. Чиркунов – губернатор Пермского края с 25 марта 2004 г. по 28 апреля 2012 г.; В. Ф. Басаргин – губернатор Пермского края с 5 мая 2012 г. по 6 февраля 2017 г. (врио с 28 апреля по 5 мая 2012 г.).

Третий этап связан с выборами нового «назначенца из Москвы» – анонсирован технократический подход; период – с 2017 г. по настоящее время. Ключевая персона: М. Г. Решетников – губернатор Пермского края с 18 сентября 2017 г. (врио с 6 февраля по 18 сентября 2017 г.) по результатам прямых выборов, состоявшихся 10 сентября 2017 г.

В основе периодизации этих этапов лежат эволюция систем государственного регионального управления (в широком смысле, включая механизмы целеполагания, стратегирования и прогноза, региональной экономической политики и институтов ее реализации), а также политические программы, стилевые особенности руководства губернаторов, их администраций, приходивших в разные периоды времени в структуры власти и государственного регионального управления.

Каждый этап характеризуется либо пресловутыми управленческими новациями, либо преемственностью / инерционностью в использовании тех или иных подходов к стратегическому планированию социально-экономического и пространственного развития Пермского края и имеет конкретную политическую и профессионально-квалификационную окрашенность в зависимости от личных качеств главы региональной / краевой администрации, его команды, корпуса советников, консультантов и привлекаемых экспертных групп.

На первом этапе (с 1990-х гг. до начала 2000-х гг.) шла во многом спонтанная пространственная реструктуризация пермской региональной экономики, осуществлялся поиск новых возможностей выживания и развития, преодоления кризисных процессов:

- выстраивание современных институтов регионального управления с акцентом на сглаживание пространственной поляризации административно-территориальных единиц;
- определение основных свойств экономического пространства Пермского края, обусловленных неоднородностью социально-экономического пространства, его асимметрией;
- выделение полюсов роста в структуре краевой экономики, формирование новых научных представлений о ее состоянии (структуре – отраслевой и территориальной) и возможных векторах развития;
- отсюда – обоснованная попытка осуществить прогнозы развития и определить концепции и/или программы их реализации.

Это позволило приступить к широкомасштабному экспериментированию в области создания основ стратегического управления, освоения методологии проектного офиса.

Буквально на ходу шло обоснование методов проектного управления, была разработана и апробирована функционально-целевая модель управления; проводились активные поиски путей внедрения института проектного офиса, разработки новых организационных структур. Ставка была сделана на варягов – команды профессиональных экспертов и научных консультантов со стороны.

Были получены следующие положительные результаты: экономика и управление форсированно (нередко с помощью шоковых методов) адаптировались к рынку

(в том виде, как он понимался на местах); шла апробация (с переменным успехом) методов из арсенала так называемого государственного менеджмента, который активно внедрялся в ходе реформ государственного управления и государственной службы на Западе на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг., а также форсайта, который за рубежом стал одним из базовых в системе государственного стратегического планирования; выстраивались новые организационные схемы стратегического управления.

Но обнаружились и серьезные минусы:

- опора на классические административные схемы реализации («продавливание») разработанных стратегий регионального социально-экономического развития, программ, моделей управления, которые либо не исполнялись, либо давали результаты, противоположные ожидаемым;

- неудачными оказались попытки организации регионального и муниципального управления исключительно на конкурентно-рыночных принципах, по схемам корпоративного и финансового менеджмента; бизнес и инвестиции из других регионов не спешили в пермские края за «льготами и посулами», а местные предприниматели активно осваивали преференции, но без ожидаемой конкуренции извне не стремились к результатам, на которые рассчитывала администрация края;

- не оправдала себя ставка на «пришлые» экспертно-аналитические команды – они не заменили профессиональных управленцев-чиновников, а должного доверия и взаимодействия между ними добиться не удалось;

- возврат к традиционным манипуляциям с оценочными показателями, характеризующими результаты реализации программ и проектов, при обнаружении провала в их исполнении. Качество разработки и реализации программ закономерно упало.

Начиная с 2014 г. была предпринята попытка прозондировать другие возможности проектного управления, в частности, в сфере реализации государственных программ. Для этого были:

- систематизированы элементы региональной модели управления (синтез элементов проектно- и процессно-ориентированных моделей);

- органы власти объединены в функционально-целевые и функциональные блоки (ФЦБ/ФБ) в соответствии с функционально-целевыми направлениями (ФЦН);

- в рамках каждого ФЦН сформированы портфели проектов;

- региональная модель управления адаптировалась для муниципальных образований (ФЦБ на уровне органов муниципального стратегического управления (ОМСУ), соглашения о достижении целевых показателей).

В развернутом виде организационная модель стратегического управления выглядела следующим образом (рис. 3).

Но, как это часто бывает, идея, может, была хороша, но исполнение оказалось «не очень». В 2014 г. по решению Совета по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов РФ [1] были определены пилотные площадки для внедрения проектного управления, разделенные на два уровня. Основное требование к пилотным площадкам – поддержка проектного управления на уровне руководителя органа исполнительной власти региона. При этом площадки первого уровня должны были иметь успешный опыт внедрения проектного управления, второго уровня – иметь опыт внедрения элементов проектного управления и квалифицированный персонал, владеющий методологией профессионального проектного управления. В число площадок первого уровня вошли Белгородская область, Пермский край и Ярославская область [31].

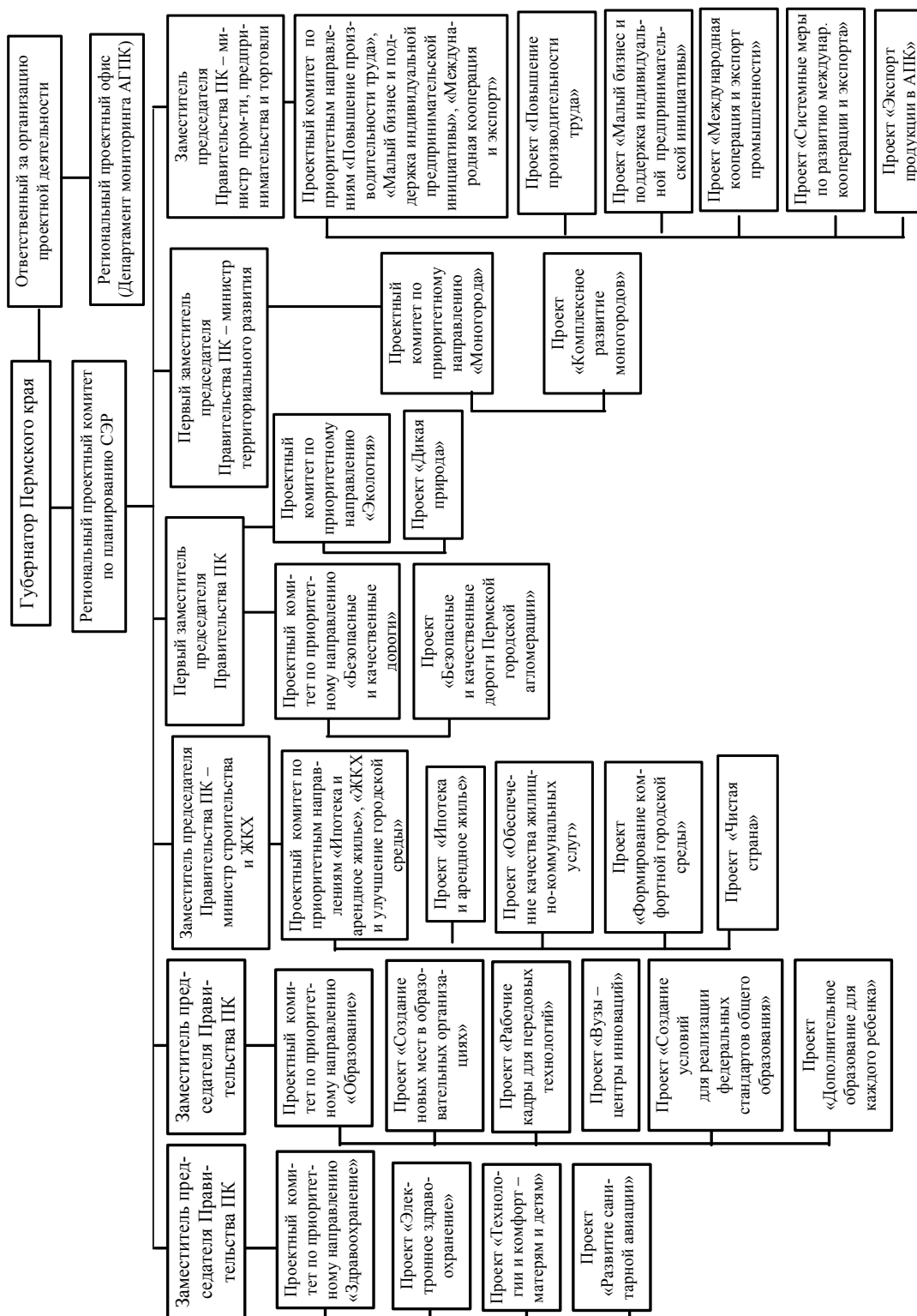

Рис. 3. Организация проектного управления в органах государственной власти Пермского края

Отметим, что существенного продвижения в реализации методов проектного управления в Пермском крае не наблюдалось даже после выхода постановления Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ» от 15 октября 2016 г. №1050. Итогом формирования системы стратегического планирования стала управленческая система, которая так и осталась экспериментальной

После принятия соответствующих документов на федеральном уровне региональные документы не были доработаны и специфицированы на краевом уровне, их реализация была практически заморожена. Финальным аккордом развития практики проектного управления этого периода стало распоряжение Правительства Пермского края «Об утверждении Положения и составов проектных комитетов по основным направлениям стратегического развития РФ» от 3 февраля 2017 г. №20-рп. Однако, по свидетельству экспертов и специалистов в краевом правительстве, проектные офисы так толком и не заработали [23].

Приглашенная из столицы группа экспертов сделала попытку разработать более приближенную к действительности схему регионального стратегического планирования, вписанную в вертикаль общегосударственной системы стратегического планирования, сочетающую проектно-программные, пространственно-территориальные и отраслевые начала, учитывающую планово-управленческие особенности, сложившиеся в ходе предшествующих экспериментов. Рассматривались и другие возможности проектного управления, в частности, в сфере реализации государственных программ. Для этого были:

- систематизированы элементы региональной модели управления (синтез элементов проектно- и процессно-ориентированных моделей);
- органы власти объединены в ФЦБ и ФБ в соответствии с функционально-целевыми направлениями (ФЦН);
- в рамках каждого ФЦН сформированы портфели проектов;
- региональная модель управления адаптировалась для муниципальных образований (ФЦБ на уровне органов муниципального стратегического управления (ОМСУ), соглашения о достижении целевых показателей).

Модель этой схемы (рис. 4) так и осталась экспериментальной.

В 2017–2019 гг. происходит возврат к «технократическому подходу». Ставка делается на привлечение в структуры власти универсальных «эффективных управленцев», владеющих технологиями управления; заметно сокращается поле для управленческих экспериментов; взят курс на закрепление накопленного опыта выстраивания проектно-стратегических структур.

Принципиальные выводы таковы: незавершенность и определенное замораживание процессов создания системы регионального стратегического планирования; наличие многих нерешенных проблем; дефицит свежих идей и концептуальных разработок, соответствующего нормативно-правового и нормативно-методического инструментария. Фактор принятия новой стратегии пространственного развития РФ и новые подходы к структуризации экономического пространства требуют серьезного обновления концептуально-стратегического подхода к государственному (региональному) стратегическому планированию.

Проблема развития государственного стратегического планирования неоднократно озвучивалась Президентом Российской Федерации; развернутая критика со-

стояния вопроса представлена в выступлении Секретаря Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушева на совещании по вопросам стратегического планирования.⁵

На субфедеральном уровне дело обстоит не менее остро. Исследование регионального среза проблемы подводит к следующим выводам и результатам.

Сегодня продвижению в жизнь государственного стратегического планирования во многом мешают косность и непрофессионализм чиновников, а также фобии и предубеждения против планирования в целом. Существует непонимание того, что оно реализуется в разных исторических моделях и совершенно не означает возврата к советскому директивному планированию, которое выполнило свою историческую миссию и от которого мы ушли. Чтобы преодолеть эти фобии и предубеждения, а также не пытаться внедрять устаревшие модели, необходимо строго разграничивать исторически сложившиеся модели планирования:

- социалистическое директивное народнохозяйственное планирование;
- индикативное планирование, сложившееся в послевоенный период в Европе и новых индустриальных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии;
- современное государственное стратегическое планирование с упором на развитие форсайт-методологии в прогнозировании; проектно-программных методов, в частности региональных проектов и программ; смещением внимания с выполнения контрольных показателей на достижение стратегических целей и приоритетов;
- процессы универсализации институтов стратегического планирования в связи с их укоренением в системе глобального управления (ООН, международные промышленные, финансово-экономические и торговые организации, региональные интеграционные объединения; транснациональные корпорации и управление цепочками создания добавленной стоимости).

⁵ В частности, было отмечено, что основу нормативной правовой базы стратегического планирования составляет федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». На фоне значительного количества принимаемых документов стратегического планирования их единая архитектура не выстроена. Отсутствуют стратегия социально-экономического развития страны и стратегия пространственного развития России. Документы характеризуются отраслевой изолированностью, отсутствием стратегических ориентиров для бизнеса и регионов и практически не используются в процессе выработки и принятия решений. Не всегда прослеживается взаимосвязь между стратегическими целями и бюджетным процессом. При разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития вопросы национальной безопасности рассматриваются формально.

В связи с этим особое внимание уделено переходу от разработки отдельных документов к формированию системы стратегического планирования, что позволит оценить весь спектр задач развития страны и национальной безопасности, обеспечить взаимосвязь долгосрочных целей стратегий и государственных программ, а также ресурсов для их реализации.

Подчеркнуто, что важным шагом в совершенствовании государственного управления должно стать безусловное выполнение Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года», а также единообразие подходов к реализации определенных в указе национальных целей со стратегическими задачами и приоритетами, утвержденными Стратегией национальной безопасности РФ.

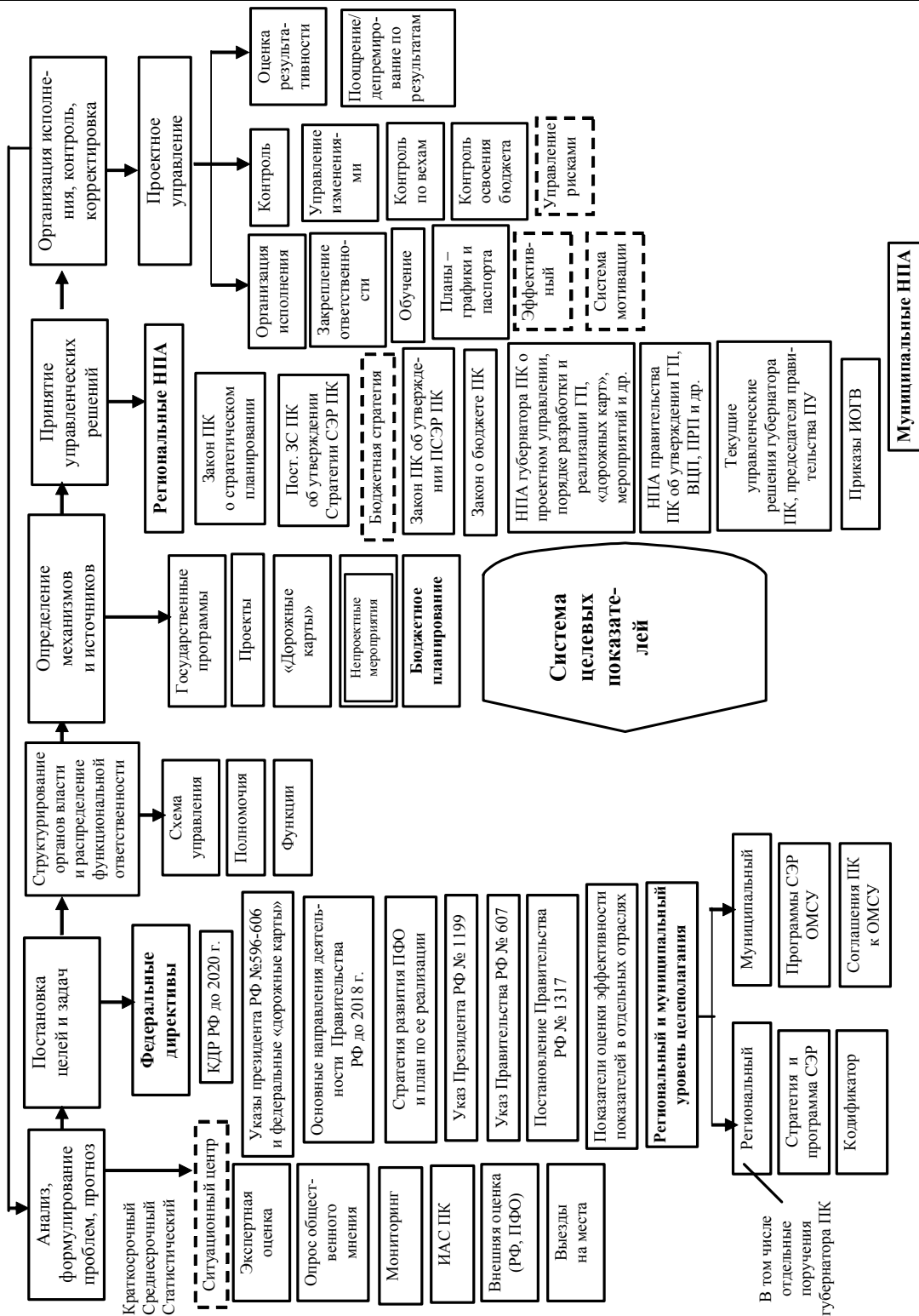

Рис. 4. Экспериментальная модель управления

Не менее важно видеть специфику России, воздействующую на типологию стратегического планирования, выбор целей и приоритетов, характер ресурсных ограничений, существо социальных проблем – использование модели догоняющего развития, специфика экономики с развивающимися рынками; особенности федеративного устройства и пространственной структуризации экономики и управления; глубокое социально-экономическое неравенство российских регионов с точки зрения уровня и динамики развития; характер экономических и институциональных реформ, вызовы и императивы ускоренного социально-экономического развития и преодоления технологического отставания от высокоразвитых стран – лидеров современного мира.

Необходимо целенаправленно и системно формировать структуру и механизмы функционирования стратегического каркаса (контура) социально-экономического развития и безопасности («венки» государственных стратегий, определяющих основополагающие направления развития экономики и государства), ядром которого и является государственное стратегическое планирование. Основные черты такой модели планирования – научное предвидение облика желаемого будущего, учет и согласование широкого круга социальных интересов в процессах стратегического целеполагания и распределения ресурсов. Само будущее определяется не только как некая объективно детерминированная и научно просчитанная реальность, но и как итеративный процесс определения общих (общенациональных) интересов власти и бизнеса, власти и гражданского общества, внутриэлитного консенсуса, диалога властвующей элиты и широкого спектра социальных групп, гражданских институтов.

Исследование основных трендов развития экономики Пермского края, его места на фоне развития региональных экономик Приволжского федерального округа (ПФО), России в целом, причин образования застойных явлений по целому ряду экономических показателей показало, что это связано не столько с внешними причинами (стагнация, санкции), сколько с хроническими проблемами региональной экономической политики (на уровне региона и муниципальных территорий), отсутствием современной и эффективной системы регионального стратегического планирования, сбоями в реализации региональных программ и проектов, в том числе на уровне моногородов.

Система регионального стратегического планирования требует определения задач второго уровня методологии стратегического планирования в регионе с учетом особенностей его развития, сложившихся экономических и социокультурных отношений с окружающими регионами. На первый план выходит задача разработки актуальной стратегии социально-экономического и пространственного развития Пермского края как совокупности экономических районов, каждый из которых имеет свою специфику и, следовательно, требует своей стратегии.

Эти стратегии должны иметь единую методологическую базу и единый, общий для всех, вектор регионального развития. Данные PEST-анализа подсказывают, что такими векторами являются мини-кластерный подход, промысловые формы производства, сохранение культурного кода территорий. При этом актуальным становится переход к анализу ситуации «изнутри», с позиций перспективы развития отдельных муниципальных образований Пермского края и их объединений (агломераций, экономических районов, ареалов расселения). Динамика социально-экономического развития, условий труда и жизни требует перехода от трендовых, инерционных подходов к планированию и прогнозированию к более креативным методам, использующим методологию форсайта и футуристического подхода к формированию экономического развития отдельных территорий, нарастающей дифференциации в условиях будущего каждой

социально-экономической системы. При этом масштабный уровень «регион» должен определять направления анализа, прогноза и целеполагания остальных уровней стратегирования – как федерального, так и муниципального.

Решение этой задачи предполагает стратегический, а не формально долгосрочный прогноз, т. е. не столько цифры и тренды (хотя они также нужны), сколько целеполагание с учетом «окон возможностей» и вариантов сценарного выбора. При этом к процессу выработки стратегий должны быть подключены не только внешние эксперты, но и проживающие на конкретных территориях участники этого процесса, представляющие в полном объеме потенциал своей территории (представители «групп влияния» и стейкхолдеры.)

Разграничение оценок достигнутых результатов на краткосрочных и долгосрочных временных отрезках дает двойственную картину накопленного опыта.

На краткосрочных временных отрезках хорошо прослеживаются недостатки каждого из них, дискретность в региональной экономической политике в зависимости от политической конъюнктуры, лозунгов текущего момента, личных качеств и мотиваций конкретных руководителей, часто – работа на «галочку» и оценочный показатель. В долгосрочном аспекте эта же политика дала и иной результат. Получен бесценный опыт апробирования современных механизмов стратегического целеполагания, прогнозирования с использованием элементов форсайта, пространственного анализа и стратегирования краевой экономики, разработки реальной картины и структуры экономики на региональном и муниципальном уровнях, прощупывания базовых направлений и долгосрочных трендов социально-экономического развития, овладения современными рыночными механизмами экономического регулирования.

Этот же опыт подсказывает направление развития стратегических и программно-проектных институтов. Для их успешного развития необходимо:

- выстроить взаимосвязи системы базовых стратегий, формирующих стратегический контур государственного регулирования и управления, собственно, государственного стратегического планирования и региональной экономической политики; выстроить региональные аналоги стратегического контура экономического регулирования;

- в составе стратегического планирования радикально обновить модели и методы прогнозирования в направлении освоения форсайт-методологии, адаптации его (форсайта) новых и новейших методов в систему регионального стратегического прогнозирования; обобщить и включить в инструментарий региональной экономической политики все лучшее, что было наработано и накоплено за истекшие годы;

- предложить новую теоретическую модель региональной экономической политики, дополненную структурной и промышленной политикой и органически увязанную со стратегическими национальными целями, приоритетами и соответствующими стратегическими проектами/государственными программами; с системой межрегиональных экономических связей (в противовес автаркическим подходам к планированию и управлению); с отраслевой структурой экономики, видовой структурой и интересами бизнеса; со специфицированными региональными системами стратегического целеполагания, прогнозирования, проектирования и программирования, включая взаимоувязанные системы параметров, индикаторов и критериев оценки результативности этой политики;

- обеспечить механизмы контроля, администрирования и стимулирования исполнения принятых экономико-политических решений. Опыт организационного закрепления функций координации и контроля за исполнением программ и проек-

тов на основе функционально-целевой модели в Пермской администрации имеется. Но он не получил развития из-за периодической смены администрации и соответствующих изменений в методах экономического руководства. Поэтому потребуются сформировать действенные институты и механизмы обеспечения преемственности и непрерывности региональной экономической политики на временных горизонтах, сопоставимых с хронологией стратегического регионального плана. Решению таких задач могли бы способствовать специализированные надведомственные органы власти, например комиссия при администрации Пермского края по стратегическим проектам и региональному стратегическому планированию. Такую комиссию можно «вписать» в действующую вертикаль государственного управления по линии исполнительной власти (Администрации Президента Российской Федерации; Госсовета РФ как совещательного органа при Президенте Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, включая их структуры на региональном уровне управления).

Список литературы

1. О Совете по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов РФ: приказ Мин-ва экон. развития РФ от 5 июня 2013 г. №304 (с изм. на 28 нояб. 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Концепция комплексной целевой программы развития муниципальных образований и реализации конституционных полномочий местного самоуправления в Пермской области: решение Зак. собр. Пермской области от 22 июня 2000 г. №1026; утратила силу с 21 марта 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Стратегии социально-экономического развития Пермской области: постановление Зак. собр. Пермской области от 18 сент. 2003 г. №990. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодификатор целей и задач социально-экономического развития Пермского края. Утв. распоряжением губернатора Пермского края от 29 июня 2010 г. №95-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в Перечень государственных программ Пермского края, утвержденный распоряжением губернатора Пермского края от 24 июня 2013 г. №146-р: распоряжение губернатора Пермского края от 28 сент. 2017 г. №206-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Положения и составов проектных комитетов по основным направлениям стратегического развития РФ: распоряжение Правительства Пермского края от 3 февр. 2017 г. №20-рп (в ред. распоряжений Правительства Пермского края от 27 февр. 2017 г. №45-рп, от 26 апр. 2017 г. №99-рп, от 28 дек. 2017 г. №337-рп, от 16 мая 2018 г. №110-рп). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Схемы развития и размещения производительных сил Пермской области на период до 2000 г.: постановление администрации Пермской области от 11 мая 1994 г. №132. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Артамонов, М. При путинском режиме Решетников? ?? неплохой вариант. Итоги выборов губернатора Пермского края / М. Артамонов //Звезда. – 2017. – 12 сент. URL: <http://zvzda.ru/articles/df0179746136>.
9. Белкина, А. Решетников объявил правила игры для пермских строителей / А. Белкина // URA.RU. – 2017. – 10 июля. URL: <https://ura.news/articles/1036271472>

10. Богданова, Ю. В. Дорожная карта разработки базовых документов стратегического планирования и прогнозирования в реализацию федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» / Ю. В. Богданова, О. О. Смирнова // Мат-лы Всеросс. конф. молодых ученых по вопросам государственного стратегического планирования «Форум молодых стратегов» (Москва, 20 мая 2015 г.). – М. : Изд-во МНЭПУ, 2015.

11. Борзун, О. Чиркунов подставил Басаргина. Экс-губернатор нашел свое место под солнцем. И проложил путь другим / О. Борзун // Московский комсомолец. – 2014. – 12 февр. URL: <http://perm.mk.ru/article/2014/02/12/983921-chirkunov-podstavil-basargina.html>

12. Бухвальд, Е. М. Стратегическое планирование и новые ориентиры политики регионального развития в Российской Федерации / Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – №5. – С. 21–41.

13. Быкова, С. Устраивайтесь поудобнее. Губернатор призвал не увлекаться глобальными проектами / С. Быкова // Коммерсант. – 2018. – 18 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3689440>.

14. Глава Прикамья представил свою стратегическую линию развития региона // Новый компаньон. – 2017. – 28 марта. URL: <https://www.newsco.ru/articles/nk-3853639.html>.

15. Городецкий, А. Е. О фундаментальных причинах провалов государства: дисфункции государственного управления и их преодоление / А. Е. Городецкий // Итоги трансформации, или Какой капитализм мы построили: мат-лы междунар. науч. конф. – 2017. – С. 99–117.

16. Городецкий, А. Е. Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора / А. Е. Городецкий // Экономическое возрождение России. – 2017. – №4. – С. 17–29.

17. Городецкий, А. Е. Теория планирующих систем Гэлбрейта и уроки российских административных реформ / А. Е. Городецкий // Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М. : Культурная революция, 2017. – С. 285–318.

18. Государственный архив Пермского края. Главное управление экономики Пермской области. 1940–2006 гг. URL: <http://www.archive.perm.ru/catalog/1117-glavnoe-upravlenie-ekonomiki-permskoj-oblasti/>

19. Информационно-аналитическое обеспечение управленческих решений губернатора государственной программы Пермского края «Совершенствование государственного управления». URL: <http://www.gostorgi.ru/44-4871800>.

20. Заключение Контрольно-счетной палаты Пермского края на проект закона Пермского края «О бюджете Пермского края на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг.» (внесен губернатором Пермского края М. Г. Решетниковым) от 20 окт. 2017 г. №50. – Пермь, 2017. – С. 15.

21. Концепция поляризованного развития Пермской области. – Пермь, 1993. – С. 14.

22. Концепция развития цифровой экономики Пермского края в 2018–2024 гг. URL: <http://mirs.permkrai.ru/upload/iblock/e92/Концепция%20развития%20цифровой%20экономики%20Пермского%20края.pdf>

23. Краевые власти «реанимировали» работу проектных офисов в Прикамье // Местное время. – 2017. – 2 марта. URL: <http://permv.ru/2017/03/02/kraevye-vlasti-reanimirovali-rabo/>

24. Магданов, П. В. Проблемы стратегического планирования СЭР региона / П. В. Магданов, В. Ю. Падей // ARS ADMINISTRANDI. – 2011. – №3. – С. 71–72.

25. Магданов, П. В. Подход к организации стратегического планирования социально-экономического развития региона / П. В. Магданов, В. Ю. Падей // ARS ADMINISTRANDI. – 2011. – №4. – С. 4–20.

26. Об итогах социально-экономического развития РФ за 2003 г. / Мин-во экон. развития и торговли РФ. – 2004. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>.

27. Орлова, М. Бросили ключ. Экономисты: в Стратегии Пермского края до 2026 г. слишком легкие задачи / М. Орлова // Российская газета. – 2012. – 22 дек. URL: <https://rg.ru/2011/12/22/reg-pfo/perm-strategiya.html>
28. Планирование: перезагрузка / под ред. А. В. Бузгалина. – М. : Культурная революция, 2016. – С. 389.
29. Полина, Д. Расставим точки над ИТ: как Пермский край стремится стать «цифровым» / Д. Полина // Новый компаньон. – 2017. – 13 дек. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4470845.html>
30. Приоритеты экономического развития субъектов Российской Федерации / В. А. Гуртов, Л. Я. Березин, В. А. Матвеев, С. В. Сигова. – М.: Кучково поле, 2005. – С. 45.
31. Раменская, Л. А. Особенности проектного управления в органах государственной власти на региональном уровне / Л. А. Раменская // Фундаментальные исследования. – 2018. – №1. – С. 111–115. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42059>.
32. Смирнова, О. О. Муниципальное планирование. Проблемы и решения / О. О. Смирнова, В. Н. Прохоров, Ю. В. Симонова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 3, №2. – С. 57–60.
33. Смирнова, О. О. Основы стратегического планирования Российской Федерации / О.О. Смирнова. – М. : Наука, 2013. – 302 с.
34. Смирнова, О. О. Последовательность разработки и требования к базовым документам для реализации Закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» / О. О. Смирнова, Ю. Н. Богданова // Совр. науч. иссл. и инновации. – 2015. – №10.
35. Смирнова, О. О. Сбалансированная система показателей социально-экономического развития России: современные вызовы / О. О. Смирнова // Проблемы и механизмы оценки эффективности системы государственного и муниципального управления / Российский экон. ун-т им. Г. В. Плеханова. – М., 2016. – С. 277–280.
36. Смирнова, О. О. Стратегическое планирование в субъектах Российской Федерации: методологические основы и методические рекомендации / О. О. Смирнова, С. А. Липина // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – №1. – С. 25–35.
37. Создание организационной структуры системы управления проектами в исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации: от общего к частному // Агентство инноваций и развития экон. и соц. проектов. URL: <https://www.innoros.ru/publications/articles/18/sozdanie-organizatsionnoi-struktury-sistemy-upravleniya-proektami-v-ispol-6>.
38. Состояние нормативной правовой базы стратегического планирования федеральной, региональной (Пермский край и другие регионы, в том числе «регионы-конкуренты»), муниципальной (город Пермь и другие города, в том числе административные центры «регионов-конкурентов»); предложения по созданию необходимых нормативных правовых документов стратегического планирования города Перми. URL: <http://docplayer.ru/35320576-Sostoyanie-normativnoy-pravovoy-bazy.html>
39. Столбов, С. Пермский край окончательно откажется от налоговой льготы на прибыль для крупного бизнеса / С. Столбов // Звезда. – 2017. – 6 июня. URL: <https://zvezda.su/economy/2018/06/permskij-kraj-okonchatelno-otkazhetsya-ot-nalogovoj-lgoty-na-pribyl-dlya-krupnogo-biznesa>.
40. Стратегирование развития муниципалитета в социально-экономическом пространстве региона: анализ, динамика, механизмы / Д. Г. Красильников (рук. авт. колл.), П. И. Блусь, О. Б. Ганин, И. О. Ганин [и др.]; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2016. – 292 с.
41. Стратегический сценарный прогноз. Пермский край, Россия и мир – 2030 / под общ. ред. А. И. Агеева. – М.: Ин-т экон. стратегий РАН; Рубин, 2016. – 432 с.

42. Теплякова, К. Главы муниципалитетов Прикамья будут согласовывать своих замов с краевыми властями / К. Теплякова // Накануне.RU. – 2018. – 30 марта. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/03/30/22502944/>.

43. Чиркунов, О. Государственное управление: деловой подход / О. Чиркунов // Ведомости. – 2007. – 16 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/04/16/gosudarstvennoe-upravlenie-delovoj-podhod>

44. Чиркунов, О. Региональная политика: Условие развития – конкуренция / О. Чиркунов // Ведомости. – 2006. – 26 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/07/26/regionalnaya-politika-uslovie-razvitiya-konkurenciya>.

45. Юрпалов, С. Ю. О результатах внедрения проектного управления в Пермском крае в 2014 г. / С. Ю. Юрпалов. URL: <http://docplayer.ru/45063745-O-rezultatah-vnedreniya-proektnogo-upravleniya-v-permskom-krae-v-2014-godu.html>

A. E. Gorodetsky. State strategic planning: regional experience. The main stages of the development of regional strategic planning and management systems in the context of market and administrative reforms of the 1990s–2000s, which shaped the modern-day state administration system and raised questions about creating a state strategic planning system in the Russian Federation, are investigated. The main causes and factors of the current state of the planning system are identified, the main directions of its development as a core in the structure of the general strategic outline of the country's socio-economic development are identified. The long-term trends and periodicals of the development of state strategic regional planning are analyzed on the example of the Perm Territory.

Keywords: state strategic planning, regional strategic planning, regional socio-economic policy, strategic management, project office, functional and target management model, organizational chart of management.

РЕЦЕНЗИИ

*Е. С. Зотова*¹

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ ПОТЕРЯТЬ

(об учебнике А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, О. В. Барашковой
«Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление.
Базовый уровень». М.: ЛЕНАНД, 2018. 552 с.)

Проблемы, стоящие перед российской экономической наукой, весьма непросты: последнее десятилетие (после кризиса 2007–2009 гг.) характеризуется столь незначительными темпами роста, что эту ситуацию можно определить как стагнацию. Очень медленно решаются вопросы бедности, а бизнес все чаще говорит о нарастающих проблемах, связанных с чрезмерной «опекой» со стороны государства.

В то же время усложнение экономической ситуации в мире, санкции, принятые против России, необходимость ответа на вызовы глубоких геополитических и экономических противоречий современного мирового хозяйства – все это требует изменения траектории развития нашей экономической системы: не просто выхода на более высокие темпы роста, но перехода к новому качеству экономического развития.

Эта задача осознается как экономической наукой, так и экспертным сообществом. Пока результаты решения этой проблемы оставляют желать лучшего, одна из причин – глубина объективных и субъективных проблем, с которыми сталкивается российская экономика.

Одна из субъективных проблем связана со спецификой теоретико-экономических исследований, типичных для последних десятилетий. В научном сообществе, включая Академию наук и университеты России, среди независимых исследовательских центров прочно доминирует неоклассическая экономическая теория, дополненная рядом положений нового институционализма. Ну а то, что в мире называется гетеродоксальной экономической теорией, в частности современная марксистская политическая экономия, к сожалению, не получило признания в экономическом сообществе России.

¹ Елена Серафимовна Зотова, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. экон. наук.

Исключением являются некоторые пространства, где это направление развивается и последовательно используется для решения теоретических и практических задач.

К таким пространствам относится Вольное экономическое общество (ВЭО) России. Систематические дискуссии, публикации, прежде всего в журналах «Вольная экономика», «Экономическое возрождение России» и др., демонстрируют реальный плюрализм, многообразие теоретических подходов и открытость. Все это важно для формирования теоретических основ стратегии опережающего развития страны.

В работах президента Вольного экономического общества России профессора С. Д. Бодрунова предложена модель не просто увеличения темпов экономического роста для российской экономики, и даже не только реиндустриализации, но перехода к качественно новому экономическому развитию на базе высоких технологий, интеграции производства, науки и образования. Весьма симптоматично, что в работах С. Д. Бодрунова большое внимание уделяется классическому политико-экономическому наследию, в частности, работам Карла Маркса.

В этой связи обратим внимание на выход первого в России нового учебника по классической политэкономии с ориентацией на марксистскую версию этой теории. Учебник написан известными учеными, профессорами МГУ имени М. В. Ломоносова А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым при участии молодого исследователя О. В. Барашковой.

Авторы поставили задачу изложить ключевые положения «Капитала» и последующих работ К. Маркса понятным современному читателю языком, чтобы они не оставались просто воспоминаниями об экономике XIX в., но стали ключом к пониманию экономики нового столетия. Эту весьма не простую задачу авторам учебника в основном удалось решить.

Важно, что авторы не ограничились воспроизведением классического наследия, они пошли дальше, предложив продвинутый курс политической экономии для студентов магистратуры, в котором они раскрывают ключевые особенности современного глобального капитализма, в том числе его российской модели.

В первой части книги, посвященной классической политической экономии, аргументированно, хотя и не всегда традиционно, представлен известный классический материал. Так, философские основы метода марксистской политической экономии посвящены в основном диалектике, все остальные методологические подходы почти игнорируются. Авторы постоянно делают акцент на исследовании противоречий в развитии экономических систем. С одной стороны, это правомерно и полезно, ибо подчеркивает те аспекты, которые часто игнорируются в рамках неоклассической экономической парадигмы и в современных учебниках по экономической теории; с другой стороны, диалектический метод не просто постулируется в учебнике, но становится, по мнению авторов, едва ли не универсальным ключом к исследованию проблем как классического, индустриального, так и современного капитализма.

Мы критически относимся к такому подходу и задаем риторический вопрос: не чрезмерны ли эти амбиции?

В этом же ключе дана характеристика предмета политической экономии. Обращение к общественному производству, социально-экономическим практикам в этой связи хотелось бы поприветствовать, тем более что авторы понимают практику в данном случае не только как деятельность бизнеса, но в широком смысле слова, включая науку и образование, в том числе – экономическое. Это очень важно, поскольку от того,

чему и как учат студентов-экономистов, особенно в элитных университетах, во многом зависит то, кто и как будет задавать основные направления экономической политики страны в ближайшем будущем.

Критического отношения заслуживает постоянно акцентируемый в учебнике исторический взгляд на развитие экономики. Авторы как будто забывают, что Маркс писал не об истории капитализма, а о его зрелом состоянии. Отсюда их претензия на критику «рыночноцентричности» (термин, используемый авторами учебника) и постоянное педалирование того, что рыночная экономика имеет свое начало, что в современном хозяйственном пространстве складываются уже и другие отношения, которые называются пострыночными. На наш взгляд, авторы напрасно включили в учебник свои домысливания за Маркса. Им следовало бы учесть взгляды ученых, поддерживающих идеи марксистской политической экономии, но при этом не озабоченных постоянной критикой рынка.

Впрочем, отдадим должное авторам учебника: их исторический подход основывается на исследовании развития производительных сил. В марксистской парадигме данная категория обозначает то, что сегодня называют технологиями, технологическими укладами, но имеет более широкое значение, поскольку включает в себя не только средства производства и способы их взаимодействия, но и человека, труд, его содержание и формы. И подход, предполагающий исследование основных этапов развития производительных сил, создает основу для выделения основных стадий собственно экономического развития.

В учебнике есть своя «изюминка»: его авторы, в отличие от авторов многих современных учебников, не забывают, что человечество тысячелетиями жило в добуржуазных экономических пространствах. Натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение, насилие, синкретичность отношений (волевых и экономических) – все эти черты добуржуазной экономической системы подвергаются внимательному анализу с выделением особенностей азиатского способа производства и отсылками к современным проблемам. В мировой экономике XXI в. (и это следует подчеркнуть) существуют анклав, охватывающие сотни миллионов работников, где сохраняются натурально-хозяйственные формы, а в отношениях присвоения и отчуждения воспроизводятся в новом виде старые формы полуфеодальной зависимости, своего рода вассалитета, пережитки внеэкономического принуждения к труду и многие другие черты, о которых не забывают авторы учебника. Подчеркнем, что в большинстве современных учебников по экономической теории об этом не говорится, а зря, ибо не только на периферии мировой экономики, но и в России полуфеодальные формы давления чиновничества на экономику, на бизнес и работников – не такое уже редкое и очень опасное по своим последствиям явление.

Однако главный интерес в исследовании классического наследия представляют разделы, посвященные характеристике товара, денег и капитала. И здесь авторы обращают внимание на те черты, которые не всегда выделяются даже в рамках учебных пособий по классической политэкономии. Речь идет о понимании товарного производства как диалектического единства обособленности производителей и общественного разделения труда. Эта характеристика позволяет отличить «рыночную экономику» от предшествующих и последующих экономических систем. В предыдущих системах нет общественного разделения труда, господствует натуральное хозяйство; в плановой экономике снимается обособленность производителей. Авторы справедливо констатируют: в той мере, в какой общество и государство регулируют экономику, ограничива-

ют самостоятельность товаропроизводителей, мы можем говорить о частичном снятии, частичном преодолении отношений товарного производства и рынка. Такая постановка вопроса важна для понимания многих закономерностей современного капитализма.

Что касается исследования капитала, то здесь обратим внимание на анализ подчинения труда капиталу – как формального, так и реального. Обращение к этой проблеме, которая часто игнорируется даже в старых советских учебниках по политической экономии (исключение – «Курс политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова²), является большим достоинством учебника. Наконец, подчеркнем, что раздел, в котором представлено классическое наследие марксизма, включает в себя анализ не только «Капитала», но и монополистического капитализма, выполненный на базе трудов Р. Гильфердинга, К. Каутского, Ленина. Это – характеристика монополистического и государственно-монополистического капитализма. Многие черты той стадии капитализма, возникновение которой было отмечено названными учеными в начале XX в., сегодня, в условиях неолиберального реванша и распространения рыночного фундаментализма, возрождаются. Это – господство крупнейших корпораций, контролирующих рынок, бюрократическое (а не только в общественных интересах) вмешательство государства в экономические процессы и подчинение промышленного капитала финансовому. На наш взгляд, это делает данный раздел учебника особенно актуальным.

Весьма важно, что «классическая» часть учебного пособия, ориентированная на бакалавров, завершается анализом социально-экономической системы постсоветской России. Одно критическое замечание: авторы, пожалуй, нарушили логику изложения, включив в раздел, посвященный классическому марксизму, анализ современной экономики России XXI в. Это выглядит определенным диссонансом, хотя у авторов есть основания для такого включения: в России после распада советской экономической системы (плановой экономики) произошло восстановление отношений, во многом напоминающих отношения капитализма империалистического периода, описанного в работах Каутского, Гельфердинга и Ленина. Тем не менее это нарушает логическую структуру учебника и, на наш взгляд, при последующих изданиях требуется коррекция.

Раздел учебника, посвященный экономике постсоветской России, открывается анализом социально-экономической природы СССР. Авторы в полной мере реализуют диалектические принципы исследования экономических процессов, показывая, во-первых, причины возникновения и ухода с исторической арены этой экономической системы; во-вторых, – внутренние противоречия советской экономики, и предлагают свою гипотезу о природе этой системы как деформации первого этапа рождения качественно нового общества, названного Марксом «царством свободы».

Характеризуя постсоветскую Россию, авторы обоснованно говорят о специфических формах как рыночных отношений, так и отношений государственного регулирования, сложившихся в этой системе. Специфическим является и содержание отношения к собственности: форма собственности во многих случаях не адекватна ее содержанию. В целом этот раздел требует вдумчивого, неспешного чтения. В качестве замечания подчеркнем чрезмерное акцентирование недостатков и противоречий российской экономической системы и умалчивание позитивных достижений, ставших глав-

² Курс политической экономии: в 2 т. / под ред. Н. А. Цаголова. М.: Экономика, 1963.

ным результатом постсоветских трансформаций. А эти достижения хорошо известны: появление свободы реализации предпринимательского потенциала, развитие частной собственности, решение проблем дефицита и обеспечения граждан широким спектром потребительских товаров и услуг и многое другое.

И еще одно замечание: в данном разделе практически отсутствует анализ цивилизационной специфики России – важнейший аспект, на который указывают многие авторы (Ю. М. Осипов, В. М. Кульков и другие известные российские экономисты).

Как мы уже отмечали, специфика данного учебника состоит в том, что в нем выделен раздел, посвященный анализу современного капитализма с позиций классической политической экономии ХХI в., представленной в работах зарубежных и отечественных авторов последних десятилетий.

Так поданный современный материал трудно найти в отечественной литературе. В учебнике он представлен, пожалуй, впервые. Авторы вынесли этот раздел в приложение, адресовав его прежде всего студентам магистратуры экономических факультетов и экономических университетов. Наверное, это правильно, поскольку раздел достаточно сложен по содержанию и не прост по изложению. Он резко контрастирует с первой (основной) частью учебника, предназначенной для бакалавров, и требует более ясного и простого изложения, адекватного задачам учебника. Однако с содержательной точки зрения материал, представленный в данном разделе безусловно очень полезен. Авторы дают характеристику современного рынка, показывая особую роль в его деятельности крупных корпораций; раскрывают природу рынка, на котором продаются знаки товаров и бренды. Заслуживает внимания показ новой природы денег, которые становятся виртуальными. Содержателен анализ проблем воспроизводства и особенностей накопления капитала, хотя в последнем случае авторы слишком увлекаются доказательством того, что в условиях не-противостояния капиталу наемных рабочих в экономике неизбежен рост социальной дифференциации.

В заключительной части первого приложения, посвященного политической экономии современного капитализма, исследуется социальная структура этой системы, называемой авторами *поздним капитализмом*. Авторы делают существенный шаг вперед по сравнению с классическим представлением о капитализме как обществе, где экономически обусловленными социальными группами являются только наемные работники и буржуазия. В учебнике показано, что поздний капитализм является периодом глубоких технологических и экономических трансформаций, а это обуславливает существенную диффузию социальной структуры, усложнение внутренней структуры, появление множества различных социальных групп внутри классов, а также формирование межклассовых социальных страт. На основе этих выводов авторы формулируют характеристики таких социальных слоев, как прекариат, креативный класс и др.

Специально отметим хорошо проработанный аппарат учебника, в котором в качестве приложения представлен набор учебно-методических материалов по курсу: программа, тезаурус, предметный указатель, обширная аннотированная библиография, указания на литературу, которую может прочесть внимательный читатель, заинтересованный в дополнительных знаниях, а также вопросы, позволяющие проверить свои знания. В целом, учебник методически и с формальной точки зрения выполнен на уровне современных мировых стандартов, что далеко не всегда отличает работы, публикуемые в нашей стране, особенно учебники по политической экономии. Пожалуй, это первый учебник по классической политической экономии со столь качественным научно-методическим аппаратом.

Суммируя, подчеркнем: авторам удалось не только на хорошем методическом уровне изложить основные положения классической политической экономии, но и показать ее потенциал в решении наиболее актуальных проблем современности. Несмотря на отмеченные недостатки, данная работа представляет несомненную ценность как с образовательной, так и с научной точек зрения.

Отметим, что учебник уже получил широкое признание не только среди читателей, но и у экономической общественности. Вольное экономическое общество России наградило авторов премией «Книга года».

Учебник «Классическая политическая экономия» может быть рекомендован студентам и преподавателям, ибо он позволит существенно расширить их знания в области классической политической экономии или получить первое представление об этой науке.

S. D. Bodrunov¹

**TECHNOLOGICAL REVOLUTION NECESSITATES A PROFOUND REFORM
OF THE ECONOMY
(excerpts)**

...
Let me remind you that at the previous SPEC we pointed out that the world community – a little earlier, and our society – relatively recently, but still paid attention to the qualitative changes in the technological basis of the economy that we have been talking about for many years. It is very important. Awareness is growing that these changes are not just current “improvements” that occur every day. We stand at the beginning of *qualitative transformations* that form global challenges for future social and economic development. From monotonously soothing conversations about the post-industrial society, whose mirages hidden the desert of deindustrialization for policymakers and even scientists, the movement towards a new paradigm – *reindustrialization*, restoration of industry on a qualitatively updated technological basis began step by step...

In contrast to the currently dominant lists of new technologies that are not very conceptualized, and often are not even systematized, we offer a theoretical understanding of these trends and believe that the basis of all changes is *the growth of knowledge-intensive material production*. All the rest follows from this: the new *NBICS (Center of Convergent Nano-, Bio-, Info-, Cognitive, and Social and Humanistic Studies and Technologies)* technologies generated by this knowledge; the *integration* of production, science and education that is necessary for such knowledge-intensive progress; a course on *reindustrialization* based on high technologies; the possibility of *advanced* one (if proper knowledge are gain and acquired), rather than catching up trajectory of the Russian economy developing – the list is easy to continue.

All other components – robots, computers, the Internet, new sources of energy, digital and nanotechnologies – all these are consequences, blocks, elements of a shift that is happening before our eyes, but still is not fully understood – both by society and the scientific community...

The emphasis on production is also important for implementation of *reforms* in economic management, where financial capital and financial institutions have been dominant for more than the first decade. Finally, the priority of production should be taken into account in *economic theory*, where it is good to remember the new developments of representatives of both classical political economy and world-system analysis, and a number of other scientific schools.

...

¹ Sergey D. Bodrunov, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Director of S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), Doctor of Economics, Professor.

What is the essence of knowledge-intensive economy, what are its main features? ... This report is confined to just a few remarks:

1. The most vivid technological changes are characterized by the directly *opposite dynamics* by two parameters: on the one hand, the *role and place* of material factors in the newly created products; and on the other hand, *role and place of knowledge*. Growing knowledge, which forms knowledge-intensive product.

2. The *process of technological innovation* is changing – it becomes specific for it: a) “acceleration of acceleration”, a kind of second derivative of technological updates, and b) *continuity* of the innovation process.

3. Both **opportunities** and **the need** to *integrate production, science and education*, at both the micro- and macro- levels, are forming.

4. The consequence of this transformation becomes a change in the *place of a person in social production* – he is increasingly taking the position of “controller and regulator”, which Karl Marx foresaw 150 years ago with his usual insight.

5. There are conditions for the gradual reduction of pressure and *forcing out the simulative needs* of the satiety world are ripping, and the material preconditions to develop a *knowledgeable person*, a cultural person are emerging; just such a person becomes the intensive-knowledge production that is demanded.

...
As for the situation in the Russian economy, to put it mildly, it is rather mixed... For the sake of fairness, I note that over 5 years a great deal in our country (both in term of the situation in the economy as a whole, and in promoting the ideas of restoring industrial capacity) has been changed for the better. A great deal but not everything... Recent years have been marked by significant changes in the geopolitical economic contexts of our country and its economy. And this is not the matter sanctions and counter-sanctions only. We have been witnessing a time when the configuration of the world political and economic space is changing. Russia finds itself in this new configuration with a stark choice: either to become one of the authoritative players in this field, or to find itself in a position of a country, which depends on new favorites both economically and politically.

...
Russia needs not so much extensive growth, but more intensive development: I spoke and wrote 10 years ago, and more than once, and many colleagues expressed that GDP growth itself does not reflect real *qualitative* changes in the economy. This thesis also is increasingly recognized in the global community. And it is here that Russia has considerable problems.

Over the years of exacerbation of foreign policy problems, we were unable to solve in full the problem of import substitution in the field of high-tech industrial material production. We still do not have world-class mass production of knowledge-intensive equipment. We have a shortage of relevant personnel. We still have great problems with the development of both academic and applied sciences.

...
The country has both the potential and desire to solve the problems we face, and this is very important. But there is no clearly expressed strategy, which will allow to use this potential. Moreover, it seems that both society and government institutions have no understanding all the urgency of the need for deep reform of the economic relations and institutions system, and no clear understanding of the goals and methods of economic policy arising from this. And first of all, in my opinion, there is no very important emphasis on the need to refuse a number of dogmas in monetarist-oriented economic theory and economic education. And the

latter plays not the *last* role in the formation of those *personnel*, which determine the economic course of the country, its future.

...
We are talking about a system of measures that the representatives of the Section of Economics of the Russian Academy of Sciences, experts of the VEO (All-Russian Economic Society), and me have already proposed more than once. These are following:

- (1) *to move away from the market fundamentalism*, with which the majority of intellectuals, not to mention citizens, is agree, but for which the minority is for economic reasons;
- (2) industrial policy and strategic planning;
- (3) to accelerate the investment activity and concentrate the key resources in the basic areas of technological breakthrough;
- (4) to improve the state administration: the “smart economy” of the society development new stage needs a “smart state”; to improve the state credibility among society and business.

...

*S. Y. Glazev*¹

**PRIORITIES OF THE RUSSIAN ECONOMY'S ACCELERATED DEVELOPMENT
DURING THE TRANSITION TO A NEW TECHNOLOGICAL MODE
(excerpts)**

Foresight is known to be foreseeing the future, technological, institutional and social ones. But the main thing, this foresight is necessary for us to implement more successfully the social and economic development goals. For this purpose, the foresight methodology should be combined with the economic policy methodology. We have a lot of achievements in foresight, but in the economic policy there is yet no noticeable connection between what is doing as part of forecasting and what is implementing in practice...

In terms of economic development priorities, it is more or less clear that there in the world economy, the core of the new technological mode has been formed, and it is growing at an average rate of 30-40% per year. Nano-, bio-, engineering, information, communication, cognitive, digital technologies in combination give a technological revolution, which transforms almost all sectors of the economy. If there at the core the growth rates reach 35, and sometimes 70-80% per year, then these technologies implementation on the periphery also gives priority growth of 10-15% in the load-bearing industries, and 3-4% – in the traditional industries. It is technological revolution, strictly speaking, that provides a leap in economic development. What we need to do to implement all these achievements? We need, of course, to provide full-scale financing the production of a new technological mode...

There, you know, the Central Bank has practically stopped to allocate loan to the economy. If before 2014, the Central Bank allocated a loan of about 10 trillion rubles, today, after the last 4 years, the refinancing of the economy has been completely ceased. Special tools under which project financing was granted, support for small-sized business was made, and so on, have been ceased, and the Central Bank withdraws money from the economy instead of investing them. 10 trillion rubles in total were withdrawn, plus another 4 trillion have been withdrawn over the past year and a half through deposits and bonds issue. That is, the Russian monetary authorities are slowing down the economic development instead of creating target-oriented crediting for economic growth...

The recommendations arising from the technological foresight have nothing in common with economic policy. Economic policy is carried out directly on the contrary to how it should have been carried out on the basis of the strategy of a leap in economic development that the President of our country is talking about. With regard to the leap, from the technolog-

¹ *Sergey Y. Glazev*, Ph.d. in Economics, Full Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Adviser to the President of the Russian Federation.

ical foresight follows the mixed strategy of priority development. First, this is advanced growth of the new technological mode, the maximum concentration of resources in order to use in full the existing scientific and technological potential. The second direction is a dynamic catch-up where our enterprises are close to the front of scientific and technical progress. The aviation industry is a great example. Less than 30 years have passed, and people started talking that the IL-96, TU-204, and IL-112 aircrafts could create the foundation of our fleet, which we lost. For 20 years when has been no financing the leasing of aircraft, the entire potential has been idle. If we can now arrange target-oriented crediting to create leasing of our aircraft through state banks, the growth rate can raise several dozen times only in this very promising area of the economy...

As long as we have a primitive idea of economic equilibrium as a dominant one in the economic management paradigm that is absolutely incompatible with the patterns of economic development, which is nonlinear, non-equilibrium, uncertain, and requires a concentration of investment in leap-ahead areas of the technological trajectories formation, we will run on to serve the interests of the ruling establishment part...

G. A. Aganbegyan¹

**ON OVERCOMING STAGNATION, RECESSION
AND ACHIEVING 5% GROWTH
(excerpts)**

...
Relying on the proposals of experts, I tried to formulate the fundamental measures to overcome stagnation and move towards social and economic growth, which is necessary for us and shall be at least 5%, in seven main areas.

The First. The transition to accelerated growth of investments in fixed capital and growth of investments in human capital – «knowledge economy», its main components – R&D, education, information and communication technologies and biotechnologies, health care. By the word “accelerated” I mean 10% annual growth. With such a growth, the share of investments in gross domestic product will increase from 20.6% to 25% by 2024, and the share of investments in the “knowledge economy” in GDP will increase from 14% to 22%...

The Second. Investments in fixed capital should, first of all, be directed to the technological renewal of the existing production in order to transfer the national economy of the country to the modern material and technological base in 10-15 years. Another important area of investment is the creation of new production capacities in high-tech industries – electronics, pharmaceuticals, instrument engineering, aviation industry, nuclear mechanical engineering, synthetic chemistry, etc...

The Third. This is the necessary financial resources procurement... Where to take money from? This is one of the main issues. In order to take money we need to deconstruct myths. We need to move to the budget deficit for a number of years, during which we need to revive economic growth. The safe deficit has been determined by the European Union at 3% of GDP. This figure is 3 trillion rubles in Russia. But what are we doing? In 2018 stagnated, we received 2.5 trillion rubles surplus. Have we nothing to do with money, haven't we? In a country with population 20 million people who have beggarly living wage. All developed countries, both the USA and Europe – all develop with a budget deficit, this is profitable...

The Fourth. It is necessary to reduce the key rate of the Central Bank for 3 years at least to 4-5%. Until it has not been reduced, it is necessary to finance a low rate from the budget: 5% – for an investment loan in technological renewal of existing production with a payback of 5-7 years, 4% – for new capacities of high-tech industries with a payback of 10-12 years, 3% – for creating a new transport structure with a payback of 20-25 years. This will

¹ *Abel G. Aganbegyan*, Ph.d. in Economics, Full Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economic Theory and Policies Department at the Russian Academy of National Economy and State Services under the President of the Russian Federation.

annually require 100-150 billion rubles from the budget for an investment loan of 2 trillion rubles...

The Fifth. It is necessary to move on to a strong stimulation of investment and economic growth by “tax pause”, when technical renewal is performed, new capacities of high-tech industries are built, giving cheap loans for project financing without collateral, etc. In order to “give the oil needle up”, it is necessary to create strong incentives for the development of export industries for the production of finished products with high added value, incl. also for information technology, like in India or China...

The sixth. We need major structural changes to eliminate the obstacles for economic growth that we have, and to encourage regions, companies, and private companies to economic growth. To do this, it is necessary to make structural reforms in the field of property, to adopt new laws on property, increasing the share of private property in creating GDP from 29% (according to the World Bank) to 55-60%, it is necessary to recreate the competitive environment, reform natural monopolies – Gazprom, Russian Railways, Rosneft and others...

The Seventh. Social and economic growth is bogged down unless the population’s solvent demand, which depends on the increase in their incomes, increases annually. Before 2021-2022, when, according to our calculations, significant economic growth may begin, it would be advisable to increase the incomes of the population in 2019-2021 from the budget deficit, establishing them in the amount of 2-3 trillion rubles per year...

Russia more than once or twice in its history found itself in a difficult, seemingly hopeless situation. But each time its people found strength to move forward, overcome difficulties, reach new heights. This should be the case also this time!